
ОГОНЁК
№ 34 АВГУСТ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Жаркая пора страды.

РАЗГОВОР У САМО

В закрома страны.

Поспевает кукуруза.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 34 (2355)

19 АВГУСТА 1972

Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР комбайнер В. М. Чердинцев.

...ГО ПОЛЯ...

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

ЗА ЧТО УВАЖАЮТ ЧЕЛОВЕКА

И. ПРУТ
Фото А. ГОСТЕВА.

...Степь, степь... Степи Оренбуржья. Ни конца, ни края — лежит хлебная равнина до самого Южного Урала. Эта хлебная степь даже в прошлый тяжелый год дала пять миллионов тонн зерна.

Тема современной деревни давно интересует меня. Несколько лет назад я принимал участие в создании пьесы о врачах удмуртского села. Теперь же я мечтал встретиться с теми, кто выращивает хлеб.

Колхоз «Рассвет» — самый маленький в Сакмарском районе, но и у него около семи с половиной тысяч гектаров. Все земли — в излучине реки Сакмары. В этом колхозе познакомился с Василием Макаровичем Чердинцевым. Он механизатор, сам из местных. Здесь окончил четыре класса, а в 1942 году заменил на комбайне старшего брата, ушедшего на фронт. В ту пору Василию едва минуло 15 лет.

— Как же вы, такой молодой, стали за штурвал комбайна?

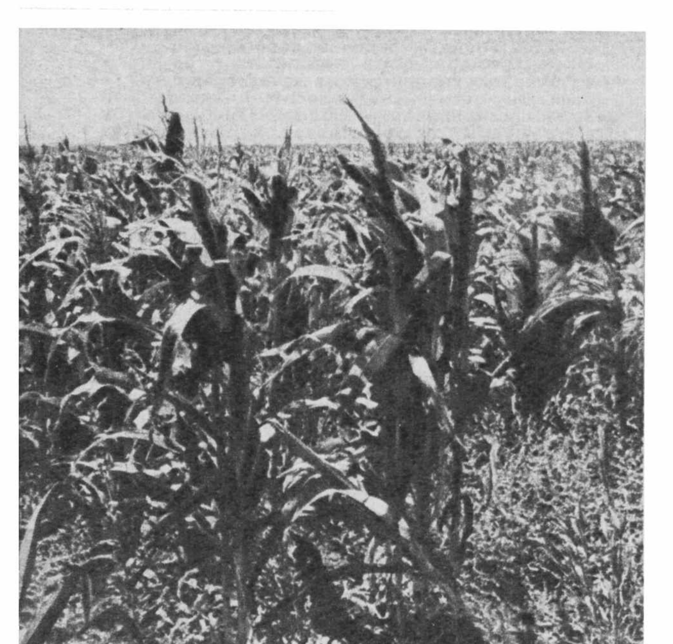
— А что поделаешь, пришлось! Время было военное, в деревне остались одни женщины, дети, старики. А машину я уже знал, сезон работал помощником у брата. В зимнее время слесарил в МТС.

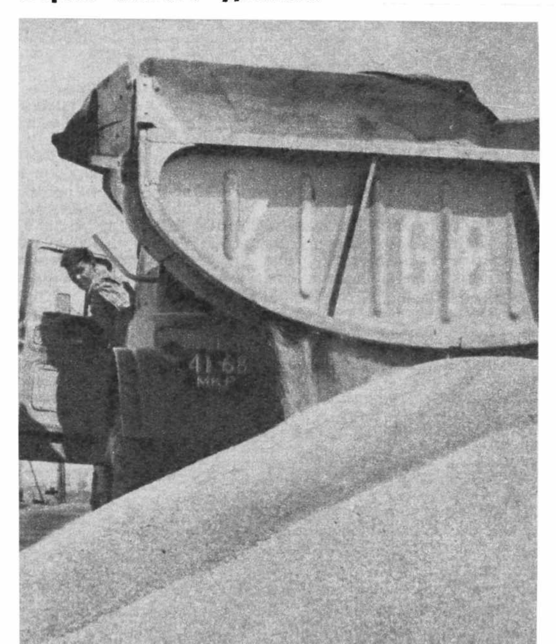
После войны Василий Чердинцев учился в Покровке — там находилась сельская школа механизаторов. А как только окончил ее — снова на комбайн. Ему повезло: на вооружение сельского хозяйства как раз в то время поступили первые самоходные комбайны. И вот такую новенькую машину сразу и получил Василий.

— Было трудно?

Продолжение см. на стр. 12.

Зерно нового урожая.

СЛАВА СОВЕТСКИМ АВИАТОРАМ!

НА СТРАЖЕ МИРНОГО НЕБА

Ежегодно 18 августа наша страна отмечает День Воздушного Флота СССР. Этот всенародный праздник — смотр выучки личного состава Военно-Воздушных Сил, достижений отечественной авиационной науки и техники, авиационной промышленности, гражданской авиации и воздушных спортсменов ДОСААФ.

Советская авиация прошла героический путь. Ее история неразрывно связана с именем В. И. Ленина. Владимир Ильич придавал большое значение авиации как мощному средству борьбы с вооруженными силами контрреволюции. Он вникал во многие вопросы, связанные с формированием и боевыми действиями первых авиационных отрядов Страны Советов.

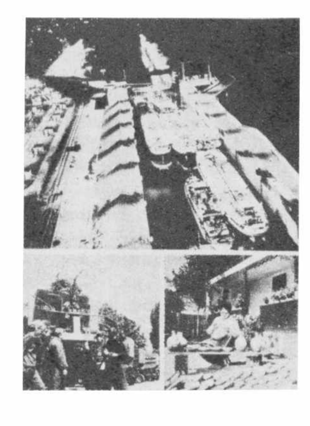
Величайшие мужество и отвагу проявили наши авиаторы в годы Великой Отечественной войны. Они внесли весомый вклад в дело победы над фашистской Германией. Из 77 тысяч самолетов, потерянных противником на советско-германском фронте, 57 тысяч были уничтожены нашими летчиками в воздушных боях и на аэродромах. Личный пример в жестоких схватках с врагом, как всегда, показывали коммунисты.

Благодаря неустанным заботам партии и правительства наши воздушные воины имеют первоклассную боевую технику. Сейчас советская авиация — это авиация всепогодная, сверхзвуковая, ракетоносная. Ей подвластны большие высоты и огромные расстояния. Она способна вести активную борьбу с воздушными силами противника на аэродромах и в воздухе, уничтожать подвижные цели на суше и на море, вести разведку в интересах всех видов наших Вооруженных Сил.

Доблестные соколы-авиаторы надежно охраняют мирное небо нашей Родины. Они всегда готовы по зову партии и народа с честью выполнить свой патриотический и интернациональный долг.

После полетов. Фото Н. Акимова и В. Севастьянова (ТАСС).

23 АВГУСТА — НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК РУМЫНСКОГО НАРОДА, ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ФАШИСТСКОГО ИГА.

РОВЕСНИКИ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Федор АНГЕЛИ

Бухарестский машиностроительный завод имени 23-го августа не нуждается в особом представлении. Его добротную и современную продукцию: тепловозы и дизель-электровозы, карусельные станки и гидротурбины, гидравлические прессы и прокатные станы — хорошо знают не только в республике, но и за ее пределами, в частности в странах — членах СЭВ. В свою очередь, из социалистических стран предприятие получает необходимые ему станки и оборудование.

...Раннее августовское утро. Вместе с первой сменой, минуя проходную, я вхожу на завод. Все вроде бы здесь знакомо, и в то же время многое не узнать. На том месте, где год назад были складские помещения, высятся огромные корпуса литейного цеха. Невольно замедляя шаг, приглядываюсь к людям. Среди рабочих очень много молодежи, тех, кто родился и вырос при социализме.

Мой гид на заводе — 34-летний секретарь парткома Карол Дина. Он и повествует о делах молодых, недавно влившихся в трудовой коллектив. Называет одно, другое имя, рассказывает о рабочих, техниках, инженерах.

— Я хочу вас познакомить с представителем поколения, вошедшего в историю как «поколение 23-го августа»,— говорит товарищ Дина.— Это Ион Мушат, 1944 года рождения. Ровесник освобождения страны!

Пока мы идем к рабочему месту Иона, парторг выкладывает мне его биографические данные: член Союза коммунистической молодежи, инженер, высококвалифицированный специалист. Жена Винорика — главный агроном кооператива «Будешть», что в пригороде румынской столицы. Их первенцу — дочери Мариджан — два с половиной года...

А вот и цех тепловозов. Партия новеньких машин, готовых к отправке. Рабочие, проверяющие в последний раз автоматические установки тепловоза, внимательно прислушиваются к тому, что говорит среднего роста коренастый молодой человек.

— Расскажи «Огоньку» свою биографию,— обращается к нему парторг. Ион Мушат немного смущен.

— Да ведь в моей жизни нет ничего необыкновенного,— говорит он.— Родился в рабочей семье. Детство прошло в послевоенные годы... Когда подрос, пошел вместе с отцом на шахту. Окончил лицей, затем Бухарестский политехнический институт. Четвертый год здесь, на заводе. Вот, собственно, и все.

Да, все. Но за этими скудными анкетными данными — путь шахтерского сына из долины Праховы от рабочего до инженера крупнейшего в республике предприятия. Отец Иона, Василе Мушат, более тридцати лет проработал на соляных копях. В 1944 году вступил в компартию, активно участвовал в социалистических преобразованиях. Теперь он на заслуженном отдыхе. Радостным был для старика день, когда сын Ион получил диплом инженера: в старое время в семье шахтера об этом и не мечтали...

— Отец с детства умел направлять нас,— вспоминает Ион.— Он любил повторять: «Воспитание должно развивать в человеке привычку к труду. Труд — главный стержень жизни». Ему мы, четверо братьев и сестра, обязаны тем, что с детства относились к труду как к высшей доблести. Отец часто брал Георгия, Виктора, Константина и меня на шахту. Мы мечтали: вырастем, пойдем рабочей дорогой отца.

И они пошли. Мать помнит то утро, когда она впервые снаряжала на завод старшего, Георгия. Ему тогда исполнилось семнадцать. Сейчас он слесарь, ударник социалистического труда, уважаемый всеми человек. Затем порог заводской проходной переступили близнецы Виктор и Константин: один стал токарем, другой — электросварщиком. Оба комсомольцы, учатся в вечернем лицее. Виктор уже работает на двух станках. Ежедневно перекрывает норму.

...Шипит, разлетается огненными брызгами голубое солнце электросварки. Это работает Константин Мушат. На заводе его считают отличным специалистом: «Ювелир, а не сварщик».

После смены братьев почти всегда можно найти в саду. Оба заядлые цветоводы. И в день семейного праздника на столе обязательно красуется букет роз или гвоздик, выращенных собственными руками.

Виктор и Константин часто допоздна засиживаются над учебниками. В самых трудных случаях на помощь приходит брат Ион. Потому-то

они и отзываются о нем с особым уважением.

— Наш Ион знает свое дело,— говорит скупой на похвалы Константин.

Эти слова я не раз слышал и на заводе. «Хорошо понимает рабочих, вероятно, потому, что сам был рабочим»,— замечает один из товарищей Иона. Какое-то особое впечатление произвело на меня в Ионе Мушате то, как серьезно он относится к труду. Когда я сказал ему об этом, Ион не удивился:

— А как же иначе? Я так нимаю: ответственность — это сознание того, что ты обязан трудиться лучше, чтобы внести свой достойный вклад в будущее.

В труде Ион Мушат находит истинное наслаждение. Планы завода — его планы. Работа определяет его духовный облик, всю суть жизни. А как он гордится продукцией своего предприятия! Ион считает тепловозы, в производстве которых он участвует, как бы своими собственными. Я назвал бы это рефлексом социалистического сознания, проявления которого я не раз встречал у современной румынской молодежи.

Инженер Мушат с гордостью рассказывает мне о последних достижениях своего цеха: мощные прессы для обрабатывающей промышленности, автоматически загружающиеся вагоны для транспортировки железной руды, буровые установки...

— На днях,— говорит Ион Мушат,— завод отправил в Советский Союз очередную партию дизельных моторов для бурильных установок, тормозные устройства для подвижного состава. Мы гордимся тем, что наш завод поставляет оборудование в СССР, прилагаем все усилия к тому, чтобы эти изделия были самого высокого качества! У нас немало первоклассных станков и машин из Страны Советов, и мы считаем своим рабочим долгом выполнять заказы советских друзей только «на отлично».

Я спросил Иона, о чем он мечтает.

— Сейчас для меня мечта номер один — защитить диссертацию,— не задумываясь, ответил молодой инженер.— Тема? Наверно, неспециалисту мало что говорят два слова — «пластические деформации». Скажу только, что за ними — одна из актуальных проблем механики...

Пожалуй, на этом можно закончить рассказ об Ионе Мушате, парне из рабочей семьи, каких много в Социалистической Республике Румынии.

АПН. Специально для «Огонька».

Бухарест.

ТОРИ: ЗАМЕШАТЕЛЬСТВО И ПРОВАЛЫ

Николай ТУРКАТЕНКО

Парламентариям было сказано: посмотрите, как развиваются события — инфляция бьет через край, цены на продукты питания растут с катастрофической быстротой, в Северной Ирландии идет настоящая война, не менее реальная война идет между правительством и предпринимателями, с одной стороны, и профсоюзами — с другой. Всякий, кто выступает в подобной обстановке за досрочные парламентские выборы, очевидно, не в своем уме.

Подобное признание принадлежит не кому иному, как крайне правой консервативной лондонской газете «Дейли мейл». В этом и ценность признания. Уж кто-кто, а владельцы «Дейли мейл», принадлежащие к самым верхам британского «истеблишмента», редакторы и журналисты этой газеты сделали все, что в их силах, чтобы убедить читателя в самой Англии и за рубежом в правильности курса консервативного правительства, пришедшего к власти в июне 1970 года в результате поражения лейбористов на парламентских выборах.

Что же происходит в Англии, куда ведет ее «развитие событий», если уж верно служащая своему классу «Дейли мейл» вынуждена выступать с подобными, нелестными для правящй элиты признаниями? Я недавно вернулся из Лондона, где провел несколько лет в гуще журналистской жизни, и общее мнение таково: подобного кризиса, который переживает сейчас Англия, давно не было в ее истории. Бушует инфляция. Когда-то «твердый, как Гибралтарская скала», английский фунт стерлингов катастрофически теряет свою покупательную способность. Дело дошло до того, что в Англии опасаются, примут ли ее в конце концов с этим «мини-фунтом» в «Общий рынок», официальное вступление в который намечено на начало будущего года. В Ольстере идет самая настоящая война. По дымящимся улицам городов Ольстера, разворачивая стальными гусеницами улицы и баррикады, движутся пятидесятитонные танки «центурион», снуют шестиколесные бронированные «саладины» и «сарацины», на рейде Дерри стоят десантно-вертолетные корабли английского военно-морского флота «фиарлесс» и «интрепид». Среди развалин и пожарищ Белфаста, Дерри, Арма, Ньюри вершат над ирландцами суд и расправу вооруженные до зубов британские «томми» из полков, «прославивших» свои знамена в таких бывших колониальных владениях Англии, как Малайя, Сингапур, Аден, Кения. Сожжены сотни жилищ. Десятки тысяч стариков, женщин и детей бежали от «миротворцев» в соседнюю Ирландскую республику.

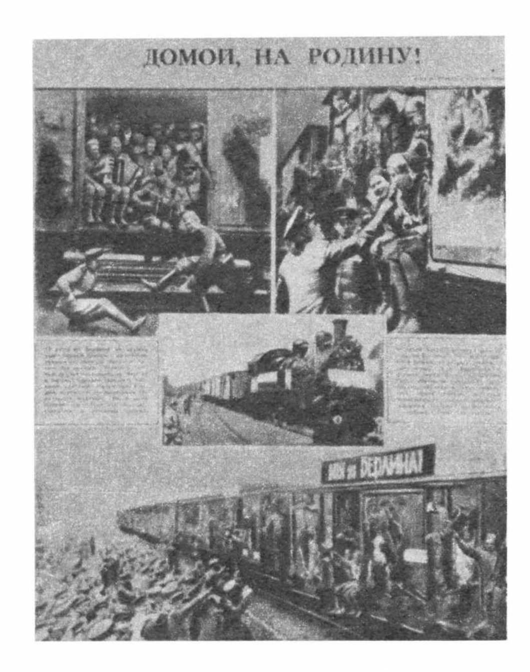
Покрыв себя позором в глазах всего мира, оккупанты в то же время демонстрируют свою «истинную демократичность». Консервативное правительство поручило своему проконсулу в Северной Ирландии Уильяму Уайтлоу провести в Ольстере «плебисцит», чтобы «население провинции высказалось, желает ли оно оставаться в составе Соединенного королевства или присоединиться к Ирландии». Но кто поверит в подобную «демократию», если плебисцит — да и состоится ли он вообще?— будет проходить под дулами автоматов оккупационного корпуса, в обстановке террора и запугивания, практикуемых членами протестантского «оранжевого ордена» и военизированных «лоялистских» организаций вроде «ассоциации обороны Ольстера».

Это на «фронте». Но и в «тылу» правящие консервативные круги терпят одно поражение за другим. Они задались главной целью: надеть узду на британские тред-юнионы с помощью закона «Об отношениях в промышленности». Цель его на словах состоит в том, чтобы «упорядочить» отношения между трудящимися и предпринимателями. На деле же закон стремится выбить из рук трудящихся право на забастовку, завоеванное почти вековой упорной борьбой. Именно на основании этого закона в июле были схвачены и брошены в тюрьму пять руководителей профсоюза докеров. На их защиту поднялась вся трудовая Британия. Объявили забастовку все 42 тысячи докеров, к ним присоединились экипажи судов и водители грузовиков, железнодорожники и машиностроители. Назревала первая после 1926 года всеобщая стачка. И власти отступили, освободив заключенных. Ободренные успехом в ходе этой первой серьезной пробы сил, докеры продолжили стачку, на этот раз требуя гарантии права на труд. В стране объявлено чрезвычайное положение — совсем как в Ольстере. Наготове стоят войска, так же как и в Ольстере, переброшенные из британской армии на Рейне, подчиняющейся верховному командованию НАТО.

Напуганный размахом классовых конфликтов по всей стране, британский «истеблишмент» нервничает. Члены правительства, официозная пропаганда пускаются на все, чтобы отвлечь внимание от насущнейших проблем, стоящих перед страной. Немалая ставка, как и в прежние «добрые времена», делается на пугало «коммунистической угрозы», перед лицом которой «надо забыть внутренние раздоры». Одновременно правительство тори проявляет упорную «подозрительность» по отношению к наметившимся в Европе тенденциям во имя ослабления напряженности, стремления большинства стран Европы, в том числе союзников Англии по НАТО, конструктивно откликнуться на выдвинутое социалистическими странами предложение о скорейшем созыве общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества.

Политика тори вызывает растущее недовольство и опасения в самых широких кругах английского народа. Да, нынешний этап правления консерваторов в Англии нельзя иначе охарактеризовать, как замешательство и провал за провалом. Англия стоит накануне серьезных социально-политических потрясений.

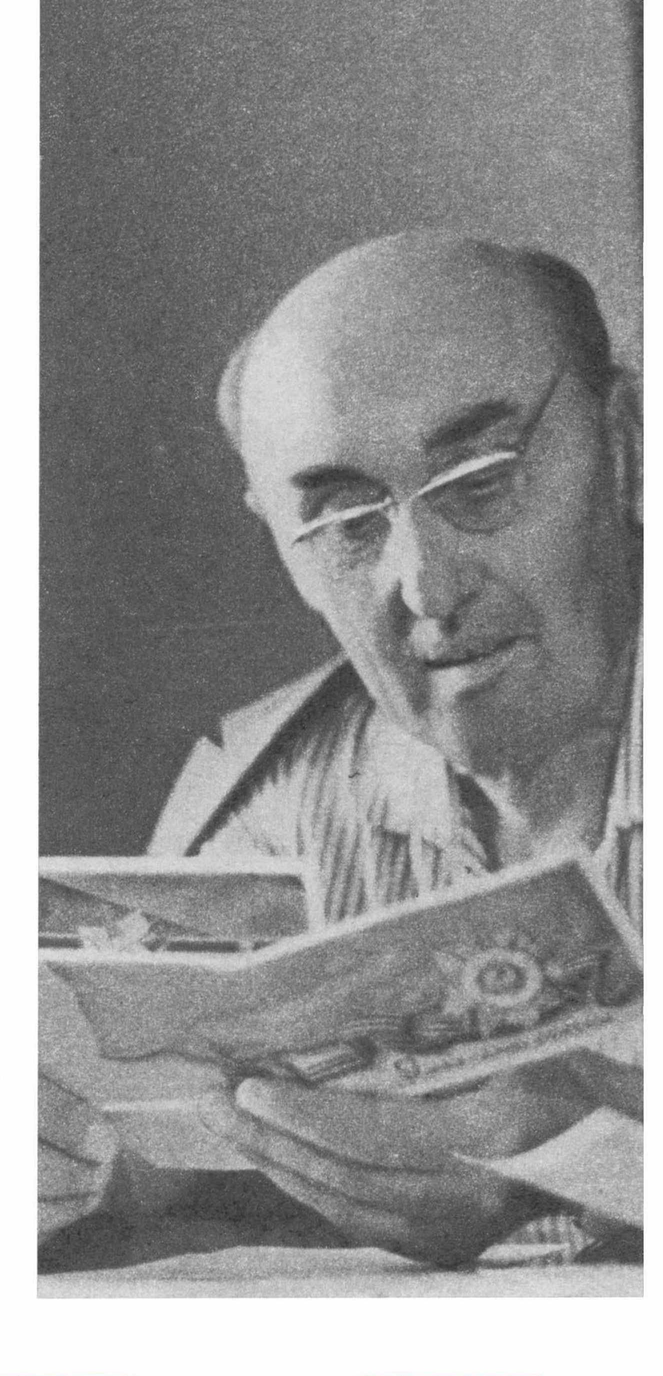

СОЮЗУ ССР — 50 ЛЕТ

КОММЕНТАРИЙ К БИОГРАФИИ

«11 июля из Берлина на Родину ушел первый эшелон с демобилизованными воинами Красной Армии»,— сообщил своим читателям «Огонек» № 30 в самом конце июля 1945 года.

«...Все возможно в этой войне, кроме нашей капитуляции. Доктор Геббельс». Эта листовка встретила штурмовую группу, ворвавшуюся в рейхстаг. «Доктор», известный на весь мир демагог, был предельно краток в канун свершения невозможного.

А через два месяца с небольшим боевые подразделения провожали своих «старичков» домой — в Россию, на Украину, и в приволжские республики, и на Кавказ, и в далекую Среднюю Азию, и в Сибирь...

Мое поколение не знает, что такое в о з в р а т и т ь с я домой с войны. Но я помню, каким вернулся с фронта мой отец. Он шел деревней неузнанным, шел, едва переступая ногами в обмотках и тяжелых пыльных башмаках, шел к дому деда по памяти, не видя ничего вокруг из-за слез. Я его углядел, неузнанного, с лицом, изуродованным пулей, и подумал: «Какой старый красноармеец...» А когда догадался, что это он, отец...

С войны солдаты возвращались поседевшими, усталыми, и такими счастливыми, и такими больными от ран, такими смеющимися сквозь слезы!..

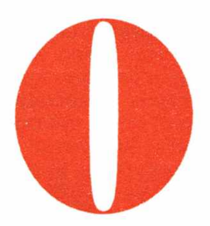
наказами загорелых, продымленных усачей, «старичков», как называли пожилых солдат в ротах. Пели, плясали! Получали под расчет, как Законом то предписано: «...и годовой оклад по общевойсковому тарифу,— годовой оклад за каждый год службы...» Приколачивали к «теплушкам» зеленые ветви, алые полотнища: «Мы рассчитались с врагами сполна, встречай сынов, родная страна». И гармони, аккордеоны торопили минуту отправления, звали в дорогу...

Москва встречала победителей 5 августа 1945 года. Толпы москвичей ожидали первые эшелоны на площадях перед Белорусским вокзалом и перед Ржевским (ныне Рижским). В тот день возвратились солдаты 1-го Белорусского фронта, солдаты маршала Жукова.

...И пошли на Родину эшелон за эшелоном, зеленой улицей покатили составы с теплушками. Полнились дороги: из Европы на восток двигались автоколонны, шли женщины и дети из плена, а то и солдаты, которые своим ходом добирались до родных мест. Было все, как в стихах:

Н. БЫКОВ

П О Б Е

Четыре года огненной страды, четыре года — день в день. 22 июня 1941 года предрассветную тишину, легкий летний сон взорвали тысячи черных бомб и снарядов. А 23 июня 1945 года председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Иванович Калинин подписал «Закон о демобилизации старших возрастов личного состава Действующей Армии...».

«В связи с победоносным завершением Великой Отечественной войны против фашистской Германии Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик считает необходимым провести демобилизацию старших возрастов личного состава Действующей Армии...»

Державные слова, счастливые слова З а к о н а: в связи с победоносным завершением Великой Отечественной!.. Вставай, страна огромная, вставай встречать своих славных сынов и дочерей, одолевших, изломавших, уничтоживших машину фашистского государства, а вместе с ней и нелюдей, управлявших этой машиной!

Тринадцать старших возрастов — первые демобилизованные, тринадцать старших возрастов ехали домой. На берлинском перроне, судя по фотографиям, опубликованным тогда в «Огоньке», обнимали, провожали с веселыми

. . . . . .
Тишина оглушена,
бьют копыта в тишине:
едет, едет старшина
по Европе на коне.

Да, и такое случалось. Только не был старшиной Харитон Григорьевич Дьяченко, а ехал он по Европе на паре гнедых. На той самой, на колхозной, с которой проделал долгий четырехлетний путь по фронтовым дорогам. История эта удивительна и эпична.

1941 год. Огненный вал нашествия катится к Днепру. 8 июля житель деревни Загребелье, что на Киевщине, Харитон Дьяченко получил повестку от военкома: немедля явиться на пункт сбора... Явился, да не один — с парой молодых коней, в тот же день мобилизованных в его родном колхозе. И начался тяжкий труд солдата. И только через четыре года, день в день, Харитон Дьяченко получил необыкновенный демобилизационный документ. Военный писарь каллиграфически, красной тушью начертал на большой алюминиевой пластине исторический текст. Скрижаль победы гласила: «Воинская часть п/п 21443 отмечает повозочного рядового тов. Дьяченко Харитона Григорьевича, прошедшего в Великую Отечественную войну 1941—1945 гг. на лошадях своего колхоза «Новый шлях» из села Загребелье, Тетиевского района, Киевской области, следующий путь:

До 9 июля 1941 г.— почтарь в селе Загребелье;

...по август 1942 г.—...Кременчуг, Лозовая, Полтава, Харьков, Россошь, Купянск, Красноармейск, Карповск, Сталинград;

по февраль 1943 г.— участие в обороне г. Сталинграда и в разгроме группировки фон Паулюса;

по март 1943 г.— Сталинград — Ростов;

по май 1943 г.— Ростов — Краснодон;

по октябрь 1943 г.— Мелитополь — Сиваш — Перекоп;

по июнь 1944 г.— Сиваш — Симферополь — Севастополь;

по июль 1945 г.— Крым — Шауляй — Митава — Либава.

За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и за сохранение социалистической собственности повозочный рядовой Дьяченко Х. Г. награжден орденом Отечественной Войны II степени и медалями «За оборону Сталинграда» и «За боевые заслуги». 8 июля 1945 г. тов. Дьяченко Х. Г. демобилизуется, а колхозные кони и колхозная повозка Военным Советом армии передаются прежнему их хозяину — колхозу «Новый шлях».

Константин Яковлевич Самсонов и его жена Анна Михайловна просматривают корреспонденцию. Как и всегда, ее очень много.

Фото Д. УХТОМСКОГО.

Д

...Маленький эпизод большой войны. Семнадцать тысяч километров из тех миллионов километров, что героически прошли советские люди с рассвета 22 июня сорок первого года до майских дней сорок пятого... А где же солдат, тот, что ехал, ехал по Европе на уцелевших колхозных лошадях? Жив ли?

Первый мой телефонный звонок в Тетиевский райвоенкомат. Слышу бравый голос военкома.

— Дьяченко? А как же! Жив, я в недавнем прошлом лично вручил ему медаль в честь двадцатипятилетия Победы в Великой Отечественной войне. Только Харитон Григорьевич перебрался сейчас в соседнее село Пятигоры.

Звоню в Пятигоры, в сельский Совет. Голос председателя сельсовета Дмитрия Николаевича Сусленко отчетливо доносится:

— Харитон Григорьевич жив и здоров, это ж наша гордость. От сельсовета живет далековато, километра полтора. Ему пошел семьдесят пятый год. Харитон Григорьевич славно потрудился, а сейчас на пенсии. Он ведь и с войны вернулся в годах, нелегко ему было. Но рук не покладал еще долгие годы, у нас пришлось колхоз заново организовывать. После войны колхоз получил имя Карла Либкнехта, сейчас хорошо живем. Харитон Григорьевич еще бодр, по дому хлопочет. Бегает еще, а живут они с Марфой одни, все их дети повырастали и разлетелись. Зато у них много внуков. Так что Дьяченки род свой продолжают!.. Ну, а насчет коней чего же говорить, теперь у нас на селе кони стальные, десятки автомашин, тракторов, комбайнов. Все, как у людей!..

Вернулся солдат с войны. Что его ждало дома? Кого пепелище, кого разоренное войною село, разбитый город... Жизнь продолжалась, жизнь трудная, жизнь в труде. А что сделало для Родины еще и после великой Победы оно, поколение победителей, мы хорошо знаем. Сделало все то, что сегодня окружает нас,— подняло вот эти золотые нивы, эти прекрасные города, проложило в завтра новые дороги, зажгло свет в самых дальних таежных и пустынных уголках, подняло детей своих в космос!..

Ничто не могло омрачить радости Победы. Москва на следующий же день после принятия закона о демобилизации устроила парад Победы. Есть фотография: 3-я ударная армия 1-го Белорусского фронта провожает в Москву на парад со знаменем Победы тех, кто его водрузил над рейхстагом,— Героев Советского Союза капитана Степана Андреевича Неустроева, капитана Константина Яковлевича Самсонова, сержанта Михаила Алексеевича Егорова и младшего сержанта Мелитона Варламовича Кантария. Они вылетели с боевой реликвией из Берлина 20 июня 1945 года.

— Рейхстаг стоял тогда закопченный, без купола, с пустыми глазницами бесчисленных окон. А по копоти от последнего пожара войны белым по черному — автографы победителей,— рассказал мне уже сейчас, спустя двадцать семь лет, Герой Советского Союза Константин Яковлевич Самсонов. Он участник штурма рейхстага в Берлине и участник парада Победы в Москве.— Помню гордую запись: «Сержант Синев дошел до Берлина». А в музей Вооруженных Сил СССР поступила от антифашистов Западного Берлина плита с такой надписью: «Кремля вам, гадам, не видать, а рейхстагу капут». Чувства справедливого гнева и торжества понятны. Тяжело нам досталась победа. Но она была закономерна, потому что семья наших советских народов дружная. Воевали все, беда сплачивает, ведет к победе. У меня в батальоне были вместе и русские, и украинцы, и казахи, и татары. Мы были едины, мы были все советскими, только фамилии звучали по-разному. Я до сих пор не теряю связи со многими однополчанами, они живут в разных республиках, например, недавно получил письмо от Таиза Исмаилова, тоже участника штурма рейхстага...

Константин Яковлевич сейчас уже на пенсии. Он не ушел из армии даже после того, как отвоевался, а служил до 1968 года. Теперь отдыхает, любит тишину, зелень фруктового сада, плоды мирной земли воспринимает особенно остро. У него взрослые сын и дочь. Дочь родилась, когда уже шла война, а сын — после войны, как сказал Константин Яковлевич, «дитя Победы». И дочь и сын — инженеры.

Пути солдатские неисповедимы. Петр Макеев призывался в Пензе — и сразу в бой, в декабрьское Подмосковье морозного 1941 года. Здесь познал радость первой победы! С фронтом прошел до Вислы, там был ранен. После госпиталя — снова в Подмосковье, в артполк, что стоял в Дмитрове. Это была судьба! Потому что шел уже 1945 год, и в августе младшего лейтенанта Макеева демобилизовали, но из Дмитрова уезжать не спешил: в одном из сел района жила девушка Надя, та самая, что вскоре стала женой бывшего фронтовика.

И вот минули двадцать семь лет. Петр Максимович Макеев живет и работает все в том же Дмитрове; он учился, а сейчас — старший инженер на экскаваторном заводе. Я звонил ему 12 июля, не зная, что день этот особый у Макеева: ему исполнилось пятьдесят лет. Сколько же было ему тогда, на войне?

— Демобилизовали меня в двадцать три, инвалидом... Но радость Победы, сознание, что выжил, помогли одолеть неодолимое! Счастлив, что встретил Надю, Надежду Васильевну, счастлив, что получил образование и готовлю сейчас новую рабочую смену. Счастлив, что Дмитров и все Подмосковье, где воевал, неузнаваемо хороши и что рядом со мною, на нашем же заводе, работают и жена и наш сын Гена. А еще внук подрастает!..

Да, многие годы, более четверти века отделяют нас от того исторического рубежа, озаренного огнями салюта в честь победителей. Многие из вернувшихся тогда с войны на фабрики, в шахты, на стройки и поля — многие из поколения победителей сейчас уже на пенсии, на заслуженном отдыхе... Но и по сегодня, как говорится, бойцы вспоминают минувшие дни и битвы, где вместе рубились они... А маленькие дети в Армении, на Украине, по всей России, в Туркмении, в Башкирии, приоткрыв рты, слушают были рано поседевших дедов о том, как люди Страны Советов отстояли свою свободу и независимость.

И внуки старого Харитона Дьяченко слушают, и внук Петра Максимовича Макеева в Дмитрове, и мальчишки во дворе московского дома, где живет герой Константин Самсонов, и те мальчишки из Сухуми, с улицы Фрунзе, где поселился недавно собрат Дьяченко, Макеева и Самсонова по оружию, Герой Советского Союза Мелитон Кантария... Дети слушают ветеранов войны, голос самой истории про бой святой и правый, про тот бой, который выиграли не ради славы — ради жизни на земле.

Михаил РОСТОВ

Фото Д. УХТОМСКОГО.

ИДУТ ДИСКУССИИ НА IV БИОФИЗИЧЕСКОМ...

На Ленинских горах в главном здании и на факультетах Московского университета разноголосица языков. Август — пора конгрессов, и Москва в эти дни стала биофизической столицей мира. И хотя родные языки почти у трех тысяч ученых из сорока стран могут быть разными, научный язык общий, биофизический. В аудиториях тишина, доклад за докладом. После каждого — дискуссия. И в ходе даже самой корректной дискуссии нет-нет да раздаются резкие нотки острого спора. Как эхо, на другом языке отзываются они в наушниках.

Вечером или сразу после заседания — «выяснение отношений». Огромна польза таких грандиозных конгрессов не только и не столько в самих докладах, сколько именно в этих разговорах, «выяснениях научных отношений» и в личных контактах. «Истина рождается в споре» — старый, как мир, афоризм особенно справедлив здесь, на Московском биофизическом конгрессе.

Встречи, новые знакомства, круговорот людей, переплетение интересов. Посмотреть со стороны — все совершается стихийно. А на самом деле есть железная логика в этих встречах, разговорах, спорах.

Как старого знакомого, встречает на конгрессе академик Ю. А. Овчинников американского профессора, гостя Академии наук СССР Б. Прессмана. Давние научные контакты связывают этих ученых, молодого директора Института химии природных соединений АН СССР и руководителя Отдела фармакологии университета во Флориде.

Накануне открытия, как близкие друзья и соратники по развитию проблемы «биологическая физика» в рамках СЭВ, встречаются генеральный секретарь конгресса, профессор Л. П. Каюшин, член-корреспондент Венгерской Академии наук, профессор Дж. Тидди и болгарский профессор Г. Дечев.

Знаменитого Дж. Кендрью из Кембриджа, лауреата Нобелевской премии, президента Международного союза теоретической и прикладной биофизики, принимает и опекает академик Г. М. Франк, председатель оргкомитета Московского конгресса. Я вижу, как в перерыве с ними беседует академик В. А. Энгельгардт, Герой Социалистического Труда, создатель и директор Института молекулярной биологии. Кендрью тоже его старый друг.

Но гораздо больше на конгрессе новых, но запланированных знакомств. Здесь, особенно для молодых ученых, обретают плоть и кровь их незнакомые коллеги. Один молодой биофизик рассказывал мне: «Вы знаете, я никогда не видел профессора В., но, мне кажется, я могу рассказать о нем все. Он живет в Швеции, в маленьком университетском городке. Я доподлинно знаю, что заботит его все эти последние месяцы. Голову даю на отсечение, у него сейчас паршивое настроение. И «виновник» его научных «бед» — американец А. Этот американец, я надеюсь с ним познакомиться, летит сейчас в Москву, вероятно, в отличном расположении духа. Ох, и жаркой же будет дискуссия на нашем симпозиуме!»

Да, в Москве сейчас встречаются незнакомые знакомцы, люди, которые знают наизусть научные статьи друг друга. Среди ученых есть даже такое понятие — «невидимый колледж». Исследователей в разных странах объединяет какая-то конкретная научная проблема. Они внимательно и подчас ревниво следят за исследованиями друг друга, регулярно обмениваются оттисками своих статей, ссылаются друг на друга в работах, у них устанавливаются отношения друзей-единомышленников или научных противников. Для членов такого «колледжа» личное знакомство — большая радость: можно досконально обсудить последние эксперименты, выяснить причины разногласий, поставить все точки над «i».

На конгрессе ясно понимаешь, какая молодая наука биофизика. Так много слушается докладов молодых, но уже маститых ученых. А толпы абитуриентов у дверей биолого-почвенного факультета МГУ (конкурс — пятнадцать человек на место!) — еще одно подтверждение молодости этой науки.

Вокруг каких же проблем ведутся сейчас споры на Ленинских горах? Что волнует ученых? Где те острые углы, о которые стукаются маститые профессора и молодые научные сотрудники и аспиранты?

Когда-то ученые смотрели на клетку, как на кусочек протоплазмы с ядром, окруженным оболочкой. Теперь становится ясным, что живая клетка — это биологическая единица высочайшей степени организации. Ее оболочки, перегородки, перепонки отнюдь не пассивные стенки, а сложнейшие молекулярные машины, работающие четко, безостановочно и исключительно эффективно.

«Мембрана» — это слово звучит на конгрессе особенно часто. Мембрану изучают сообща физики, химики, биологи. Никому из них в одиночку не справиться, слишком сложна она, слишком хитро устроена.

Что же такое мембрана? Как она выглядит? Как устроена? Светового и даже электронного микроскопа для ответа на эти вопросы оказывается недостаточно. Ученые пустили в дело тяжелую артиллерию — современный рентгеноструктурный анализ. И все вместе показало, что эта тончайшая стенка клетки напоминает трехслойный пирог в 70—100 ангстрем. Ангстрем — это одна стомиллионная доля сантиметра! Понятно теперь, как тонок этот пирог. В середине его — жиры, снаружи — белки. Однако белки эти, как оказалось, не намазаны на двойной слой жировых молекул, а образуют с ними функциональные комплексы. Об этом на конгрессе говорят все, в том числе патриарх молекулярной анатомии мембран американец Ю. Робертсон и молодой советский биофизик Валерий Боровягин. Эти ученые в «невидимом колледже» единомышленники.

— Пятнадцать лет переписывались с Робертсоном и вот теперь наконец встретились,— с удовлетворением говорит мне Боровягин.

Каково же назначение мембран?

Во-первых, они стенка, ограждающая клетку от внешней среды. Но стенка не простая, а исключительно хитро устроенная. Она умеет безошибочно узнавать и пропускать внутрь клетки одни вещества и задерживать другие. Каков молекулярный, физический механизм этого непостижимого явления?

12 часов 40 минут. Аудитория № 2 Главного корпуса МГУ. На трибуне профессор Б. Прессман, среднего роста, плотный, сорока — сорокатрехлетний человек. В одном из первых рядов — тридцативосьмилетний академик Ю. А. Овчинников, высокий, широкоплечий, загорелый, удивительно похожий на спортсмена. Они с Прессманом добрые друзья, но сейчас нет оппонента придирчивее и слушателя внимательнее, чем Овчинников. Прессман знает: любая тонкость его эксперимента, удача или просчет не останутся незамеченными. Речь идет о механизмах странного свойства мембраны — становиться дырявой и вдруг захлопываться.

Истоки успешных экспериментов Б. Прессмана находятся здесь, в Москве, в институте, носящем имя академика М. М. Шемякина. Мне приходилось встречаться с этим человеком широкой души и больших научных страстей. Его последней страстью были биологические мембраны. Он, крупнейший химик страны, ринулся в биологию, увлекая за собой учеников. Самым любимым был молодой Юрий Овчинников.

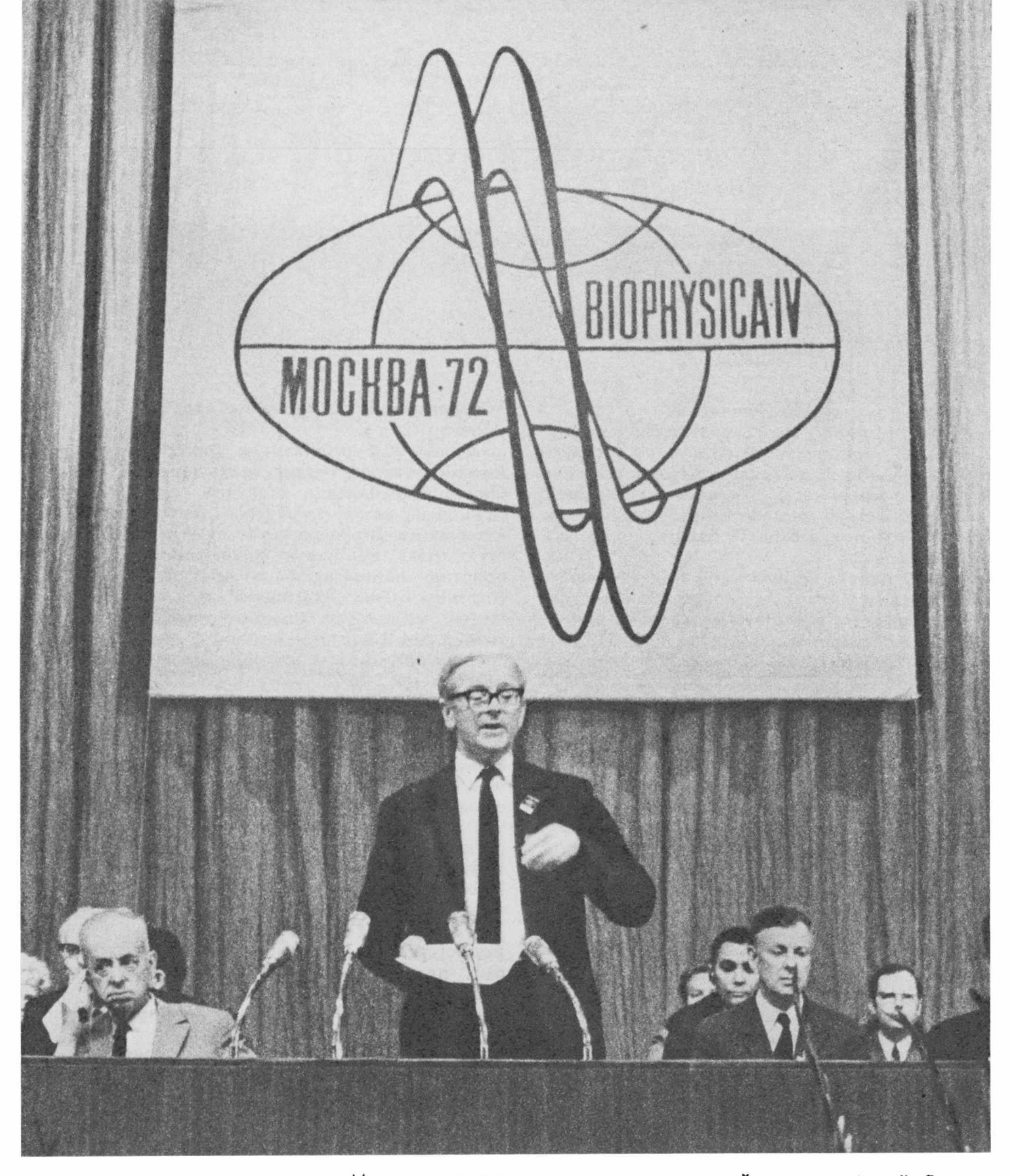
Что сделали эти химики в биологии? Они открыли и синтезировали новые вещества — комплексоны, уникальные химические инструменты для исследования и мембран живой клетки и искусственных мембран. В ничтожных концентрациях эти вещества способны, как волшебный золотой ключик, открывать в мембране молекулярные двери только для определенного иона.

Одно такое вещество — антибиотик валиномицин. Не было цены ему тогда, в тот момент, когда его синтезировали. Но Михаил Михайлович Шемякин во время своей командировки в Америку поделился щепоткой этого белого порошка с совсем молодым тогда Прессманом, дал ему испытать действие золотого ключика на биологические мембраны. Прессман растворил его, капнул в пробирку, и действительно... валиномицин открывал ворота в мембране для ионов калия. Только для них и ни для каких больше. В Москве и Флориде широким фронтом развернулись эксперименты. Следовало выяснить, почему и как валиномицин действует на мембрану.

Ответ получен. Вот почему в аудитории так много сотрудников Института химии природных соединений имени академика М. М. Шемякина, вот почему так внимательно слушает сейчас Прессмана Ю. А. Овчинников...

Мембрана не только стенка, но еще и удивительная по своей миниатюрности и эффективности энергетическая машина, переводящая энергию из световой в химическую, из химической в механическую или в электрическую. Понять физико-химические принципы работы таких машин — насущная задача биофизики.

Приехали на конгресс корифеи в области изучения энергетических станций живой клетки. Вот Слейтер из Голландии, высокий, седой, респектабельный профессор, Ленинджер из США. Физический механизм работы мембран еще не выяснен. Требуются новые идеи, новые методические подходы. Их дают в руки биологам физики. И это не случайно, ведь, по существу, физики интересовались биологией всегда. Биофизиками вполне можно

Конгресс открывает президент Международного союза теоретической и прикладной биофизики, лауреат Нобелевской премии профессор Дж. Кендрью.

Ученые из стран социализма: выпускница МГУ, сотрудница Будапештского университета Илона Банчеровски-Пейхе, член-корреспондент Венгерской Академии наук, профессор Дж. Тидди, генеральный секретарь оргкомитета конгресса, профессор Л. П. Каюшин, директор Института фотосинтеза АН СССР, профессор В. Б. Евстигнеев и болгарский биофизик, профессор Г. Дечев.

Встретились и обмениваются научными новостями американец Б. Прессман (слева) и академик Ю. А. Овчинников, директор Института химии природных соединений АН СССР имени академика М. М. Шемякина.

было бы назвать великих естествоиспытателей Ломоносова и Лавуазье. Само название «биологическая физика» ввел в научный обиход известный русский ученый академик П. П. Лазарев. Это он в голодном 1919 году в Москве создал первый в мире Институт биофизики...

8 августа на конгрессе царствуют электрон и фотосинтез.

Все живое существует на земле благодаря фотосинтезу. Процессы, превращающие углекислый газ и воду в органические вещества, изучаются теперь с помощью мощной техники и еще более мощной физической теории.

Звезда заседания 9 августа — профессор Н. Макконнел из Стэнфордского университета в Калифорнии. Он первый использовал свободные радикалы — молекулы, у которых не хватает одного электрона,— в качестве физических инструментов, зондов, которые исследователи запускают в мембрану, чтобы прощупать, как она устроена.

«Роль свободных радикалов в регуляции биоэнергетических процессов» — так звучит название доклада доктора физико-математических наук, профессора Л. П. Каюшина. На трибуне стоит не тот Каюшин, которого мы знали в период подготовки конгресса, не генеральный секретарь оргкомитета, доброжелательный и закрученный водоворотом организационных дел, а сосредоточенный физик-исследователь. Он говорит о самых глубинных физических явлениях, лежащих в основе всего живого.

Симпозиум № 8. Здесь уже пахнет практикой, биофизика из дебрей увлекательных, не всем пока понятных теорий выбирается на путь, который волнует всех.

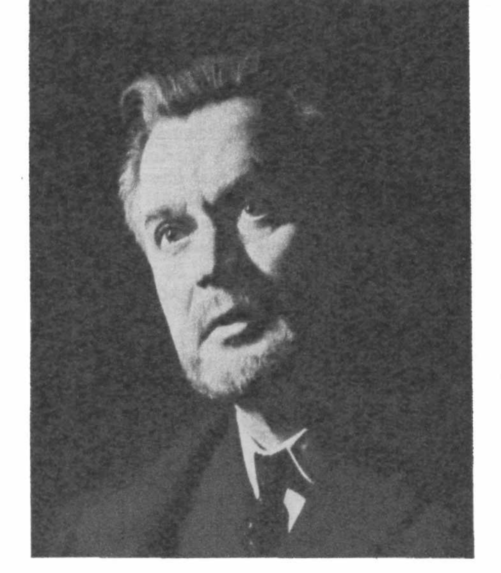
На трибуне лауреат Ленинской премии академик Н. М. Эмануэль. Его доклад — о свободных радикалах и злокачественном росте опухоли. Его сменяет молодой профессор кафедры биофизики Московского университета Ю. П. Козлов: свободные радикалы, биологические мембраны и рак. Следующие два докладчика — американцы. И снова разговор о том же: за медицину, засучив рукава, принимаются физики и биофизики.

Недаром академик АМН СССР, глава онкологов Н. Н. Блохин отмечает выдающийся вклад физико-химика Н. М. Эмануэля в онкологию.

А начиналось все в 20-е годы, в Петрограде, в школе физика А. Ф. Иоффе. Первый ученик этой школы, Нобелевский лауреат, академик Н. Н. Семенов, основал потом свою физико-химическую школу. И уже в этой школе вырос академик Н. М. Эмануэль. Десять лет назад он собрал молодых биологов, медиков, химиков и повел их на штурм проклятых проблем XX века — на штурм рака и лучевой болезни. Существо предложенной им рабочей гипотезы сводилось к следующему: в перерождении нормальных клеток в опухолевые огромную роль играют свободные радикалы. Что такое свободные радикалы? Это молекулы, в которых не хватает одного электрона. Они исключительно «агрессивны», как говорят химики. Лавина радикалов возникает в клетке, когда на организм действует радиация.

В лаборатории Н. М. Эмануэля, а затем и в других научных центрах страны и за рубежом стали выяснять механизм вредного действия избытка радикалов на клетку, начали искать вещества, уничтожающие эти радикалы. Приход физико-химиков в медицинскую биофизику оказался плодотворным.

А сколько еще ценнейших практических плодов может дать могучее древо биофизики! Новые машины, новые системы управления производством. Недалек тот день, когда, используя принципы работы мембран, инженеры создадут, например, опреснитель морской воды. Быть может, сбудется мечта конструкторов построить машину, подобную живой мышце, которая с минимальными потерями превращает химическую энергию прямо в механическую. А мозг? Принципы работы миллиардов его нервных клеток пытаются использовать создатели пока еще громоздких электронно-вычислительных машин. Слушая доклады, дискуссии, дружеские разговоры ученых на Московском конгрессе, понимаешь, как рождается это будущее...

Н. Гриценко — Протасов в спектакле Вахтанговского театра «Живой труп».

ПОСТОЯННЫЕ ЦЕННОСТИ Н. ГРИЦЕНКО

Как и все, я, естественно, выступаю против всякого рода штампов, в том числе и критических. «Деревенщик», «певец военной темы», «мастер тонкой лирической прозы (поэзии, живописи, кинематографа)», «сатирик», «автор публицистических полотен» — такого рода эпитеты перестали считаться обидными... Что поделаешь, видимо, наш век становится веком «узких» специальностей... В точно подогнанные рамки «специальности» в искусстве не влезают лишь художники воистину недюжинные, творчество которых полифонично, а мышление искрометно.

Страстная жажда к постижению мира бросает такого мастера из далекой станицы в салоны прошлого века; смешное ему доступно так же, как трагическое; сложные вопросы в его решениях становятся открытыми, хотя отнюдь не упрощенными.

Таким мастером по праву является Николай Олимпиевич Гриценко — вахтанговец и кинематографист.

Творческий поиск Николая Гриценко, диапазон его таланта воистину поразительны. Многих потряс он совершенно новым, неожиданным прочтением образа Каренина: парадоксальность — всегда свидетельство духовной щедрости и постоянной неуспокоенности художника. Если бы это было один раз, можно было бы говорить об «удаче». Но ведь каждая работа Гриценко — всегда открытие нового мира, создание нового человека. Его Мышкин в «Идиоте» лишь только поначалу казался странным и непривычным по отношению к тексту Достоевского. Потом Гриценко заставлял своей игрой — нет, своей жизнью в образе — поверить, что иным Мышкин просто-напросто быть не может. А каков он в «Турандот» — что за восхитительный каскад юмора, шутки, грусти!..

Николай Гриценко создал великолепные образы наших современников, они никогда не бывают однозначны: художник такого уровня не вправе лепить образ «злодея» лишь в одном ключе «зла». Артист умеет делать «добро» трагичным, а в «зле» находить смешное.

Николаю Гриценко исполнилось шестьдесят лет. Одни называют этот возраст порой творческого расцвета, другие — временем переоценки ценностей. Ни то, ни другое к Гриценко неприложимо. Творческий расцвет — это некая константа Николая Гриценко, то постоянное, что в нем присутствует всегда. Ценности можно переоценивать лишь в том случае, если они стареют, а все, сработанное Гриценко, вошло в историю театра, стало той хрестоматией театра, которую не навязывают к изучению, а деятельно изучают.

Мысль, чувство, высокая гражданственная позиция сочетаются в творчестве Гриценко, определяя его кредо в искусстве, нравственный уклад жизни его героев на сцене.

И те зрители, которые приходят в Вахтанговский дом Высокой Радости, и те литераторы, которые связаны творчески с вахтанговцами, с кинематографом, желают Николаю Олимпиевичу Гриценко — и в торжественном и в нарицательном значении Народному Артисту — счастья и творчества.

Юлиан СЕМЕНОВ

МОЛОДЫЕ

Яростно поют трубы. Звонко цокают копыта коней по булыжной мостовой Красной площади, главной площади первого в мире государства, строящего коммунизм. Высоко взметнулись пики с алыми вымпелами, реет кумачовое знамя. Торжествен марш красногвардейцев. На трибунах Ленин, его боевые соратники, ликующий народ.

«Первый парад» назвал свое полотно молодой художник Николай Соломин. Эта картина экспонирована на Всесоюзной выставке произведений молодых художников, которая открылась в Центральном выставочном зале Москвы 11 августа сего года. Тысяча молодых творцов отдали жар своих сердец, пыл своего таланта любимой живописи, скульптуре, графике, монументальному, декоративному и прикладному искусству.

Полторы тысячи художественных произведений — вот творческий отчет молодежи пятнадцати братских республик накануне великого праздника — 50-летия СССР.

Талантливо написаны картины, образно раскрывающие страницы истории нашей многонациональной Отчизны: Г. Лиепиня «Митинг», Т. Назаренко «Казнь народовольцев», М. Мамедов «Красные в Кара-Кумах», С. Божий «Безымянная высота»...

«Бульдозеристы». Это полотно написала девушка из Братска Эльвира Мотакова. Сюжет предельно прост. Шесть молодых парней. Каждый — хозяин бульдозера... Вздыблена бурая почва. На гребнях земляных валов застыли трудяги-бульдозеры. Угловатые, неказистые... Рабочий день окончен. Стоят плечом к плечу славные парни в спецовках. Стоят твердо, обутые в грубую обувь. Обыкновенные юноши, разные и одинаковые, но все, как один, наполненные тем внутренним упорством, которое побеждает и невзгоды, и стужу, и непокорную земную твердь. Это они строят наше завтра!

«Бульдозеристы» — холст-репортаж, острый и правдивый. Тема героического труда, строительства, подвига — одна из центральных тем выставки.

Образ современника — молодого человека предстает перед зрителем в полотнах З. Давитая «Строители», Д. Джумбаева «Юность», Е. Романовой «Председатель колхоза», С. Айтбаева «Портрет писателя Ануара Алимжанова», Д. Умарбекова «Мой друг», К. Добрайс «Студенты», В. Сумарева «Свадьба» и многих других.

«Июнь» Роберта Музиса. Вечереет... Жарко. Летний ветерок настиг трех девушек в поле. Они остановились в зарослях красных маков. Пунцовые, алые, пурпурные цвета горят в лучах солнца. Длинные синие тени падают на густую траву, поросшую одуванчиками. Героини полотна латвийского живописца наполнены счастьем бытия, тем ощущением радости, свежести, молодости, которое, пожалуй, бывает только раз в жизни — в юности. И вот этот миг счастья слияния с природой, духовной чистоты озаряет нас, когда мы глядим на это небольшое полотно.

Всесоюзной выставке молодых свойственно разнообразие темпераментов и характеров живописцев. Язык картин своеобычен и оригинален. Но что объединяет все произведения, это школа социалистического реализма, построенная на великолепных началах реалистической русской школы, воспитавшей таких больших и разных художников, как Дейнека и Сарьян, Пластов и Корин, Чуйков и Калнынь...

Это нисколько не означает, что произведения молодых художников на выставке лишены недостатков. В экспозиции есть холсты, в которых пластические качества — рисунок, живопись, композиция — сыроваты. Некоторые картины слишком этюдны. Но в чем нельзя отказать даже не вполне совершенным полотнам — это живое чувство и талантливость, которые и определяют Всесоюзную молодежную выставку.

* * *

В этом номере мы воспроизводим на наших цветных вкладках картины дипломников, выпускников Московского государственного ордена Трудового Красного Знамени художественного института имени В. И. Сурикова. Это первые полотна молодых художников, написанные на пороге вступления в большую жизнь. Но и в этих работах зритель найдет талант и живое чувство любви к своей Родине.

Молодые художники. Какой прекрасный путь открывается перед ними. Путь свободного служения народу, цель которого — построение светлого завтра человечества.

И. ВАСИЛЬЕВ

В торжественной обстановке открыл Всесоюзную выставку произведений молодых художников председатель выставкома, секретарь Союза художников СССР Т. Салахов. На открытии выступили заместитель министра культуры СССР В. Попов, первый секретарь правления Союза художников СССР Н. Пономарев, секретарь ЦК ВЛКСМ Л. Матвеев.

На снимке: Открытие экспозиции.

Фото М. Савина.

А. Савдунин (Москва). МОЛОДОЙ ХУДОЖНИК.

М. Мушаилов (Дербент). СВАДЬБА В ДАГЕСТАНСКОМ АУЛЕ.

Н. Валейская (Нарьян-Мар). МОЙ КРАЙ.

ОТБЛЕСК ВЕРШИН

У подлинно народного поэта — свое упорство, свой запас высоты. Как ощутим этот запас высоты революционной и интернационалистской мысли и чувства в каждой строке, в каждом биении сердца Мирзо Турсун-заде! Река его жизни, поэтического творчества на всем ее протяжении — в «Избранных произведениях» собраны стихи и поэмы почти за четыре десятилетия творческого пути — сохраняет огромное напряжение, стремительность и силу. И в одном из недавних стихотворений поэт просит сердце выдержать этот ритм жизни, этот накал борьбы и созидания:

Молю: не разбейся, подлунное чудо,
Ведь ты не подобье простого сосуда.
Молю: обойдись без закатного звона,
Ты не колокольчик на шее верблюда.

Горячий скакун мой пурпуровой масти,
Подольше скачи, замирая от страсти,
Лети, высекая червленые искры,
Как всадник невечный, я весь в твоей власти.

Повторение пройденного несет свои открытия. И, перечитывая сейчас стихи ранних лет, когда поэт, сын бедняка плотника из Гиссарской долины, еще не преодолел священного трепета перед словом, циклы и поэмы «Мы пробивались на Хорог», «Законы братства», «Индийская баллада», «Хасан-арбакеш», открываешь все величественные истоки, даже «окрестности» каждого образа, каждой поэтической строки. Сам поэт сказал о своей песне, ее пути, движении через моря и континенты, через Гималаи и африканские пустыни:

А песня летит от громады к громаде:
«Мое отраженье ищи в водопаде...»

И это справедливо: именно громадный прибой, несущий водопадную силу грандиозных революционных событий века, начиная с Великой Октябрьской революции, давшей могучий голос сыну бедняка плотника из глухого гиссарского селения, с освободительной борьбы народов Азии,— точнейшее отражение его песни, самая главная среда, «окрестность» каждой его строки.

Гиссарское селение Каратаг, родина поэта, и небольшая горная речка, куда он в детстве, в далекие ныне 20-е годы, прибегал со сверстниками, оживают в поэзии Мирзо Турсун-заде с особым постоянством. Как и горная дорога до Термеза, которую Мирзо одолел за неделю в кокандской арбе гордого аробщика — будущего героя поэмы «Хасан-арбакеш»... Время, опыт жизни, позволяя сравнивать былое и настоящее, рождают особую свободу поэтического синтеза, свободу масштабных обобщений. Поэт помнит, как на самом краю пустыни когда-то росло (вернее, боролось со злым пеклом) одинокое дерево:

Одолевая пекло злое,
Изнемогающий в пути,
Спасенье путник мог от зноя
Под этим деревом найти.

Но прошли годы, советские люди всех национальностей положили предел могуществу пустыни, лезвие канала «пустыни распороло грудь»... И дерево, одинокое ранее в своей борьбе, стало незаметным среди других, молодых: «теперь обыденным казалось на зеленеющей земле».

Пейзаж, в котором нет хоть кусочка неба, как известно, несколько «душен», тесен, лишен объема. Точно так же и лирика, «стенограмма» человеческой души в годину исторических сдвигов, побед ленинской правды, торжества новых духовных ценностей, созданных советскими людьми, не имеющая выхода к истории, к той «праздничной энергии масс», которую В. И. Ленин так ценил в эпохах революции, всегда несколько камерна, анемична. Образы М. Турсун-заде всегда имеют тенденцию роста, имеют, как семена в богатой почве, огромную силу всхожести.

Образ той же речки растет в памяти поэта, «сцепляется» корнями уже не только с узким уголком земли Гиссара, а со всей планетой, с историей.

...Сколько в ней услыхал я созвучий,
Услыхал в ее песне кипучей
Голос Азии, голос могучий.
Эта речка была со мной всюду,
Рядом пела и рядом боролась.
Внемля Азии рекам великим,
И ее вы услышите голос.
На ее ненаглядном прибрежье,
В кишлаке, где пришлось мне родиться,
Пробудился мой голос впервые,
Полетел, как поющая птица,
Чтобы с голосом Азии слиться,—

писал поэт в поэме «Голос Азии» (1956), одном из знаменательных, новаторских по своему гражданскому и интернациональному звучанию произведений всей советской поэзии.

Откуда такая сила у этой маленькой речки? Почему многие образы поэта — образ этого одинокого дерева, стоявшего на краю песков, «одолевая пекло злое» («Судьба дерева»), и образ гиссарской весны с «багряными тюльпанами и ветром, который нам казался голубым» («Гиссарская долина»), и образ скромного аробщика Хасана в поэме «Хасан-арбакеш» — обнаруживают силу обобщающего звучания, способность вновь и вновь «всходить» в сознании и чувстве читателя? Все дело, бесспорно, в том, что, как солнечный луч в зеленой кроне, в самих плодах, как могучий запас высоты, энергии в неукротимой речке, дробящей все преграды,— этот запас словно передали ей далекие сверкающие горные вершины! Так в поэзии Мирзо Турсун-заде преломились, обрели новую мощь и завершенность благороднейшие социальные и нравственные стремления и родного народа и всех советских людей, тружениченский и социальный опыт народов Востока.

Этот широкий социальный диапазон поэтического мышления поэта, богатство «окрестностей», корней каждой строки рождают особую лирическую и публицистическую активность, накал чувства, особый строй образов и метафор. «Есть что-то от Кремля в зубцах твоих вершин!» — говорит поэт о родных пиках, уходящих в синеву неба. Но ему близок и Ганг, что «под ночной луной блестит вдали, как млечный пояс на груди земли», и Хайберский перевал, где в черном небе, «там, над головой, алмазных звезд пылал поток живой»... Удивительной свежестью и глубиной сопереживания отмечены лучшие строки, образы небольших по объему стихотворений из знаменитого цикла «Индийская баллада», словно несущих в каждом слове, как в капле водопада, неукротимую энергию братства, интернациональной общности людей труда. Висячий сад в Бомбее над зеркалом вод... В изумрудной воде застыло отражение ветвей, изваяний слонов и львов, «весь в росе, словно в жемчуге, дремлет древесный узор»... И вдруг — неожиданное вторжение:

Вдруг железный корабль чужеземный
с заката приплыл
И тяжелой броней
отражение сада разбил...
Придавили, взмутили
лазурь твоей чистой волны,
Черной тенью покрыли
лицо твоей ясной луны.

Поэзия Мирзо Турсун-заде — это поэзия активного социального обновления мира, и потому особенно ярко воплощено в ней героическое самосознание советского народа, первооткрывателя новых исторических дорог, новых вершин. «Побратаюсь я с горной зарею, на вершине гнездо я устрою»,— сказал поэт в одном из стихотворений 1959 года. Но уже и ранний цикл стихов, «Мы пробивались на Хорог», в котором поэт восхищался мужеством народа, вцепившегося в кручи и камни, как дерево корнями, поэма «Хасан-арбакеш», цикл «Высокое гнездо» свидетельствуют об органической тяге поэта к социально-преобразующему слову, не к созерцанию, а к вмешательству в ход событий эпохи, судьбы целых континентов.

Этот пафос привел поэта к созданию целого ряда произведений о дружбе, братстве советских народов, произведений о русском народе, который принес свет Октября, свет новой жизни на далекий Памир.

Дружба народов — это великая сила, изменяющая не только русла рек, пробивающая каналы — вроде памятного Вахшского — сквозь пустыни. Меняются судьбы людей. Аробщик Хасан, перевозивший в своей арбе и грузы и пассажиров по горным дорогам («Хасан-арбакеш»), был не просто вытеснен грузовиками и самолетами. Вспоминая и свою давнюю поездку в этой арбе и свое возвращение (железная дорога уже дошла до Дюшамбе), поэт говорит о замечательном социально-нравственном сдвиге, о рождении той новой исторической общности, которая зовется советским народом:

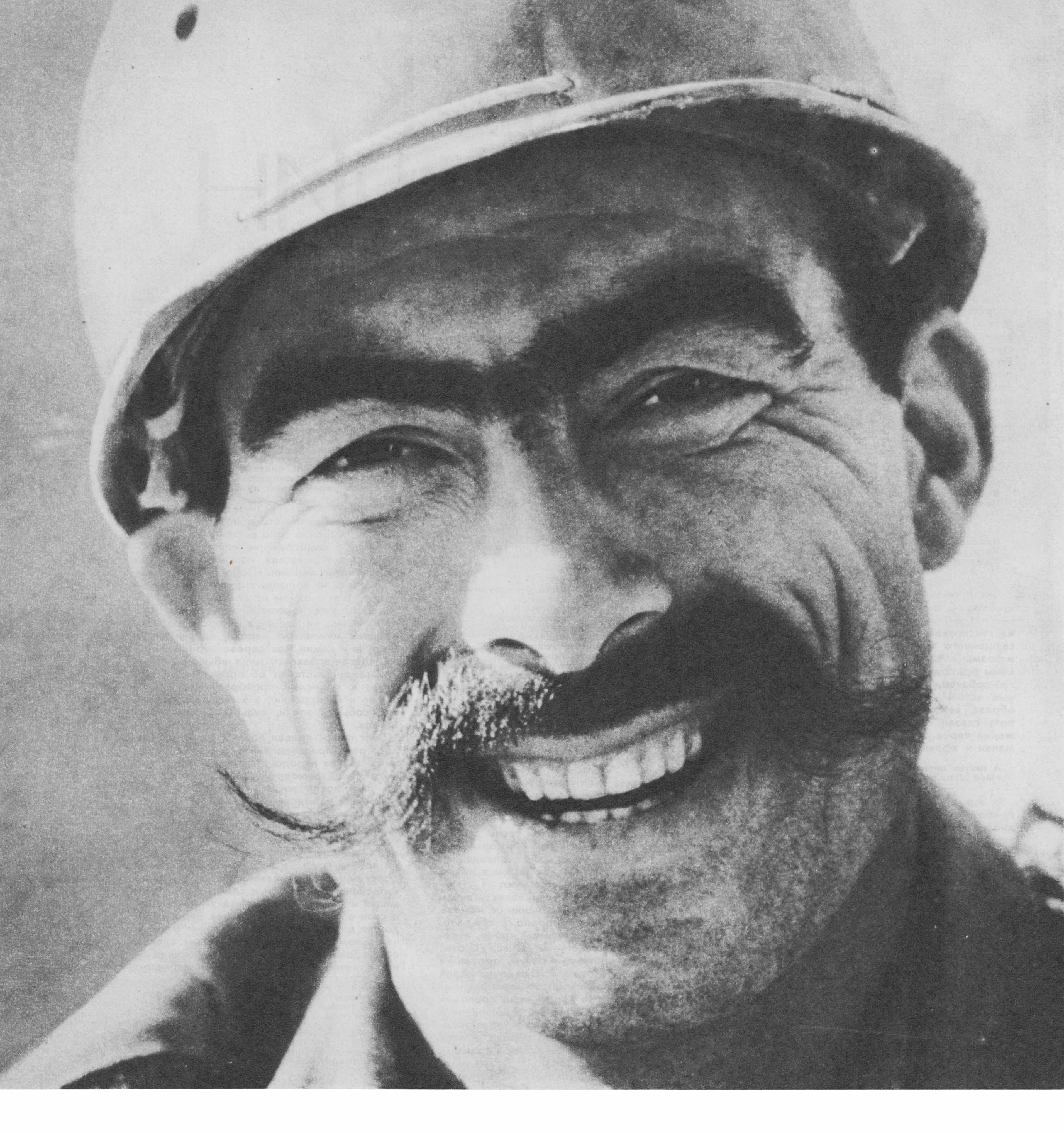
Народ в пустыне рельсы проложил
И новою дорогою стальной
Еще тесней страну мою сдружил
С Россией — счастья нашего страной.

С Россией, в чьем горячем сердце всем
Народам место равное нашлось,
С чьей помощью, в величии, в красе,
Так мощно братство наше поднялось.

Есть огромная разница между словом из словаря и словом поэта, прошедшим с ним все перевалы, согретым его дыханием, усвоившим его сердцебиение. Такое слово с годами становится еще ярче, в нем словно возрастает тот запас высоты, что заложен был в делах народа, в самой исторической судьбе народа, с которым поэт жил, о котором писал. Стихи и поэмы Мирзо Турсун-заде, лауреата Ленинской премии, Героя Социалистического Труда, подлинного мастера культуры страны социализма,— это путь от вершины к вершине, путь служения великим целям созидания, мира, прогресса.

В. ЧАЛМАЕВ

Мирзо Турсун-заде. Избранные произведения в двух томах. Перевод с таджикского. «Художественная литература», 1971.

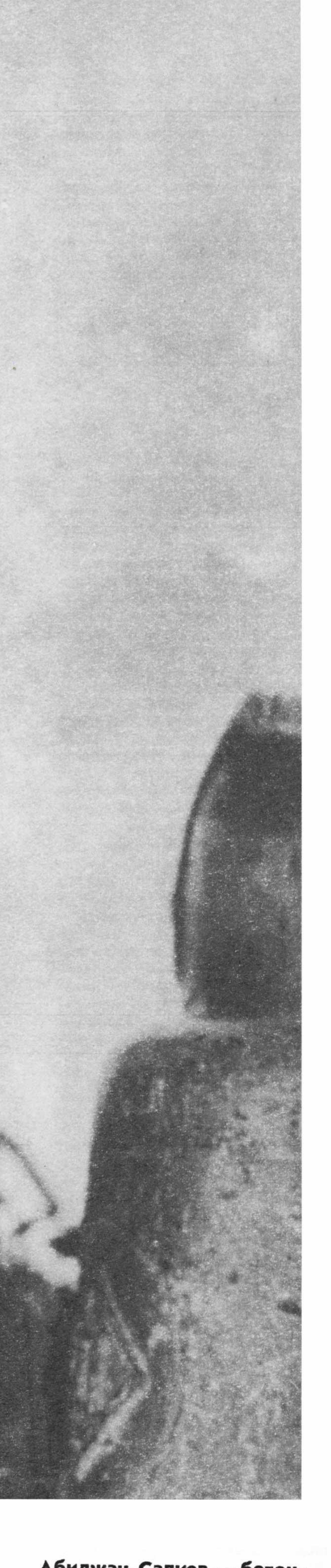

СОЮЗУ ССР — 50 ЛЕТ

«В Узбекской ССР... Ускорить строительство Андижанского водохранилища...» — записано в Директивах XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы. Что это за стройка! С чего она начиналась! Каким будет новое рукотворное море — Андижанское!

Вячеслав КОСТЫРЯ, фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА, специальные корреспонденты «Огонька»

Взгляните на карту Узбекистана: вытянувшаяся вдоль сороковой параллели северной широты Ферганская долина — изумрудный перстень на богатырской густокоричневой руке высокогорных хребтов Средней Азии. Восточный уголок этого драгоценного, именуемого не иначе как «жемчужиной» ромба упирается в отроги Тянь-Шаня. Здесь-то и распо-

Абиджан Салиев — бетонщик, бригадир лучшей бригады на стройке.

Моря теперь не рождаются, моря строятся!

УСКОРИМ!

РАЗГОВОР У САМОГО ПОЛЯ...

Начало см. на 2-й стр. обл.

Председатель колхоза «Рассвет» Владимир Васильевич Рыбин и сын комбайнера В. М. Чердинцева Григорий Чердинцев, комбайнер.

— Да как вам сказать? В общем, никаких неожиданностей не произошло. Но примеряться к ней надо было. Многое меня поначалу не удовлетворяло в конструкции, пришлось приспосабливать ее к местным специфическим условиям, по мере сил совершенствовать. Помню, как-то после жатвы пригласили нас, нескольких комбайнеров, в Таганрог, на завод. Семинар механизаторов и инженеров колхозов и совхозов вел генеральный конструктор Х. И. Изаксон. А потом к нам стали приезжать с разных заводов конструкторы комбайнов. Они наблюдали, как работают их машины в полевых условиях. Собрали немало материалов и вот тогда внесли существенные поправки в первоначальную конструкцию. Известно, что теперь на Таганрогском заводе приступили к выпуску комбайна «Колос», у него производительность вдвое выше, чем у старого «СК-4». А пока я работаю на «Сибиряке». Это первоклассная машина красноярцев! Уже третий сезон она помогает мне.

— Но фамилию Чердинцев я встречал не только в оренбургских газетах. Уж не родственник ли ваш так хорошо работает? Или однофамилец?..

— Да нет, это все я... Каждый год после уборки уезжал в Челябинскую, или Тульскую, или даже в Иркутскую области. Помогал тамошним хлеборобам... Тут все дело в правильной организации труда. Полностью подчиняю себя косовице. Самая горячая, волнующая пора в жизни комбайнера. Тридцать суток идет бой! Большой срок. Но ставлю себе целью снизить его до двадцати дней и меньше. Нам бы только технику получше!.. Важно предотвратить потери урожая, а причин для них еще очень много. Обычно я готовлю комбайн задолго до страды. И обязательно с учетом той нагрузки, которая будет возложена на технику. Раньше была норма — 500 гектаров. В этом году она будет снижена до 220 гектаров. Почему? У нас в колхозе теперь вместо семи комбайнов — пятнадцать! А кадры есть, мы ребят еще зимой подготовили. Чем больше машин, тем короче, дружнее уборка...

— Значит, вы удовлетворены полностью...

— Не совсем! Условия в каждой области и даже в каждом районе разные. Нашему Сакмарскому району нужна жатка с большим захватом. Я бы сказал даже так: для Оренбургской области желательно продавать только широкозахватные жатки. Такие, например, как ЖВН-10. Они у нас в колхозе «Рассвет» работают уже с 1964 года, но их всего-то пять штук. А опыт показывает, что на наших полях выгодны именно такие жатки. Мы их давно освоили. Я в отдельные дни доводил выработку до ста пятидесяти гектаров! Признаться, нам непонятно, почему снята с производства такая отличная техника? А главное, побольше бы таких комбайнов, как «Сибиряк». Или давно обещанный «Колос». Да стоило бы поработать и над жаткой ЖВН-10, довести ее до совершенства — прекрасная получилась бы машина!

Велико семейство у Василия Макаровича. Жена Аграфена Ивановна работает в колхозной аптеке. Сын Александр только что закончил десятилетку. А дочь Мария еще школьница. Второй сын, Григорий, недавно демобилизовался. Дочь Татьяна учится на экономическом факультете Оренбургского сельскохозяйственного института. А старшая, Елена, уже закончила этот институт! Все дети получили образование. И отец однажды почувствовал, что ему четырех классов стало маловато... Так вот он, почти сорокалетним, осилил девять классов вечерней школы!

— Но ведь книги, театр, кино, телевидение — тоже школа?

— Приобщаюсь! По мере возможности... В Москве смотрел «Щелкунчика» в Большом театре. Чудесно! Будучи на III съезде колхозников, мы посетили московский Театр на Таганке, посмотрели там спектакль «Десять дней, которые потрясли мир». Очень понравилась постановка! Это нас первый секретарь обкома партии Александр Власьевич Коваленко сагитировал пойти... А в Оренбург ездим, если в драматический театр, так целым колхозом. И музкомедию уважаем, «Свадьба в Малиновке» всем по душе. Надо сказать, что на селе телевидение стало вровень с кино. Только если на киносеанс идете, то как на праздник. А дома у телевизора как-то уютнее. Ну, дети, конечно, не пропускают ни одного фильма о спорте. Тогда и я с ними! Очень понравилась картина «Освобождение». Это большой документ о войне! С удовольствием смотрели «Тени исчезают в полдень», интересен «Клуб кинопутешествий»...

— А много ли успеваете прочесть, Василий Макарович?

— Не всегда удается... А литература у нас хорошая. Ею можно гордиться. Однако подмечаю я, что в некоторых постановках и даже книгах писатели все норовят показать теневые стороны нашей жизни, неблагополучные семьи, плохих детей. А ведь это неправильно.

...Перед зданием правления колхоза «Рассвет» поднят красный флаг — в тот день его подняли в честь шофера Михаила Куракина и доярки Татьяны Калмыковой. Наш разговор и на улице продолжается — об уважаемых людях на селе, о больших переменах в жизни деревни.

— Меняется облик села. Построили и еще строим дома из силикатного кирпича. Квартиры со всеми удобствами. Газ, горячая вода, холодильники... Было мало садов, говорили: «Плохая земля». Теперь сады есть, растет даже виноград. Знаете «орский апорт»? Чудесное яблоко! Продукты питания — все свое! Чего нам не хватает? Огромный спрос на хорошую мебель. Кухонную-то делаем сами...

Василий Макарович Чердинцев — член республиканского Совета колхозов, член бюро райкома партии, он Герой Социалистического Труда и депутат Верховного Совета СССР. Тридцать лет за штурвалом комбайна! Мудрый хозяин, интересный собеседник... Понятно, почему его так любят прокаленные солнцем степняки.

ложено почти километровой ширины ущелье, знаменитое тем, что к нему в пору таяния снегов несутся стремительные горные ручьи, переполняя и без того буйную Карадарью — дочь льдистых, заоблачных вершин.

Из века в век желанна и страшна была для земледельцев долины эта вода. Потому, возможно, и назвали это ущелье — Кампирраваt, то есть «Ворота ведьмы». Кто же, как не она, выпускает в долину своих «сорок сыновей-разбойников»! Да и предводительница их неспроста получила столь мрачное имя: Карадарья в переводе значит «Черная река». Весной это 1 600 кубометров воды в секунду! Водопад...

Только при Советской власти, и то лишь в тридцатых годах, когда поднакопилось колхозных силенок, ферганцы поставили на пути «разбойных» вод сторожевой кордон — Кампирраватский водозаборный узел. По отдельности с каждым из ручьев справляться полегче...

Но это была все же полумера. Схлынут талые воды, и снова здесь, на востоке долины, земля трескается от жажды, гибнут посевы... И давно зрела мысль-мечта заарканить эту буйную силу, сделать из нее дисциплинированное «войско» в битве за высокие урожаи на этой сказочно плодородной земле. Путь был один — высотная плотина, железобетонный берег, образующий вместе со скалами гигантскую чашу. Весной здесь будут накапливаться десятки миллионов кубометров воды, чтобы затем, в самую жаркую пору лета, когда хлопковые и другие поля, сады и виноградники захотят пить, отправляться «полками» и «дивизиями» по команде с пульта центрального управления на обыкновенную, но поистине животворную работу.

Знающий толк в укрощении строптивых вод, опытный ирригатор, возглавлявший строительство Аму-Бухарского машинного канала, ныне начальник «Главсредазирсовхозстроя» Наджим Рахимович Хамраев рассказывает:

— Эта без преувеличения извечная мечта дехкан стала воплощаться в жизнь в конце восьмой пятилетки. В 1969 году был утвержден технический проект Андижанского водохранилища на реке Карадарья. В честь столетнего юбилея В. И. Ленина состоялась торжественная укладка первых кубометров бетона в основание водопропускных сооружений. Это были первые кубометры из четырех миллионов—кстати, почти столько же в плотине Братской ГЭС,— которые, встав на пути Карадарьи, образуют море из 1 миллиарда 750 миллионов кубометров горной воды. В длину плотина вытянется на километр. Высота ее — 115 метров. На семь тысяч гектаров раскинется рукотворное Андижанское море.

— Наджим Рахимович, что это даст земледельцам?

— Будет улучшено водоснабжение 416 тысяч гектаров плодороднейших старопахотных земель, из которых 257 тысяч гектаров в Узбекистане и 159 тысяч в Киргизии. Новых земель в обеих республиках будет освоено 44 тысячи гектаров. В результате каждый орошаемый гектар даст на 2—4 центнера хлопка больше. Производство хлопка на здешних землях возрастет на 100 тысяч, овощей и бахчевых культур — на 70 тысяч, фруктов и винограда — на 150 тысяч тонн в год. Сейчас на стройке работают около четырех тысяч человек пятидесяти национальностей. Все они с

ЗРЕЛОСТЬ

ГАСТРОЛИ

Н. БАЛАШОВА

«Разоренное гнездо». Зоська — В. Клименко и Данилка — Ю. Лесной.

Фото В. Прохорова.

Три спектакля минчан: «Разоренное гнездо» Янки Купалы, «Люди на болоте» Ивана Мележа и «Трибунал» Андрея Макаенка — словно триптих, отражающий важнейшие переломные моменты в жизни белорусского народа... Тут и бесправная доля белорусского крестьянина в царской России; и ошибка — не на жизнь, а на смерть — классовых противоречий в деревне в первые годы Советской власти; и красота подвига в лихую годину фашистской напасти... Как положено триптиху, каждое полотно — самостоятельное произведение. А вместе с тем только в сочетании с остальными являет оно полную картину судьбы человеческой — судьбы народной.

И вот что еще примечательно: все три спектакля поставлены разными режиссерами, в разное время. Поставлены отнюдь не с дальним прицелом возможных московских гастролей. Поставлены каждый по-своему. И вместе с тем их узнаешь сразу, как выражение возможностей только этого театра. Узнаешь по мощности дыхания, по накалу страстей, по степени актерской самоотдачи, по тонкому чувству ансамбля...

Не первый раз приезжает Театр имени Я. Купалы в столицу, не первый раз приносит нам радость встречи с великолепными своими мастерами. Но, пожалуй, впервые предстает он в такой многокрасочности жанровой палитры.

«Разоренное гнездо» написано Я. Купалой как бытовая драма, и лишь образ Неизвестного вносит элемент символики в достоверное описание горестного бытия семейства Лявона Зяблика. Однако режиссер Б. Луценко и художник В. Герлован решительно отказываются от какого бы то ни было бытописательства. Черный бархат задника и кулис плотно охватывает доходящий до самой рампы невысокий дощатый станок, который будет служить и хатой и двором разоренной усадьбы Зябликов. Серые, словно подернутые пеплом доски — стол, лавки, стены... Их вымывали дожди, высушивал ветер... Из серого же, грубого, домотканого холста одежда... И две дороги, две узкие тропки, как гать через болото, ведут в противоположные углы сцены. Дороги, которые в финале навсегда разведут героев в разные стороны... А в текст пьесы вполне органично, словно так это и было задумано самим автором, вплетутся стихотворные строки Купалы. Вдохновенные, мудрые строки — живое продолжение, развитие мыслей героев... И тогда возникает уже не обыденная история батрака Зяблика, согнанного самодуром-помещиком с земли, а трагедия всего белорусского народа под игом самодержавия.

Символическим образом многострадальной Хатыни откроется и завершится действие «Трибунала» А. Макаенка. И это эпическое обрамление с фигурами Плакальщиц в длинных белых одеждах, неожиданно и счастливо найденное режиссером В. Раевским и художником А. Григорьянцем, опять же сразу поднимает спектакль на высоту подлинной трагедии.

Поставленный Б. Эриным несколько лет назад спектакль «Люди на болоте» так темпераментно играется и так бережно сохраняет его коллектив, что чувствуется серьезная заинтересованность в нем, чувствуется принципиальная важность пьесы, большого ее социального, жизненного звучания для всей репертуарной линии театра.

В одном ряду с названными работами следует поставить и поэтическую трагедию башкирского писателя М. Карима «В ночь лунного затмения», осуществленную Т. Кондрашовым в строгом и прекрасном оформлении А. Григорьянца. На резких контрастах светотени выстраивается образ этого спектакля, где тоже найдены свежие могучие выразительные средства, смысловые и художественные...

На мощных цепях свисает огромный кованый щит — это и символ и своеобразный суперзанавес, своим неспешным движением на зрителя фиксирующий окончание актов. В эпизодах, где кипит злая страсть, где торжествуют жестокие законы предков, щит нависает над людьми, словно злой рок... Когда же на сцену вбегают юные влюбленные и под их ногами, словно по волшебству, поднимается море алых маков, щит медленно уплывает в бездонную синеву горизонта, оборачиваясь то ярким диском солнца, то таинственно мерцающим ликом луны...

Немало добрых слов можно сказать и об остальных спектаклях гастрольной афиши. Все они призваны решать значительные для театра идейные и художественные задачи. Отсюда поистине золотая россыпь актерских удач, которыми богаты спектакли минчан. Их даже перечислить невозможно! Назову только Г. Макарову — Танкабике в пьесе Карима и Полина в «Трибунале»; скорбную фигуру Марыли, созданную вдохновенным талантом С. Станюты в «Разоренном гнезде»... Виртуозно играет Терешку Колобка Г. Овсянников, а разве можно забыть Л. Рахленко — доброго, милого директора фабрики детской игрушки в «Амнистии»... Превосходны работы артистов П. Дубашинского, В. Кудревича, Ю. Лесного, А. Мазловского... Повторяю: отличных актерских работ так много, что тут нужно было бы назвать по именам весь творческий состав театра. И в этом тоже свой глубокий смысл: в Театре имени Я. Купалы бережно и внимательно растят молодежь, поэтому сильный актерский состав представлен во всех поколениях.

И в режиссуре — также... В. Раевский, Б. Луценко еще молоды, но их работы — свидетельство зрелого мастерства и зрелой мысли, типичных для театра в целом.

воодушевлением приняли строку Директив XXIV съезда партии: «Ускорить строительство Андижанского водохранилища...» Это поистине окрыляющая строка.

...Здесь выросли современные поселки: Карабагиш, что можно перевести как «Тучные сады», само за себя говорящее Тополино. Напряженной жизнью живет станция Ханабад, то есть «Город хозяев». Универмаги, школы, гостиницы, детские сады, кинотеатры. Полным ходом идут работы по расчистке котлована под основание плотины. Проложены бетонированные дороги на скальные борта плотины.

Начальник Узглавводстроя Владимир Васильевич Чернов говорит:

— Осенью 1972 года перекроем Карадарью, пустим ее по пяти водопропускным шлюзам. Это значит, что откроется фронт работ на левом крыле плотины. Вроде бы все просто... Но учтите, плотина-то уникальная! Строится она в девятибалльной сейсмической зоне. Никто еще в нашей стране не строил плотину из самостоятельно действующих, подвижных железобетонных пластин с фигурными полостями. За счет этого экономится почти два миллиона кубометров бетона! Полукольцо плотины с радиусом в один километр сверху будет похоже на римскую арку. Здесь же встанет и гидроэлектростанция мощностью сто тысяч киловатт. Это позволит подавать насосными установками миллионы кубометров воды на вновь осваиваемые земли предгорий.

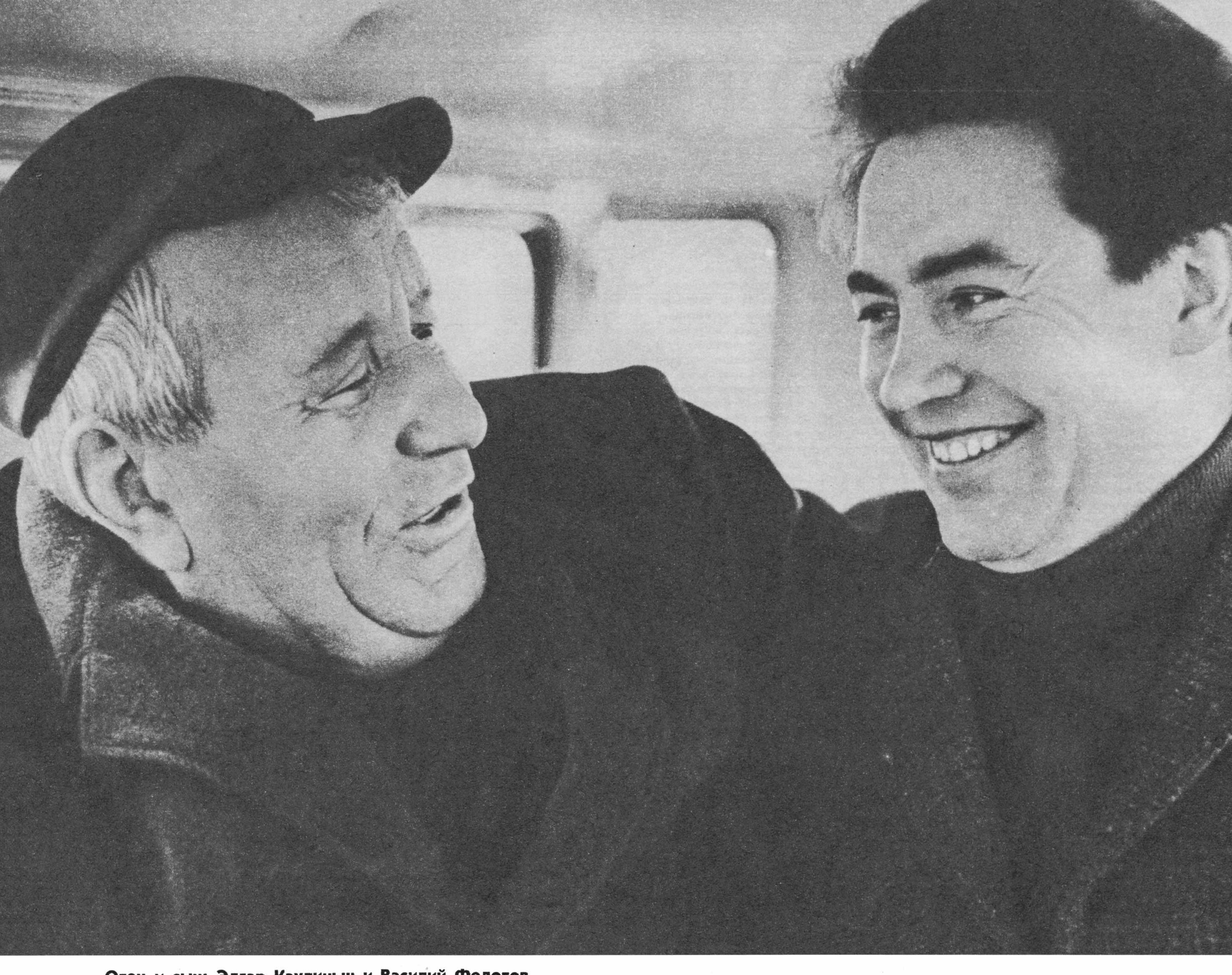
Природные условия, в которых мы работаем, не из легких. Десятки научно-исследовательских институтов и лабораторий страны — наши консультанты. Есть где отличиться и геологам. Сложно все это, но, не скрою, чертовски интересно, инженерной мысли есть где развернуться...

— Да и техника позволяет,— включились в наш разговор начальник технического управления Узглавводстроя Александр Захарович Мамонтов и инженер Надежда Михайловна Пожарова.— Здесь используются сорокатонные башенные краны. А чтобы массивы секций плотины получались крепкими и стали на века, их уберегут от знойного солнца и зимнего переохлаждения передвижные шатры; под ними будут вестись все бетонные работы. Да и цемент у нас особой марки.

— Стройка эта поистине всенародная,— подчеркнул Александр Захарович Мамонтов.— Отовсюду съехались к нам мастера, из всех братских республик. И естественно, что многонациональный коллектив строительства Андижанского моря с особым чувством готовится отметить славный юбилей — 50-летие образования Союза ССР. Каждый из многих тысяч соавторов рукотворного моря стремится внести свой личный трудовой вклад. Уже сейчас громкое имя передовиков получили ветераны стройки — машинист крана Геннадий Худоложкин, бетонщики Зинаида Батырова, Абиджан Салиев, сварщик Зинур Ахметов, монтажник Валерий Пермяков...

Пройдут годы, поднимется плотина, заплещут волнами море, и те, кто создал их, будут с гордостью говорить о своем участии в строительстве. А сегодня в ответ на призыв партии: «Ускорить строительство Андижанского водохранилища» — они единодушно отвечают:

— Ускорим!

Отец и сын: Эдгар Каулиньш и Василий Федотов.

В СЕМЬЕ ЕДИНОЙ...

ОТЕЦ И С

Н. ХРАБРОВА

...Уже забылось, где тут, на псковских полях, проходила линия окопов. Зелено-голубые разливы льна мирной и нежной прелестью своей украшают поля былых сражений. Обновленные деревни смотрят на полевую благодать светлыми, в русских резных наличниках окнами. И все, что было с нами в войну, стало нашим прошлым, воспоминанием до конца дней...

Я не знала Васиной матери, солдатской вдовы Федотовой: муж ее погиб в боях с гитлеровцами. Зато знаю, как все могло быть. Пришла сюда, на псковскую землю, похоронка, и наступил такой день, когда война отняла у нее все силы, и она, совсем еще молодая, поняла, что жизнь уходит и надо выполнить последний долг — любой ценой сохранить жизнь четырем мальчишкам, четырем сыновьям своим.

Рядом была Латвия с еще сохранившимися в ту пору кулацкими хуторами. Федотова отвезла детей к соседям и отдала их в пастухи и батраки. Вернулась домой и скоро скончалась.

Как она представляла судьбы своих детей в будущем и были ли у нее силы заглянуть в это будущее — не будем теперь гадать. Только, забежав вперед, скажем: уцелели все ее сыновья, и в России и в Латвии. Старший, Валентин, работает в своей деревне в строительной бригаде; Николай окончил ремесленное училище и захотел жить в Ленинграде, работает он там токарем и живет с семьей в достатке; Виктор — в Салдусском районе, на цементном заводе. А Василий стал инженером, заведует механическими мастерскими в большом латышском колхозе имени Лачплеша.

Вот в этих механических мастерских мы и встретились с Василием Яковлевичем во второй раз. А первая наша встреча произошла пятнадцать лет назад, когда Василий Яковлевич был еще Васей, колхозным стипендиатом в Приекульском техникуме механизации сельского хозяйства. Молчаливый и застенчивый, рассказывать о себе он не умел, и говорил за него Эдгар Каулиньш, председатель колхоза. В «Огоньке» № 12 за 1957 год была напечатана небольшая заметка о том, как бывший батрак, фронтовик и начинающий председатель предложил колхозу усыновить, воспитать и выучить осиротевшего в войну мальчика — точно так же, как многие воинские части брали на себя полную ответственность за судьбы русских и нерусских осиротевших в войну детей.

Он почти и не изменился за эти пятнадцать лет, Эдгар Мартыно-

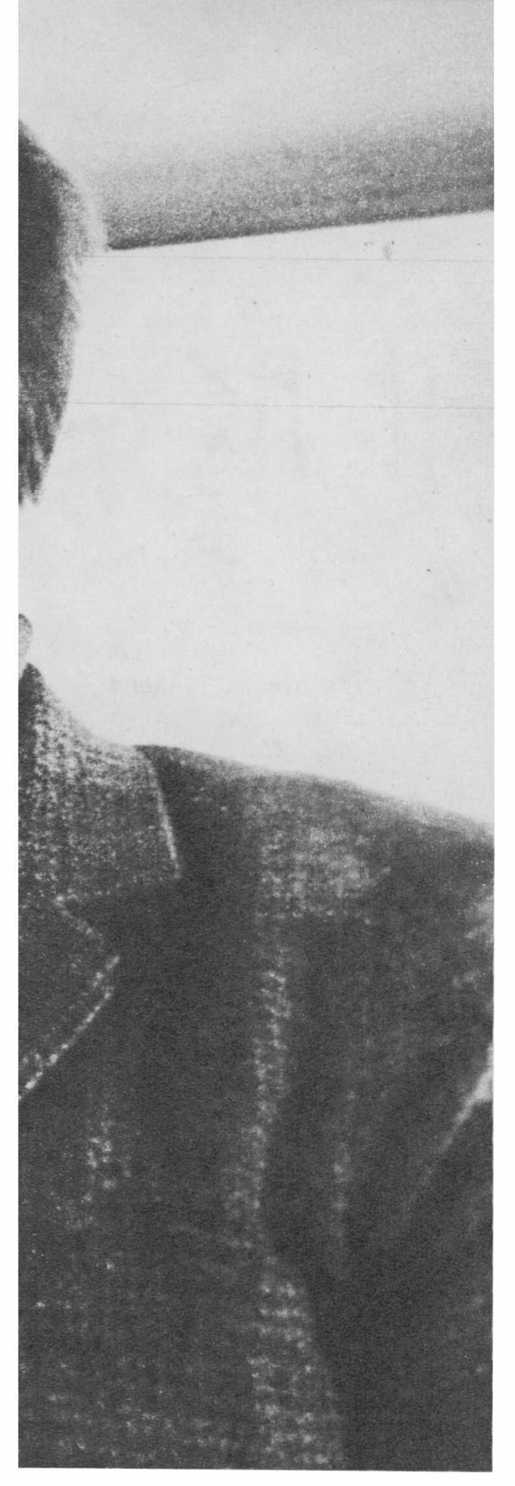

Фото В. САЛЬМРЕ.

Ы Н

вич-то, только сивым стал. Здоров и кряжист. Дома, в колхозе, ходит в кепке и куртке и чем-то неуловимо похож на Жана Габена, попавшего в деревню. А когда выезжает в свой районный центр Огре или в Ригу, делается похож на городского Жана Габена — повязывает широкий модный галстук, надевает шляпу и шествует по столичным улицам с элегантным достоинством. Так же тщательно он наряжается, когда идет в среднюю школу — к выпускникам — рассказывать о том, что, случись ему начинать все сначала, он снова выбрал бы работу на земле, потому что земля и хлеб — это самое важное в жизни страны. Колхоз имени Лачплеша богат, хозяйство в нем ведется грамотно и рентабельно, однако легких благ Эдгар Мартынович не сулит, подчеркивая, что земля без приложения всех человеческих сил захиреет...

Про усыновленного колхозом мальчика Каулиньш говорит:

— Вася, конечно, здесь. Сейчас он в мастерских, на работе, и уж теперь все сам о себе расскажет. А я скажу о нем кратко: не подвел он нас, работает хорошо, хоть и на трудном участке. Живет на земле не бездумно, не бесшабашно, а с большим чувством ответственности.

И мы с председателем отправились в мастерские. По дороге помолчали немножко и, как выяснилось, об одном и том же: о том, что буржуазная Латвия навсегда бы оставила ребятишек батраками и пастухами, а трудовая, Советская Латвия перестроила жизнь на своей земле. И именно поэтому жизнь Василия Федотова, сына русского солдата, идет не среди чужих, а среди своих людей.

Он тоже крепыш, Василий Яковлевич. Ростом не очень высок, но быстр, ловок, расторопен и к деревенской жизни привычен. Родную русскую речь не забыл, хотя почти и не слышит ее: учился на латышском, говорит по-латышски — и на работе и дома.

Напоминаю о нашей первой встрече и тут же сожалею об этом: по лицу видно, как больно говорить ему о раннем детстве без матери, о чудом уцелевшей березе и большом камне у крыльца неуцелевшего дома. У меня в памяти тоже есть свои уцелевшие липы и мостик у спаленного фашистами дома, я понимаю Василия Яковлевича и не удивлюсь, если он и в этот раз не захочет говорить. Но он легко переходит к продолжению начатого тогда, пятнадцать лет назад, разговора:

— Привык я здесь, в Лиелварде. Эдгара Мартыновича и вообще всех здешних людей люблю, поля люблю, реку. Недавно ездил домой, в Псковскую область, на могилу матери. Побыл там, подумал, почувствовал: влечет меня в Латвию... И любовь и долг. Только опять, наверное, всего как есть рассказать не сумею, сложно все. Сами же мои воспитатели учили меня не забывать родных, родины. И я не забываю... А вы снова обо мне писать хотите? Мне кажется, не стоит. Я ведь ничего пока не сделал. Ну вырос, выучился, работаю. Так ведь все выросли, учились, работают. А вот о таких, как названый отец мой, Каулиньш...

Мы разговариваем в застекленной конторке. Внизу, в большом цехе, машины: их 600 в колхозе, и за все инженер Федотов в ответе. Глядя через стекло вниз, он продолжает:

— Когда я учился в Елгаве, в сельскохозяйственной академии, один преподаватель назвал Эдгара Мартыновича профессором своего дела. Я про себя подумал тогда: мало этого. Каулиньш строгий и добрый одновременно. Редкое сочетание. Когда я учился в семилетке, пора в колхозе стояла напряженная, у него забот было не счесть! И все же успевал дневники мои проверять и на родительские собрания ходил. Сумел во мне разглядеть то, чего я и сам в себе тогда не видел,— интерес к машинам. Я машины всегда любил, а теперь, надеюсь, и толк в них знаю. Помню: пришел в колхоз первый комбайн, и меня, как любимого сына, Эдгар Мартынович комбайнером посадил. Отец и в комсомол меня рекомендовал и в партию. Все это очень мне дорого... Когда я в армии служил, был в части еще один парень из Латвии, Марис Кирсис. Он стал моим близким другом. Поучились мы и надумали идти в сельхозакадемию. Эдгар Мартынович одобрил. Колхоз стипендию назначил... Готовились мы в Елгаве с Марисом вместе, вместе поступили в академию и вместе закончили ее. И дружба наша продолжается: он у меня бывает, я — у него. Это я все к тому рассказываю, чтобы вы знали, какие крепкие у меня здесь привязанности.

Разговор складывается так, что я становлюсь все осторожнее в расспросах. Не спрашиваю о том, о чем втайне хотелось бы узнать,— не возникало ли в этой большой латышской семье, где всего один русский сын, каких-либо разногласий на национальной почве. Но из жизни Василия Федотова само собой вытекает, что было здесь к нему большое внимание, большая доброта, редкая чуткость. Нелепый в данной ситуации вопрос отпал сам собой.

— Хотелось ли мне жить в городе? — продолжает рассказывать о себе Василий Федотов.— Думаю, что если бы очень захотелось, то и Эдгар Мартынович не стал бы возражать, он ведь понимает, что работа всякая нужна — и в деревне и в городе. Дело не в отношении ко мне колхоза, просто надо попытаться представить, с какой бы совестью мог я жить, покинув людей, которые сделали для меня больше, чем могли бы сделать самые близкие родные. Я это понимал с детства, поэтому никуда отсюда не стремился. Есть еще одно важное обстоятельство: я ведь не только все время учился. Были и каникулы и летние месяцы, я здесь работал. Во всем есть частичка моего труда, моих тревог и радостей. Асфальт на дорогах — помните, еще пятнадцать лет назад его не было? Новое здание правления с хорошей столовой — его тоже не было. И оранжерей не было. А ведь колхоз наш овощеводческий, недалеко от Огре, а там и Рига близко — пригородный, словом. Ранними овощами снабжаем городских жителей, а квашеную капусту так даже в Польшу отправляем. А наши розы? Саженцы роз из колхоза Лачплеша — это и в Риге звучит гордо, а там в цветах хорошо разбираются. Чистый доход наш за прошлый год — 1 миллион 200 тысяч рублей. Это ведь тоже приятно слышать, правда?

Правда! Приятно видеть новый каменный колхозный поселок. И длинные строения звероферм говорят о том, что здесь используют все резервы и что рабочих рук хватает. На звероферме мы знакомимся с женой Василия Яковлевича, хорошенькой, румяной от весеннего воздуха и ветра Аусмой.

— Аусма так же, как и я, рано потеряла родителей,— сказал Василий.

И это была последняя фраза с грустной интонацией. Потому что в домике над Даугавой, временном и поэтому тесноватом, всех нас захватила личная жизнь семьи Федотовых. А втянули нас в эту личную жизнь его дочери — Лиените и Марите. Они серьезно и обстоятельно прогуливали по комнате новую куклу. Кукла обладала ярко-синим платьем и столь же яркими синими глазами, закрывала их, как полагается, и произносила «мама» и «папа». Но нынче, оказывается, и кукол коснулась акселерация. Во всяком случае, эта кукла, ростом чуть пониже Марите, очень ловко переступала по полу стройными ножками и при этом кокетливо покачивала белокурыми локонами.

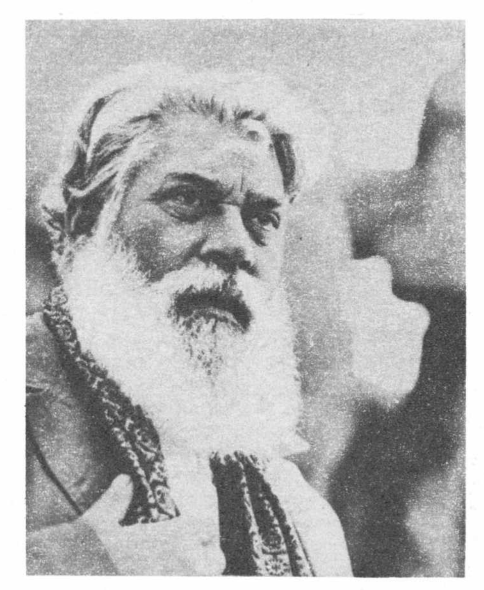
— Ну и что? — скажут мне.— Это в каждой молодой семье так или приблизительно так бывает, год-то ведь на дворе 1972-й, а не 1942-й.

Я рада, что довелось дожить и увидеть этот добрый 1972-й. Рада узнать и понаблюдать судьбу Василия Федотова — еще один штрих к картине советского образа жизни, еще один пример незамутненной доброты и человечности, любви и долга. И хочется еще раз приехать сюда, когда подрастут девочки и готов будет новый двухэтажный дом, что нынче начал строить для своей семьи латвийский колхозный инженер коммунист Василий Яковлевич Федотов.

Василий Яковлевич в кругу семьи.

Евгений ВУЧЕТИЧ,
Герой Социалистического Труда,
вице-президент Академии художеств СССР

Александр Павлович Кибальников.

ХУДОЖНИК-БОЕЦ

Фото И. Тункеля.

Александру Павловичу Кибальникову шестьдесят лет. Произведения этого прекрасного скульптора широко известны и любимы народом; эта высшая степень художественного признания заслужена им в полной мере. Его творчество наполнено наступательной силой искусства социалистического реализма, оно глубоко принципиально.

Созданные мастером памятники органично вошли в кипучую жизнь городов страны, станковые композиции и портреты находятся в наших крупнейших художественных музеях. А их автор полон новых творческих замыслов и встречает юбилей у станка в своей мастерской.

Художник предельно требователен к своему творчеству. Он бывает захвачен той или иной темой надолго, на многие годы. Как подлинный реалист, Кибальников настойчиво, целеустремленно идет к раскрытию самого существа образа, а не ищет какого-либо эффектного решения, хотя все его композиции оригинальны и неповторимы. Такой глубинный образно-познавательный процесс лежит в основе его творческих поисков, порою долгих, напряженных и мучительных. И пока окончательное решение не найдено, пока замысел не вылился в композиционно и пластически завершенную форму, он остается один в своей творческой лаборатории, наедине со своими мыслями, сомнениями и бесконечными поисками.

Но то, что он решается наконец показать широкому зрителю, всякий раз покоряет гармоничным слиянием мысли и формы. А ведь именно в этом и заключена сущность художественного мастерства.

Таков памятник Н. Г. Чернышевскому в Саратове — одно из ранних произведений Кибальникова, которому он отдал одиннадцать лет напряженного творческого труда и которым заявил о себе как о большом художнике. Великий русский революционер-демократ словно вошел в новую жизнь родного ему города. Он обрел реально воспринимаемый облик и предстал таким, каким остался в памяти благодарных потомков: мудрым, сильным, гневным и возвышенно благородным.

Скульптор создал памятник, который не только стал гордостью Саратова, но и занял достойное место в ряду лучших произведений советского монументального искусства послевоенных лет. И этот успех молодого тогда художника не был случайным. Здесь наряду с присущей мастеру творческой взыскательностью важнейшее значение имели и сам образ памятника и город, для которого этот памятник предназначался.

Саратов явился для Александра Павловича городом, где он сформировался как художник. Уроженец деревни Орехово, Волгоградской области, он с детства познал горечь жизни бедной крестьянской семьи. Рано пробудившаяся в нем страсть к изображению, к лепке незатейливых фигурок людей и животных скоро выросла в непреодолимое желание стать художником. Пятнадцатилетним подростком уезжает он в Саратов, мечтая о профессиональной учебе, но сразу поступить в художественное училище ему не удается, и он нанимается рабочим в большом и незнакомом ему городе. Наконец в 1929 году он становится студентом отделения живописи Саратовского художественно-промышленного училища, которое заложило в нем фундамент реалистического мастерства.

Его не увлекали модные в то время формалистические веяния, и он все свободные часы проводил в художественном музее города, изучая полотна Левицкого, Боровиковского, Рокотова, Кипренского, Венецианова, Брюллова, Серова, Левитана, Ван-Дейка и других мастеров русского и западноевропейского искусства.

Много позднее Александр Павлович вспоминал, что в годы учения он со своими товарищами по училищу часто посещал домик над Волгой, где провел свое детство и юность Николай Гаврилович Чернышевский. Образ великого ученого, писателя и революционера увлек творческое воображение юноши, и он мечтал о том времени, когда Саратов будет украшен памятником его замечательному земляку. Мог ли он тогда предвидеть, что честь создания этого памятника выпадет на его долю? Нет, конечно. Но мечтал об этом, тем более что вопреки профилю своей школы хотел стать именно скульптором. Александр Павлович всей душой, всем сердцем художника воспринял основополагающий принцип материалистической эстетики Чернышевского — «прекрасное есть жизнь». Идеи русских просветителей и революционеров-демократов сыграли большую роль в творческом становлении молодого мастера. И естественно, что образы А. Н. Радищева и Н. Г. Чернышевского властно и надолго захватили воображение начинавшего свой путь в искусстве скульптора. Он посвятил им свои первые памятники, установленные в Саратове, он создал их великолепные портреты.

По сути своей художнической натуры Кибальников прежде всего пластик; он мыслит реальными пластическими объемами. И поэтому естественным было для него уже тогда, что образ горячо любимого им Чернышевского рисовался в творческом воображении воплощенным не в картине или живописном портрете, а совершенно определенно в скульптуре. Несомненно было положительным то, что юноша прошел школу обучения живописи... Но окончательный выбор творческой профессии скульптора стал глубоко осознанным.

Образы русских писателей-демократов, несших в массы художественное слово правды о жизни, выражавших думы и чаяния народа, волнуют Александра Павловича всю его творческую жизнь. Он очень хорошо сказал об этом сам в одной из встреч в своей мастерской:

— Русской литературе посвящено множество памятников... Это не удивительно: ведь в духовном и политическом становлении революционных масс ее воздействие было огромным...

Шесть лет Александр Павлович создавал памятник Маяковскому. Шесть лет общения с великим советским поэтом, общения как с живым человеком, ибо как реального, живого должен был он воплотить его образ в скульптуре. Он слился со страстной революционной поэзией, строем заключенных в ней чувств, силой и логикой мыслей и образов. И такое углубленное проникновение в духовный мир поэта не было процессом, аналогичным тому, что происходит с читателем или даже исследователем его творчества. В данном случае этот процесс был лишь этапом, он шел дальше, все более кристаллизуясь в творческом сознании художника в определенный, пластически найденный образ.

Памятник Маяковскому, открытый в 1958 году в Москве, на площади, носящей имя поэта, принес Кибальникову заслуженную славу. Ленинская премия явилась достойной оценкой советской общественностью этого прекрасного произведения.

Уделяя основное внимание монументальной скульптуре, Кибальников имеет в своем творческом арсенале ряд первоклассных портретов. К их числу могут быть отнесены психологически заостренные и несущие точную индивидуальную характеристику портреты замечательных мастеров сцены Саратовского драматического театра, народных артистов РСФСР И. А. Слонова (1946) и С. М. Муратова (1948).

Различно композиционно построенные, они показывают актеров в творческом процессе перевоплощения и вживания в создаваемый каждым из них театральный образ.

Скульптор становится тонким лириком в женском портрете. В 1956 году он создал поэтически одухотворенный и мягкий по пластике портрет дочери («Пробуждение»).

Эти и ряд других портретов свидетельствуют о широких возможностях Кибальникова-портретиста как в чисто станковом плане, так и в области монументального портрета. Работая над тем или иным произведением, проникая в сущность образа данной исторической личности, он независимо от памятника создает и их портреты. Таковы, например, его известные бюсты Чернышевского и Маяковского.

Владимир Ильич Ленин... Как у многих наших скульпторов, через все творчество Кибальникова проходит образ вождя. Свой первый портрет Ильича он создал еще в стенах художественного училища, а к столетию со дня рождения Владимира Ильича в Саратове был открыт памятник. Жители города горячо благодарили Александра Павловича за памятник Ленину, а на сессии городского Совета депутатов трудящихся он был избран почетным гражданином города Саратова.

В развитие Ленинианы в советском изобразительном искусстве Ки-

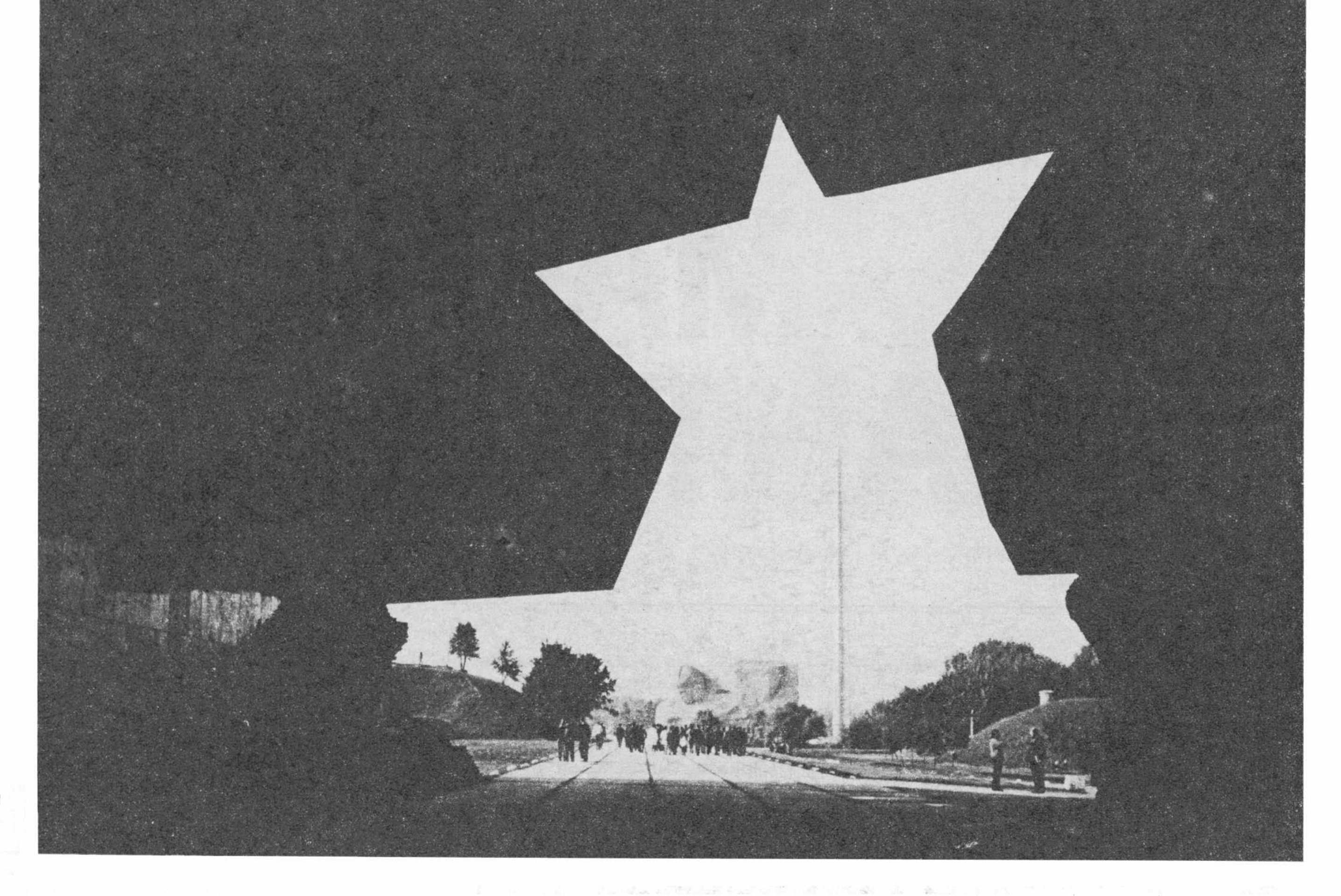
А. Кибальников. ПАМЯТНИК В. МАЯКОВСКОМУ В МОСКВЕ.

На развороте вкладки:
МЕМОРИАЛ «БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ-ГЕРОЙ». СКУЛЬПТУРА «ЖАЖДА».

Мемориал «Брестская крепость — герой».
Фото М. Савина.

бальников, безусловно, внес и свой интересный и значительный вклад.

Последние годы Александр Павлович вел огромную работу по созданию мемориального комплекса «Брестская крепость—герой». Этот ансамбль уже открыт, и ежедневно его обозревают огромные массы людей, с волнением всматриваясь в образы тех, кто первым стойко встретил удар озверелых фашистов.

Достаточно вглядеться в цветную фотографию фрагмента мемориального комплекса в Бресте — скульптуру «Жажда», публикуемую на вкладке журнала, чтобы понять, сколь глубоко и вдохновенно задумана и осуществлена эта грандиозная скульптурная композиция, воплощающая героический подвиг советского народа в Великой Отечественной войне.

Широко известна высокая оценка, данная брестскому монументу Генеральным секретарем ЦК КПСС Леонидом Ильичом Брежневым: «Века будет жить в памяти народов подвиг защитников Брестской крепости,— жить и призывать людей к беззаветной преданности Советской Родине. Величественный мемориал, созданный в 1971 году,— достойная дань мужеству героев. Спасибо тем, кто его создал...»

В ходе работы над ансамблем Александр Павлович не раз рассказывал мнё о своих творческих замыслах, о возникавших трудностях, показывал проекты и отдельные фрагменты в крупных масштабах. Я отлично понимаю, сколько вдохновения, сил, энергии, нервов отдал он этой работе, какое чувство исторической ответственности испытал. И если все это помножить на его мастерство, опыт и талант, то легко себе представить, какое огромное произведение монументального искусства обрела наша Родина.

Я полагаю, что обращение Кибальникова к теме героической защиты Брестской крепости не является случайным. Воплощение воинского подвига — эта благороднейшая тема давно волновала скульптора. В годы Великой Отечественной войны и после ее окончания он создал ряд композиций, раскрывающих несокрушимый моральный дух советских людей, их борьбу и подвиги в защите Родины. В частности, в Волгограде он создал групповую композицию, посвященную обороне Царицына. В брестском комплексе он поставил перед собой и решил в этом плане гораздо более серьезные и широкие творческие задачи.

Кибальников обладает острым чувством современности — тем драгоценным качеством, что считал достоинством в художнике величайший русский революционный демократ В. Г. Белинский.

Александр Павлович говорит, что для него тема современности всегда была ведущей, что и в своих работах исторического плана он всегда стремился найти и подчеркнуть качества, которые роднят героя с нашими днями. Человеком нашей эпохи представлялся ему замечательный философ, писатель, предсказавший многие черты нашего общественного уклада,— Н. Г. Чернышевский. И когда скульптор работал над памятником В. В. Маяковскому, для него целью было воплотить в металле слова поэта: "Я к вам приду в коммунистическое далеко..." Так же воспринимает он образ певца русской природы и русской души Сергея Есенина, над памятником которому он вдохновенно работает.

Творчество народного художника Советского Союза, лауреата Ленинской и Государственных премий СССР, действительного члена Академии художеств СССР Александра Павловича Кибальникова является одним из ярких примеров воплощения принципов партийности и народности в искусстве социалистического реализма. Художник-коммунист, он видит высшее назначение своего творчества в служении народу. Перед советским монументальным искусством стоят сейчас невиданно масштабные и ответственные задачи. Одной из важнейших проблем является создание прекрасных по эстетическому облику городов будущего — городов коммунизма. Всемерно содействовать успешному решению этой благородной идеи призван созданный в Академии художеств СССР совет по синтезу искусств в современном градостроительстве. Естественно, что все свои силы и опыт совет будет отдавать столице нашей Родины — городу-герою Москве, где решаются наиболее сложные и крупные градостроительные задачи.

Александр Павлович, входящий в состав этого совета, несомненно, принесет его работе большую пользу как один из самых опытных и творчески активных наших скульпторов-монументалистов. Это партийно мыслящий художник, с государственным пониманием задач нашего искусства, обладающий замечательным мастерством и художественным вкусом, чувствующий гармонию слияния монументальных произведений и архитектурной градостроительной среды.

Эти его качества художника чрезвычайно ценны для творца монументальных произведений, нужных народу, необходимость которых выдвинута самой нашей эпохой. Это произведения огромного исторического содержания, несущие в массы идеи гуманизма, мира и прогресса, воплощающие емкие и эстетически прекрасные образы.

Площади и улицы наших городов должны живым, образным языком искусства раскрывать героическое прошлое нашего народа, его ратные подвиги и трудовые свершения, во всем его духовном величии и красоте раскрывать образ нашего современника — строителя коммунизма. Ведь, по сути дела, для этого и существует монументальное искусство, находящееся в самом кипении народной жизни и каждодневно оказывающее воспитательное воздействие на огромные массы людей. Роль художника в этом случае предельно ответственна, ибо созданное им произведение остается на века, и интерес к нему не должен быть подвержен той или иной, часто быстро проходящей моде.

Как говорит сам Кибальников, искусство скульптуры, быть может, труднейшее среди всех видов пластического творчества, но и одно из самых нужных обществу как «овеществленная память» о былых эпохах, которую нужно бережно хранить, как память о свершениях народа и его героев. Мир пластического творчества велик и разнообразен, его произведения входят непосредственно в сферу нашей жизни. Чем тоньше понимает зритель их безмолвный язык, тем большую радость дарят ему встречи с прекрасным.

Творчество Кибальникова несет в себе пафос утверждения высоких идеалов, которыми живет советский народ. Сливаясь с магистральной линией развития нашей художественной культуры, его творчество, творчество одного из передовых советских художников, резко противостоит ложным и вредным тенденциям искажения и огрубления образа человека, которые несет в себе антигуманистическое буржуазное модернистское искусство Запада. Герои произведений Кибальникова исполнены волнующей правды жизни, большой силы реалистического обобщения, глубины чувств, внутренней воли и целеустремленности.

Разносторонность творческого дарования сочетается в скульпторе с удивительной цельностью его художнической натуры, ясностью и последовательностью эстетических взглядов. Он по-прежнему обладает неуемной творческой энергией, темпераментом, желанием воплотить новые, интересные, целиком захватившие его творческие замыслы.

Александр Кибальников — коммунист, боец идеологического фронта, считает для себя высокой честью работать над практическим воплощением бессмертных идей ленинского плана монументальной пропаганды.

Я не назвал в этой статье многих произведений Александра Павловича. Это — дело искусствоведов, и творчество этого вдохновенного художника еще ждет своих исследователей. Я просто хотел сказать самые теплые, самые искренние слова о моем дорогом друге и товарище, выразить ему идущие из глубин моего сердца пожелания здоровья и новых богатырских свершений!

А. Кибальников. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ (ФРАГМЕНТ).

Руд. БЕРШАДСКИЙ

МАНТУЛИНЫ С МАНТУЛИНСКОЙ

Людская память не сохранила имени предателя. Говорят, то был заводской сторож. Ему посулили сто рублей; он таких денег отроду не видел! И все за то, чтобы показать в спальне, кто из семидесяти душ спящих мужиков Федор. Поначалу он упирался.

— Да что его показывать, ваше благородие. Его и так все знают!

— Все, все! — передразнил «его благородие».— А я тебя одного спрашиваю! Или ты тоже против начальства?!

— Как можно, вашбродь, господь с вами!

Но и предатель невольно залюбовался Федором, когда жандармы, подняв его среди ночи, стали шпынять кто чем, а он, будто они это делают по ошибке — с кем другим спутали,— продолжал степенно одеваться. Штаны, чтоб не смялись, аккуратно лежали на табурете, под ними, так же по складочке выложенная, сатиновая косоворотка с белыми пуговичками. Мужчина был завидный, обстоятельный. Только обуться не дали. Пока зашнуровывал один штиблет, еще терпели. Но когда так же не спеша принялся за второй, озверели от его неколебимого спокойствия и так и вывели на мороз — в одном штиблете. А другая нога — в калоше. Сторож посмотрел вдогонку, сокрушенно покачал головой: «Орел мужик, хоть и против начальства! Ей-богу!» И тут же торопливо перекрестился: негоже всуе поминать господа!

Стоял на исходе неизгладимый из памяти 1905 год. Фамилию Федор носил Мантулин...

Я иду по Красной Пресне. Площадь Восстания. Улица Баррикадная. Улица Дружинниковская. 1905-го года. Мантулинская...

Сегодня она почти в центре Красной Пресни. В 1905-м же она была на окраине ее, да и Пресне еще только предстояло получить от народа самое почетное пролетарское звание, выше которого нет: красная. Цвет пожарищ восстания, цвет знамени революции, цвет пролитой крови ее бойцов.

Федор Мантулин стоял во главе боевой дружины рабочих сахаро-рафинадного завода братьев Берг, которую сколотил и подготовил к боям заранее. Их баррикада была самая дальняя баррикада Пресни, и бойцы оставили ее последней. А самым последним ушел командир Мантулин.

Ему было двадцать пять лет. Силен, здоров, статен, красив. А уж грамотен!

В родном селе Гапонове, Курской губернии, у него осталась молодая жена Танюша с грудной Шурочкой на руках. Куда ей было с малюткой в Москву! Вот подрастет девчушка — тогда другое дело. А пока она еще грудь сосет, им обеим спокойней у родных. Однако скучал по жене и дочери нестерпимо. И в сентябре 1905 года вырвался, съездил к ним. У Татьяны не просыхали глаза в его приезд. И от счастья, что снова свиделись, и от радости, какая девчоночка у них славная да разумная. И от тревоги, что снова он уедет, а на сколько? Он утешал ее: «Не беспокойся, Татьянушка! Не беспокойся!»

Но разве сердцу прикажешь? Да и как было не беспокоиться, она ж видела: он на село не с одними гостинцами приехал, еще какие-то книжечки привез. Сказал: литература называется. Но как приметил, что им чересчур заинтересовалось волостное начальство, враз эту литературу перепрятал. И вовремя! Пришли жандармы делать обыск, а в избе ничего нет. Что искать пришли, господа хорошие? Приехал мастеровой на праздник к молодой жене и дочери. Неужто и на это нет прав? Что ж такое тогда творится?!

— Ладно, помалкивай! Ишь разорался на все село, людей булгачишь!

Федор Тане подмигнул невзначай: не останавливай, дескать, нарочно булгачу. Пусть весь народ видит, за кого считают рабочего человека на Руси и как с ним обращаются! На прощание сказал ей определенно: «Если от меня ничего не будет,— не беспокойся, Танюша: значит, мы восстание начали. И пусть тогда другие беспокоятся!» Расцеловал ее и с тем уехал.

Это было в сентябре. А за два дня до сочельника уж она и не знала, что думать о Феденьке: вся земля слухом полнилась про смертоубийство в Москве, про то, как рабочих людей мало что из ружей — из пушек убивают! За два дня до сочельника постучался к ней к вечеру — уже на дворе совсем темно было — какой-то мужчина молодых лет, по облику мастеровой, и сказал:

— Вы будете Татьяна Кирилловна? Здравствуйте, значит, Татьяна Кирилловна. А кто я — этого я вам не скажу. И в горницу не зовите — не войду. Потому что я привез вам горькую весть. Ваш супруг, а мой драгоценный товарищ Федор Михайлович погиб в Москве за рабочее дело. Его расстреляли царские палачи — изверги-семеновцы перед самой нашей спальней заводской. Поезжайте поскорее. Может, успеете хоть похоронить его по-людски, а то он там прямо на земле лежит. А мне из Москвы пришлось бежать, он сам мне и наказывал: беги!

В ту же ночь Татьяна с Шурочкой на руках выехала в Москву. Но все равно опоздала...

Его расстреляли перед корпусом спальни, чтобы все видали! Его, Афанасьева, Волкова — тоже боевых дружинников завода. И три дня не давали ни подходить к телам, ни похоронить их.

Выли, не переставая, псы, подбирались со всей округи к покойникам. Часовой, выставленный на пост, чтобы никто не похитил трупы и не похоронил их, время от времени швырял в собак головешками из разведенного тут же для собственного обогрева костра. Собаки, скалясь, отступали, но выть не переставали.

На третий день к вечеру жандармское начальство наконец разрешило женщинам из женской спальни обмыть трупы и обрядить их как положено, чтобы утром похоронить. Однако даже для этого скорбного дела женщин не оставили без присмотра — жандармы стояли рядом и покрикивали: «А ну, не реветь! Мертвяков никогда не видали?» Женщины, молча глотая слезы, обмыли тела расстрелянных и одели их во все принесенное из дому свое, чистое и не пробитое пулями. После этого женщин выгнали. До утра, сказали. Но когда они, едва рассвело, вернулись снова, тел уже не оказалось.

Жандармы скалились, как те псы: «Спрашиваете, куда мертвяки подевались? А нам что за печаль! Они нам живые нужны были, а такие — без надобности!.. Ну, очищай помещение!» Жандармы лгали: они боялись героев и мертвых. Оттого и выкрали их тела и погребли до сих пор неизвестно где. А когда приехала в Москву Татьяна Кирилловна и стала выпрашивать, чтобы ей ее Феденьку хоть мертвым отдали, ей швырнули в лицо его порубанную шашками шубу, его любимую, с белыми пуговичками, косоворотку в отверстиях от пуль, штиблет один и одну калошу...

Я иду по Мантулинской улице. Точней, это аллея сегодня: в четыре сплошные шеренги выстроились вдоль обоих тротуаров достигшие уже гренадерского роста тополя и густокронные липы; любовно высажены палисадники перед всеми фасадами. Одни жильцы взлелеяли цветочные клумбы, другие отдали предпочтение мавританским коврам. Чуть ли не через каждые тридцать — сорок метров гостеприимно поставлены прямо в траву просторные скамьи для отдыха: посиди, прохожий, побеседуй с вышедшими подышать свежим воздухом хозяевами этих домов, они будут тебе рады...

Чуть смеркается, и вдоль Мантулинской загораются лампионы... А давно ли Студенецкая, едва вечерело, утопала в непроглядной темноте и круглые сутки — в непролазной грязи.

Кто из сегодняшних обитателей Мантулинской помнит все это?

...Идут навстречу девочки-подростки. В руках портфели — наверное, из школы или техникума. В нарядных, веселых расцветок, модных пальто, новенькая, самых заковыристых фасонов обувь. Поравнявшись с ними, услышал, о чем они так живо беседуют: обсуждают новую кинокартину, которую видели уже все. И сравнивают со многими другими картинами, на которых тоже успели побывать уже все. Очень вдруг захотелось остановить девушек, поговорить с ними. Я нашел простой выход: «Извините, девушки, вы из этого района? Не скажете ли, как называлась Мантулинская улица раньше?» Они переглянулись. А разве она когда-нибудь имела другое название?

Одна, побойчее, в спортивной куртке на «молнии», ответила:

— По-моему, она всегда была Мантулинской. Я, например, живу в этом доме всю жизнь.— Она показала на явно послевоенной стройки высокое добротное здание, низ которого занимала поликлиника детской больницы. — Так, знаете, когда мама учила меня, еще малышку, помнить наизусть свое имя и фамилию, чтобы я, если заблужусь, не потерялась, она мне всегда говорила: «Если тебя спросят, где ты живешь, ты отвечай...» А я ей подсказывала: «Улица Мантулица, дом, где лечат деток».

— И я живу тут всю жизнь,— добавила другая девушка,— вот, напротив парка культуры, и тоже всю жизнь знаю: Мантулинская и Мантулинская, больше никакая!

Что ж, они были по-своему правы: раз всю жизнь — это и означает для них всегда! Спросил:

— А что она прежде называлась Студенецкой и на ней нечем было дышать от вони с сахарного завода — об этом тоже никто из вас не слыхал?

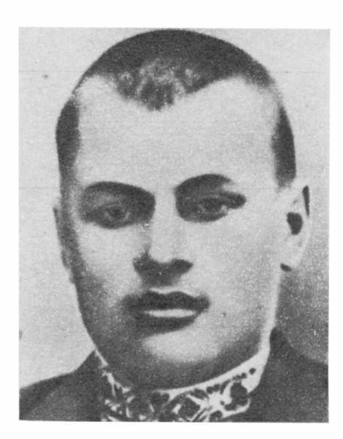
Моя первая собеседница посмотрела недоверчиво:

— Какая может быть вонь с сахарного завода? Что там может плохо пахнуть?

Вторая отрубила еще решительнее:

— Нет, ничего мы про это не слыхали.

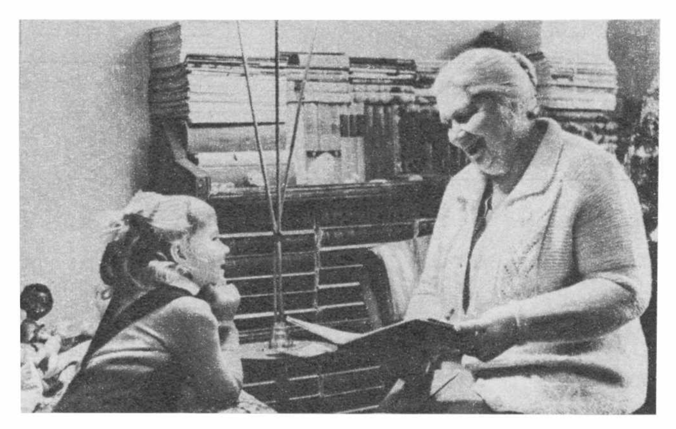
Я почувствовал, что начал тяготить их, что вызвал в них если не недоверие, то, во всяком случае, недоумение. Но почему все же они так мало знают о самом родном для них месте на земле, где они родились, выросли, жи-

Ф. М. Мантулин.

Этот памятный камень стоит на месте расстрела Федора Мантулина.

Александра Федоровна с внучкой Витой.
Фото Б. Кузьмина.

вут? Как бы одухотворилась их естественная любовь к нему, если б они еще узнали страшную, временами кровавую и такую вместе с тем славную историю улицы! Перед ними завод-красавец, чистюля, из нежно-розового кирпича, весь в зелени, со сквериком перед входом, на берегу аккуратного, ухоженного, сплошь облицованного светлым бетоном чистого пруда. Как они могут вообразить, что сахарный завод и его костокальня поражали вонью всю округу? Да и что это такое — костокальня? Откуда им знать, что по варварской технологии дореволюционной поры сахар-рафинад, чтобы достичь кипенной — «сахарной» — белизны, должен был пройти через стадию очистки с помощью раскаленных костей животных? Кости вываливали на огнедышащую открытую плиту, и тут они «доходили». Только самые забитые, самые нищие и бесправные мужики из всех, кто толпами приваливал осенью к воротам московских заводов, соглашались идти костокальщиками, в чью обязанность входило беспрестанно помешивать — конечно, вручную — эту раскаленную чадящую массу. Каждые несколько минут несчастные метались на лестницу, к выбитым окнам лестничной клетки — вдохнуть хоть глоток студеного, зимнего воздуха. И глотали его с такой жадностью, что тут же заходились от вырывавшего все внутренности кашля...

Немногим отличались условия труда у рабочих и других специальностей на заводе. Например, женщин использовали на колке рафинада. Дробили его не машинкой — что на нее тратиться! «Технология» колки сводилась к тому, что кусок рафинада клали на ладонь и били по нему железным прутом: раз! раз! А если кусок хотя бы чуть краснел от крови — брак! И с работницы — вычет. Пальцы женщин всегда были обмотаны тряпицами, но кровь сочилась и через тряпицу.

Нет, недаром сахарный завод звали сладкой каторгой, а его боевая дружина отличалась своей стойкостью даже на Пресне!

При входе на заводскую территорию—стенд с последними объявлениями. Самое крупное: «На заводе открыты курсы по подготовке в вуз». Запись там-то. Я поинтересовался — от подавших заявления отбоя нет. И ведь не в том дело, что человек, получив высшее образование, будет работать меньше и легче. Это ж у нас не так. Но в чем же дело? А только в том, что получит больше удовлетворения, принесет максимальную пользу обществу. И это существеннейшая черта характера человека социалистического общества!

Кто сегодня вступает в партию на заводе имени Мантулина? Кто приходит в ряды этой партийной организации на смену самому Мантулину?

Вот имена, взятые без выбора.

Игорь Савин, столяр. Молодой человек, комсомолец. Командир добровольной народной дружины.

Учится? Конечно! В девятом классе школы рабочей молодежи. А по окончании школы собирается продолжить образование в вузе.

Александра Юдакова. На заводе с 1966 года. Была упаковщицей — работа невысокой квалификации. Теперь уже машинистка заклеечной машины. Член заводского бюро «комсомольского прожектора», упорно, настойчиво борется со всеми производственными неполадками и недочетами.

Учится? Конечно! Уже на втором курсе Всесоюзного заочного института пищевой промышленности.

Каждый декабрь, девятнадцатого числа, в годовщину того дня, когда в 1905-м палачи расстреляли героев Пресненского восстания — Мантулина, Волкова, Афанасьева, к памятному камню, еще в пятилетие Октября водруженному рабочими завода на месте расстрела, выходят с цветами мантулинцы. Выходят старые большевики и комсомольцы, рабочие, работницы. Кладут прямо в снег свежие алые розы. Постоят в молчании...

А впереди всех по праву дочь Федора Михайловича Мантулина, Александра Федоровна, та самая Шурочка, с которой на руках примчалась к палачам-жандармам в пятом году вдова Федора Михайловича требовать хотя бы тело убитого мужа. Дочь вся в отца — такая же статная, такая же красивая, с таким же ясным и полным гордого достоинства взглядом.

Она не торовата на рассказы о своей жизни, а жаль: ее жизнь — сплошной пример того, какие благородные всходы дала революция.

Царские сатрапы не только не отдали Татьяне Кирилловне праха мужа — они и ее вышвырнули из Москвы в 24 часа. Не дали ей житья и местные власти в Гапонове, когда узнали о роли Мантулина в пресненском восстании. И пришлось Татьяне Кирилловне идти мыкать горе куда глаза глядят. В конце концов ее прибило к днепровским берегам — в Екатеринослав. Едва-едва упросила там одних хозяев смилостивиться — взять ее за харчи в домработницы. Ведь с малым ребенком была, а кому нужна домработница с ребенком на руках!

Но верна и крепка рабочая память. Сразу после Октябрьской революции — точнее, сразу после гражданской войны, когда вернулись с фронтов на завод старые рабочие, люди забеспокоились: а где вдова Федора? Где его дочь Шурочка? Что с ними? Решили во что бы то ни стало разыскать их, помочь!

Послали специального человека в Гапоново — старого рабочего Чечета. Следы повели его дальше — в Екатеринослав. Там он нашел и Татьяну Кирилловну и ставшую уже семнадцатилетней девушкой Шурочку. Передал им наказ и просьбу всех рабочих: перебраться в Москву, на завод, которому они не то что родные, а даже дороже родных.

...Александра Федоровна рассказывала мне, с какой заботливостью никогда не видевший их раньше Чечет вез их в Москву.

— Ну, кто мы ему были, скажите? Или всем другим товарищам? Когда мы приехали в Москву, уже и комнату для нас нашли на заводе и обставили ее заранее. Все, все готовым стояло: стол и кровати, стулья и шифоньер, даже о простынях подумали и подушках, даже примус на кухню не забыли поставить и керосин в него налить! На специальном митинге решили: отопление и освещение в нашей комнате тоже взять на счет завода! Маме работу дали, меня на рабфак отправили: учись, хватит тебе в помощницах домработницы ходить!

После рабфака Александра Федоровна, понятно, вернулась на родной завод. Работала электромонтером, затем чертежником. В войну ее выдвинули заведовать карточным бюро района,— а это надо себе представить, чем были тогда для людей продовольственные карточки! И каким доверием одарили человека, поручив ему такое дело... Потом избрали секретарем исполкома райсовета...

Теперь Александра Федоровна уже на пенсии. Но династия Мантулиных по-прежнему продолжает трудиться на благо рабочего народа: работает в одном научно-исследовательском институте и одновременно заочно учится в вузе ее единственный сын Валя, занята общественной работой сама Александра Федоровна...

Она останавливает меня:

— Вы записали, что Валя — внук Федора Михайловича? Это вы записали ошибочно. Понимаете ли, Валерий не кровный мне. Я его взяла трехмесячным во время войны. Дом, где он родился, разбомбило, мать там в пожаре сгорела, а отец погиб на фронте. Не могла ж я оставить младенца одного! Но, конечно, я ему никогда об этом не рассказывала. Пока, спустя больше двадцати лет, не сыскалась какая-то «сердобольная» тетушка его, чтобы раскрыть ему, как говорится, глаза на его происхождение и на то, что я ему чужая и посторонняя...

Александра Федоровна на минуту умолкает. Потом снова собирается с силами.

— Но Валя заявил ей наотрез: «Вас я не знаю, понятно? А я как был Александры Федоровны сын, так и остаюсь им. Это вам тоже понятно?» Если б вы знали, как это было мне радостно! И дочку свою он тоже учит — он ведь уже сам папа: «Видишь, Виточка, портрет на стене? (А у меня в комнате висит единственный сохранившийся снимок Федора Михайловича. Я его увеличила, конечно.) Так ты знай, Витуся, это твой прадед Федя. Понимаешь?» А Виточка у нас умница! «Понимаю,— говорит,— папа. Это наш прадед Федя. И он был очень, очень, очень хороший. И хотел, чтобы всем рабочим было только хорошо. Да?»

Самое верное родство не по крови в жилах, а то, что сделало и крошку Виту, и Валерия, и Александру Федоровну одной семьей, по праву носящей славную фамилию Федора Мантулина. Это родство еще более дорогое, чем по крови,— по духу. И нет надежней его на свете и крепче.

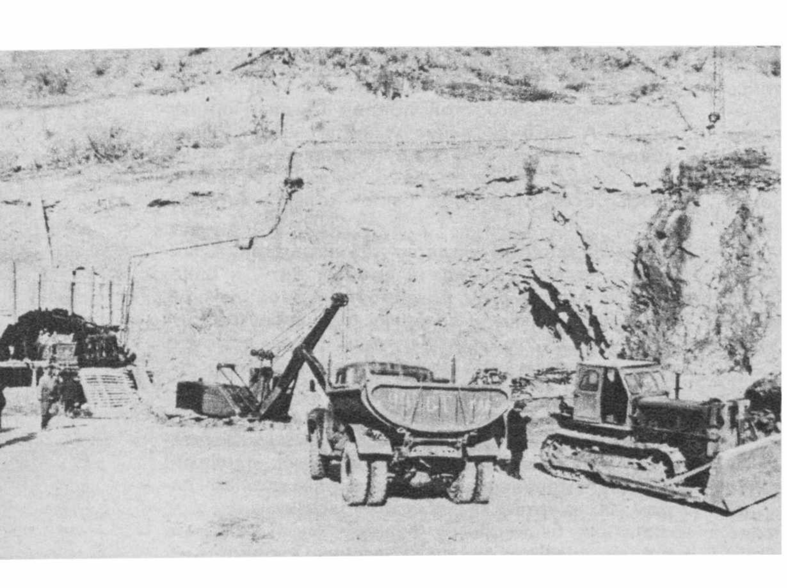
...Красная Пресня встречает каждого, кто вступает на ее территорию с площади Восстания, незабываемыми ленинскими словами: «Подвиг пресненских рабочих не пропал даром. Их жертвы были не напрасны».

Нельзя было найти лучших слов, которые бы украшали въезд на Красную Пресню!

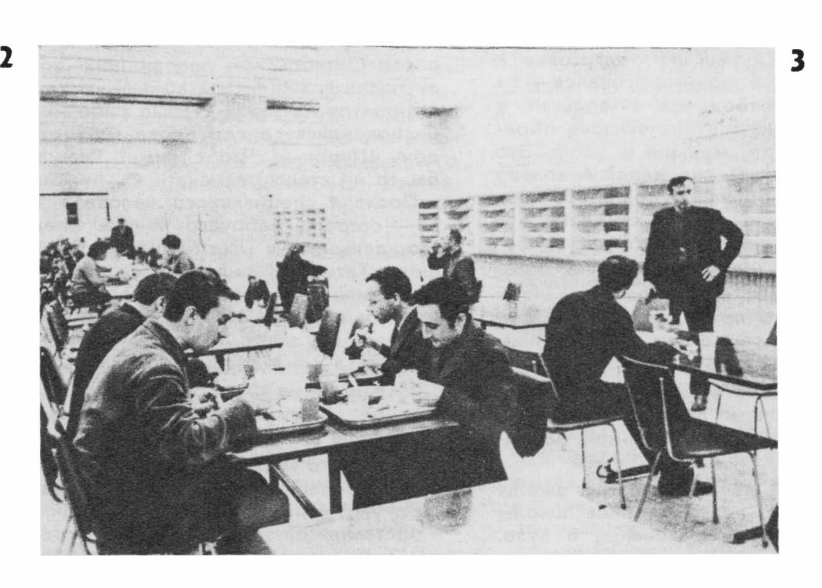

С ФОТОКАМЕРОЙ И БЛОКНОТОМ

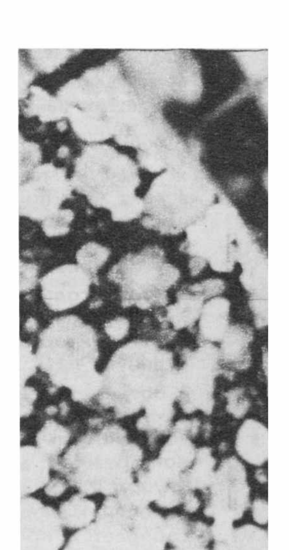
1

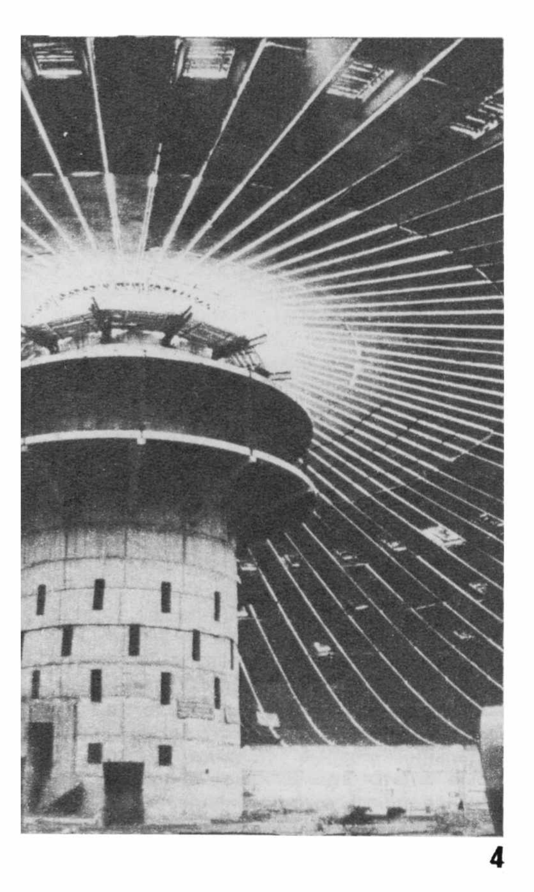

2

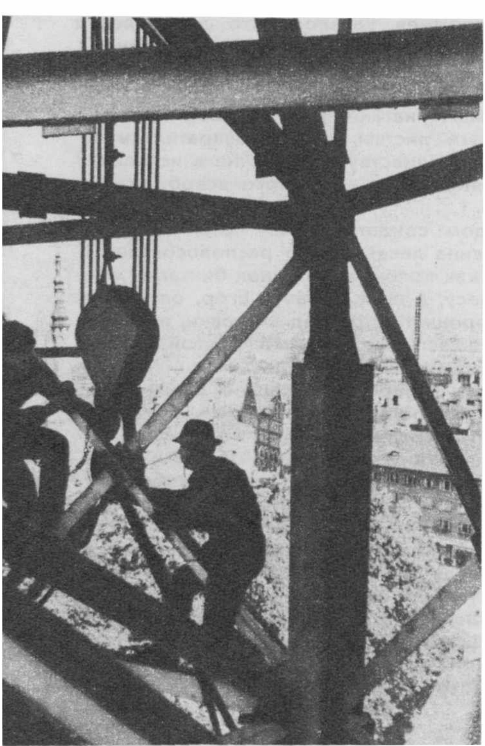

3

4

5

6

1 Пойдет ханкайская вода

Огромную площадь Приморского края занимают земли Приханкайской низменности. Веками стояла тут мертвая тишина, в этих болотистых местах. Но вот сюда пришел советский человек, мелиоратор. Десятки экскаваторов вонзили в болота свои клыкастые ковши, потянули за собой рукотворные реки, положили начало строительству новых крупнейших рисовых систем. К концу девятой пятилетки они займут в Приморье площадь в 25 тысяч гектаров. Сейчас тридцать строительных управлений ведут здесь мелиоративные работы.

В эти дни на ханкайской земле горячая пора. Строятся насосные станции, прокладываются каналы. Вот по этим большим трубам, которые вы видите на снимке, пойдет ханкайская вода, наполняя живительной влагой рисовые поля.

В. КУЗНЕЦОВ, собкор «Огонька»

На снимке: по этим трубам потечет ханкайская вода.

Фото автора.

2 Посторонись, Военно-Грузинская!

Старой, доброй нашей знакомой, Военно-Грузинской дороге, теперь приходится немного посторониться. На одном из ее участков, у села Жинвали, началось сооружение большого гидротехнического комплекса — стройки, указанной в Директивах XXIV съезда КПСС.

Еще недавно это живописное горное село пользовалось известностью главным образом у туристов. Именно отсюда, если свернуть с Военно-Грузинской, начинается путь в Хевсуретию — чудесный уголок Грузии с его орлиными гнездами и вековыми башнями. Две мощные вершины по берегам Арагви словно неплотно прикрытые ворота. Теперь на них навесят замо́к — насыплют земляную плотину высотой в 101 метр. И на месте Жинвали появится большое горное озеро: водохранилище для гидроэлектростанций, новый источник городских водопроводов Тбилиси и Рустави и новая поилица лугов, пашен и огородов в окрестностях грузинской столицы. Жинвальский комплекс решит на какое-то время все эти животрепещущие хозяйственные задачи — энергетическую, водоснабженческую и мелиоративную. Туризм от этого только выиграет: появится красивое озеро и на его берегах — пансионаты, турбазы...

А пока полным ходом разворачивается стройка под началом опытного потомственного гидростроителя Тенгиза Чубинидзе.

И. МЕСХИ, собкор «Огонька»

На снимке: там, где строится Жинвальская ГЭС.

Фото О. Лукьянова.

3 Вот это эффект!

Стеклянный подвесной потолок, мягкий свет неоновых ламп, нежно-желтая фигурная плитка на стенах, декоративные керамические тарелки на фоне белорусских ковриков, практичная мебель... Рабочие ремонтно-механического цеха № 3 Минского автозавода не узнали свою столовую после ремонта. Приятно поразил ее внешний вид, а еще больше поразило новое оснащение: четырехъярусная линия с 324 ячейками растянулась почти на всю длину обеденного зала. Это и стол раздачи и плита одновременно. Обеды подаются сюда из кухни по транспортеру и подогреваются до тех пор, пока их не возьмут на столы. 324 человека, не мешая друг другу, берут подносы, а пообедав, ставят посуду на транспортер, направляющийся в посудомойку. 1 800 человек могут пообедать в такой столовой за полтора часа. На обед тут требуется 8—12 минут.

Раздаточная линия самообслуживания на конкурсе проектов шла под девизом «Эффект». Авторам проекта — директору института «Белгипроторг» В. Аладову и начальнику отдела этого же института Е. Цвингелю — действительно удалось добиться замечательного эффекта в решении одной из самых важных задач общественного питания на промышленных предприятиях. Теперь дело за тем, чтоб размножить «эффект», и побыстрее.

А. САШИН

На снимке: в столовой автозавода.

Фото А. Мызникова.

4 Шатер для автобусов

Здание выглядит необычно: огромная железобетонная крыша, под которой свободно разместятся четыреста больших автобусов, висит на стальных тросах — вантах. Внутри помещения — ни одной опоры. Только в самом центре установлена башня. От нее-то к внешнему железобетонному кольцу и разбежались веером 84 ванты. На них уложены железобетонные плиты, которые образуют огромный, диаметром 160 метров, шатер.

Вначале в Дарницком районе Киева намечалось построить два типовых автобусных парка на 250 машин каждый. Но по предложению работников треста № 1 комбината Киевпромстрой был разработан экспериментальный проект одного парка на 550 автобусов. В него входят блок ремонтных цехов, крытая стоянка и девятиэтажный административный корпус. Цель эксперимента — проверка большепролетных покрытий, впервые применяемых в СССР.

Начальник технического отдела треста № 1, который ведет строительство, Николай Анисимович Масляев рассказывает:

— За рубежом имеется опыт строительства висячих покрытий диаметром до 120 метров без центральной опоры. Но вот чтобы на вантах покоилась столь большая железобетонная крыша, такого в мировой практике не было. У вантовых покрытий большое будущее. Их применение позволяет уменьшить затраты труда, упростить монтаж, получить значительный экономический эффект. Строительство одного автопарка в Дарнице вместо двух обычных позволит сэкономить 677 тысяч рублей.

С. КАЛИНИЧЕВ, собкор «Огонька»

На снимке: центральная башня-опора, поддерживающая стальное кольцо, на котором крепятся внутренние концы вант.

Фото А. Поддубного.

5 Сенсация среди шпилей

Кирка Нигулисте с ее прямоугольной башней и подоблачным шпилем стоит почти в самом центре Таллина, недалеко от ратуши. Талантливейшие резчики по камню, прекрасные художники и ювелиры несколько веков украшали ее. Неоценимое художественное наследие прошлого воплощено в камнях Нигулисте. Скоро она откроется для таллинцев и гостей города как музей древнего искусства.

Нигулисте сильно пострадала во время войны — сгорел деревянный шпиль, обрушились своды. На счастье реставраторов, сохранилась фотография 1892 года: именно тогда отважный человек Бернхардт Лайс залез на вершину Домской кирки и сделал обширную фотопанораму Таллина. Вот эта-то старинная фотография и помогла окончательному варианту проекта реставрации. Инженер Велло Булдас и архитектор Тэдди Бёклер предложили для шпиля стальные конструкции, скульптор по интерьеру Аала Булдас сделала проект флюгера с флажком и розой ветров. Стальной каркас шпиля весом в 51 тонну был поднят на башню с помощью специального оборудования. Строили шпиль ленинградские монтажники, а уж тонкостями архитектурного стиля занимаются эстонские реставраторы. Шпиль очень элегантен и высок — вознесенный на 120-метровую высоту, сам он вытянулся на 53,5 метра.

Н. ХРАБРОВА, собкор «Огонька»

На снимке: монтаж каркаса шпиля.

Фото В. Сальмре.

6 Реки из тканей

Бежит, как ручеек, переливается пестрая матерчатая лента на ткацком станке. Если собрать такие «ручейки» со всех станков, то получится, наверное, целая матерчатая река... Более 600 тысяч метров в сутки! Столько ткани выпускает отделочная фабрика имени рабочего Федора Зиновьева, расположенная в Иванове. Но скоро и эта цифра устареет: на предприятии сейчас устанавливается новое оборудование, которое позволит значительно увеличить выпуск тканей. Станет полноводнее «река» несминаемых, тисненых и шелко-серебристых сатинов, ситцев и штапельных тканей.

На снимке: передовая производственница контролер Ольга Кривченко.

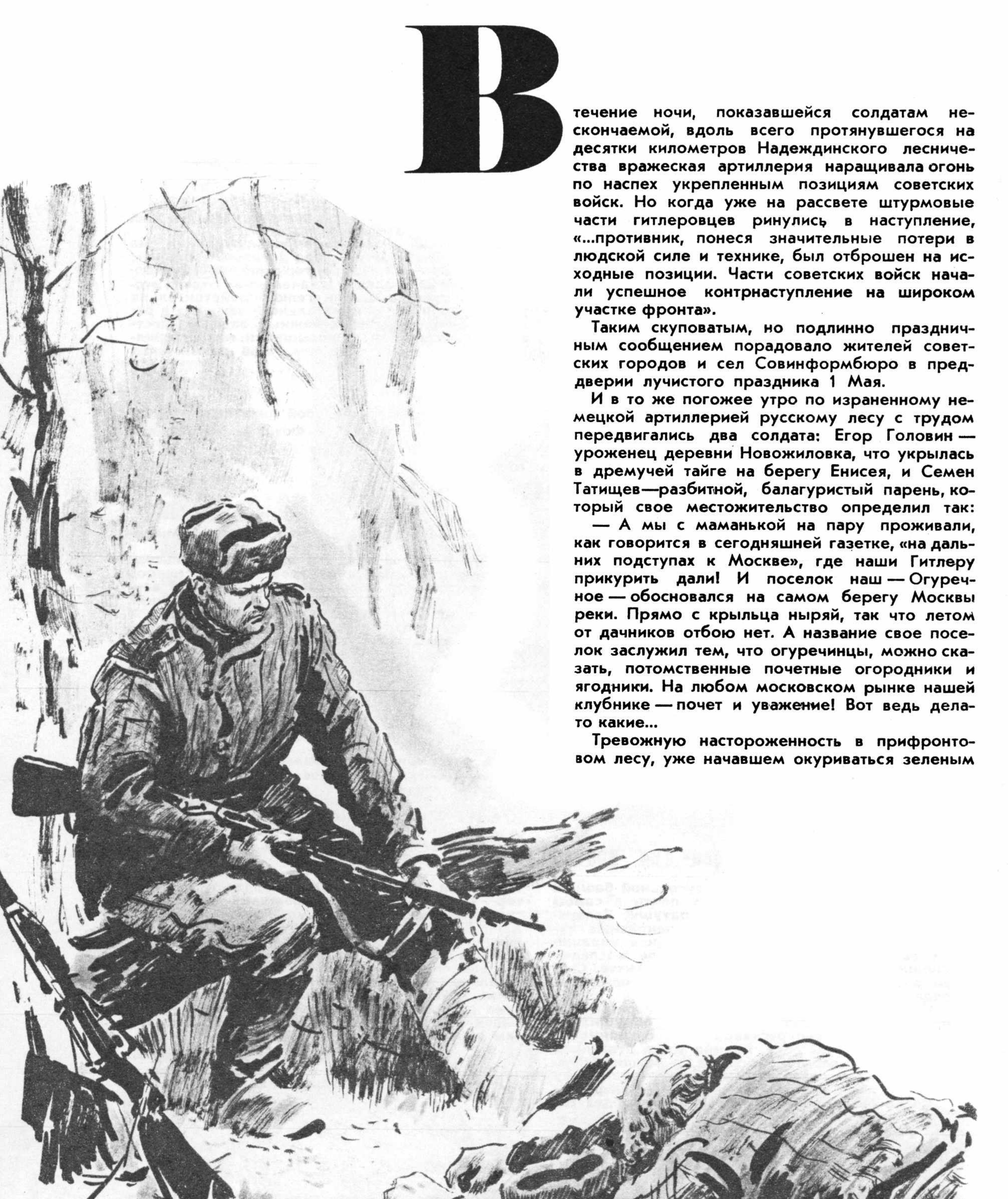
Фото И. Дынина (ТАСС).

ШЕЛ СОЛДАТ

Юрий ЛАПТЕВ

РАССКАЗ

Рисунок Н. ПЧЕЛКО

В течение ночи, показавшейся солдатам нескончаемой, вдоль всего протянувшегося на десятки километров Надеждинского лесничества вражеская артиллерия наращивала огонь по наспех укрепленным позициям советских войск. Но когда уже на рассвете штурмовые части гитлеровцев ринулись в наступление, «...противник, понеся значительные потери в людской силе и технике, был отброшен на исходные позиции. Части советских войск начали успешное контрнаступление на широком участке фронта».

Таким скуповатым, но подлинно праздничным сообщением порадовало жителей советских городов и сел Совинформбюро в преддверии лучистого праздника 1 Мая.

И в то же погожее утро по израненному немецкой артиллерией русскому лесу с трудом передвигались два солдата: Егор Головин — уроженец деревни Новожиловка, что укрылась в дремучей тайге на берегу Енисея, и Семен Татищев—разбитной, балагуристый парень, который свое местожительство определил так:

— А мы с маманькой на пару проживали, как говорится в сегодняшней газетке, «на дальних подступах к Москве», где наши Гитлеру прикурить дали! И поселок наш — Огуречное — обосновался на самом берегу Москвы реки. Прямо с крыльца ныряй, так что летом от дачников отбою нет. А название свое поселок заслужил тем, что огуречинцы, можно сказать, потомственные почетные огородники и ягодники. На любом московском рынке нашей клубнике — почет и уважение! Вот ведь дела-то какие...

Тревожную настороженность в прифронтовом лесу, уже начавшем окуриваться зеленым дымком весенней листвички, нарушали только разрозненные хлопки ружейных выстрелов да изредка тугой удар артиллерийского ствола и следом — дальний разрыв снаряда. Даже птицы, которые в это время года начинают свой призывный пересвист, попискивали нерешительно. Но двум солдатам после многочасового томления под шквальным огнем, закончившимся лобовой стычкой с врагом, когда, как говорили в старину, «человек теряет образ и подобие божие», казалось, что свершилось чудо и они снова поднялись из преисподней на ласковую землю, где еще холодноватые лучи солнца, борясь в переплете ветвей, золотыми шариками катаются по рыжему настилу прошлогодней листвы, снова возвратились в мир, где еще существует жизнь не в исковерканном войной понимании этого всеобъемлющего слова.

А с трудом солдаты брели потому, что у Егора Головина левая нога в располосованной штанине и, как кокон, замотанная бинтами моталась на весу, а передвигался Егор, опираясь с одной стороны на приклад винтовки, приспособленной вместо костыля, а с другой — поддерживаемый Семеном Татищевым.

— Напрочь озверели людишки, Егор Васильевич!— балагурил Татищев.— Ведь светлое христово воскресенье сегодня: кто и бога не почитает — празднует, а наш брат — серая скотинка. Еще хорошо, что нам с тобой на двоих одну ногу покалечило: мог ведь и черепок треснуть, как пасхальное яичко!

— Да, все как назло,— не сразу отозвался Головин.— Ведь я, понимаешь, и в финскую кампанию только неполную неделю пробыл в строю. Плечо мне тогда, также при наступлении, прошила шалавая пуля. И вот опять двадцать пять пятаками без сдачи!.. Только, думается, воевать наши самостоятельно начали... Э-эх!

— Болит?

— Дает. Но не в том беда — обида... Смотри, смотри, и что только гады делают!

...Лосиха лежала, плотно прижавшись бархатистой грудью к земле, широко раскидав передние ноги и неудобно подвернув задние. Просвиставшая между деревьев смерть настигла лесную красавицу в тот момент, когда она ухватила теплыми губами и потянула на себя ветвь осины, только что оперившуюся глянцевито-клейкими листочками.

Так с откушенной веткой в зубах она и лежала посредине крохотной, окаймленной молодым осинником полянки. И ничего — ни боли, ни испуга, ни укора — не выражали полузакрывшиеся глаза молодой матери.

И сынок ее — угловато-голенастенький лосенок — еще не мог осознать того, что и в его только начавшейся жизни наступил жестокий конец: врастопырку перебирая неокрепшими ходульками, малыш забегал то с одного, то с другого боку, пытаясь добраться до материнских сосков. Лесной младенец не плакал и не сердился, только как-то недоуменно пофыркивал.

А в нескольких шагах от не остывшей еще подруги, недвижимый, как могучее и скорб-

ное изваяние, стоял он, широкогрудый и горбоносый старожил лесных угодий, чья жизнь была взята под охрану хозяевами русских лесов, дубрав и перелесков.

Только в это первомайское утро много — ой, как много! — и самих хозяев того леса полегло вдоль опушки, навечно припав к земле, еще дышащей подснежной прелью.

Торжественно-тоскливые слова — вечный покой...

— Ну, мы уж ладно: за правое дело с фашистами бьемся; так звери-то в чем провинились? — вновь вырвалось озлобленное восклицание у Головина.

— Ничего, парень, не попишешь, видно, не только народу эта проклятущая война,— в тон Егору заговорил было Татищев, но неожиданно свернул на другое:— Кладй, пудов с десяток говядины задарма погниет. И телок. А народ, мать пишет, одной картошкой довольствуется: начисто все отобрали фашисты, мать их...

Семен даже головой помотал досадливо.

Но Головина эти слова Татищева не то чтобы насторожили, но показались неуместными, что ли. Правда, он и сам, пожалуй, не сумел бы объяснить толково, почему вид ненужно убитой лосихи вызвал у него, таежного охотника, пребывавшего к тому же в состоянии не остывшего еще ожесточения, чувство если и не жалости, то гневного протеста. Ведь если посчитать, сколько в свои двадцать восемь лет Головин, промышлявший по долгим сибирским зимам пушнину, пострелял белок, зайцев, лисиц, счет пошел бы на тысячи. Да и крупных таежных хищников на охотничьем счету Егора числилось немало. А кроме того, ведь еще несколько часов назад смерть, раскаленным вихрем бушевавшая над землей во время атаки и еще более яростной контратаки, косила солдат с той и другой стороны даже не десятками, сотнями. Немало погибло и людей, с которыми Егора особенно сроднили последние месяцы почти непрерывных боев и жесточайших лишений. Да и сам Егор Васильевич Головин: разве не мог тот же рваный кусок железа угодить ему не в ногу, а в голову или под левую лопатку?

Сколько угодно.

И все-таки...

— Как думаешь, Семен, починят мне доктора ногу?

— Это эскулапам еднова плюнуть. Навострились латать да штопать нашего брата. А только... Вот ты, может, и не поверишь мне, Егор Васильевич, а я за твою перебитую ногу отдал бы любую из своих здоровых. Так и отстегнул бы вместе с сапогом и портянкой.

— Не к месту шутишь!

— Шутишь?.. А ну, давай присядем.

Солдаты сели на свежеповаленное дерево. Татищев достал кисет, газету. Прежде чем оторвать клочок на закрутку, прочитал:

— «...преследовать отступающего противника, не давать ему ни минуты передышки — вот какую задачу ставит перед всеми частями фронта верховное командование...» Золотые слова: как говорится, лови, дави, не мучай! Вот только: это не ты сказывал мне байку про охотника и медведя?

— Что за байка? — Егор осторожно двумя руками приподнял раненую ногу, устроил ее поудобнее.

— Да вроде ваша, сибирская. Ну, как сын отцу своему кричит, в лесу на охоте это приключилось:

«Ой-ей-ей, батя! Никак, я медведя спомал!»

«Молодец! — папанька отвечает.— Волоки его сюда за ухи, твоего медведя».

«Да он не идет».

«Тогда сам иди».

«Да он, чертов сын, не пущает!»

Татищев как-то натужно хохотнул. Чиркнул трофейной зажигалкой, дал прикурить Егору, прикурил сам. Погодя, зыркнул по сторонам глазами, заговорил доверительно:

— Боюсь, как бы и с нашим наступлением такое не приключилось. А главное, одно дело бить по наступающему противнику из укрытия: конечно, тоже, как наш Яшка-коптер говорит, ни удовольствия, ни продовольствия, но уже переть самому, как сегодня, против такого окаянного огня!..

Семен даже поежился зябко. И, видимо, разволновавшись, сделал подряд несколько глубоких затяжек. И заговорил так же, с какой-то тревожной торопливостью:

— Мне хитрить перед тобой, Егор Васильевич, нужды нет! Не знаю, как ты, а у меня к тебе отношение... Коль, не приведи бог, совсем бы без движения ты остался, на закорках доставил бы я тебя в санбат! Веришь?

Головин ответил не сразу. Снова осторожно передвинул перебитую ногу. Поморщился. А ответил уклончиво:

— Буряты говорят, что и заяц с лисицей дружат, когда от волка прячутся.

— А я про что говорю?.. Здесь, на фронте, мы все, как единоутробные братья. Так что...— Татищев рывком сдвинул на затылок ушанку, подсел ближе к Егору, заговорил проникновенно:

— Вот если бы, Егор Васильевич, родной брат попросил тебя... От имени матери попросил!

Головин снова поморщился: то ли от боли, то ли от досады какой-то.

— Нет его у меня, брата. Да и мать: еще в ту германскую она преставилась.

— Ай-яй-яй...

Татищев снова нахлобучил ушанку, встал, бесцельно потоптался на месте, глядя поверх деревьев туда, откуда вновь начало доноситься угрожающе нараставшее громыхание и захлебистая ружейно-пулеметная перебранка.

— А у меня, представь себе, мамаша жива, знатная огородница, можно сказать: свой сорт клубники вывела. Наталья Семеновна. В честь деда и мне имя приспособили — Семен. А папаша в тридцать втором от самой пустяковой болезни — гриппа богу душу отдал. А звали его Порфирием. Порфирий Иванович Татищев. Вот ведь дела-то какие...

Хотя Семен и сам чувствовал, что эти его слова никчемны и проходят мимо ушей Егора, как птичий пересвист — не до того было раненому солдату,— высказать товарищу свою задумку, что называется, в лоб у Татищева не хватало решимости.

— Да-а, неладно... Как подумаю, что мамаша моя на старости лет... ведь я у нее один-единственный!

Татищев даже носом зашмыркал расстроенно. Затем, видимо, решившись, встал перед неспокойно сидящим Егором навытяжку и заговорил уже иным, чуть ли не торжественным тоном:

— Так вот, Егор Васильевич, что я хочу тебе сказать, о чем попросить... И не только от себя, а и от матери моей обращаюсь! И если ты уважишь эту первую и последнюю мою просьбу...

Татищев снова стянул с кудрявой, как у сельского гармониста, головы ушанку и даже подался корпусом вперед, просительно всматриваясь широко расставленными, чуть навыкате глазами в крутоскулое, угрюмое и от природы, а от боли еще больше очерствевшее лицо Егора.

И Егор молчал.

— Прошу, потому что сейчас только ты можешь избавить меня от... да, давай говорить прямо и честно: от неминучей гибели спасти!

— Я? — равнодушно спросил Егор.

— Ты... Неужто не понимаешь?

— Не понимаю.

— Тогда слушай и... не только ушами слушай! Могло ведь, Егор Васильевич, мне — ну, скажем, правое плечо прошить пулей? Или руку повредить, как и тебе...

И Егор впервые поднял голову и взглянул в круглое лицо Татищева, распаренное волнением, но ответить не успел, потому что за его спиной раздался и далеко раскатился по прозрачному еще лесу какой-то очень неожиданный крик, крик жалобный и вместе с тем требовательный...

Говорят, что даже хищные звери иногда плачут.

Может быть.

Но он не плакал — обычно величавый и гордый, а сейчас бессильно поникший отец. Хотя к кому же, как не к нему, обратился с жалобой на мать, ставшую бездушной в самом горестном понимании этого слова, его сын—еще совсем жиденький и беспомощный лосенок.

Ведь малыш еще не мог прожить самостоятельно даже несколько дней.

Но ничего не поделаешь. Такая война — всей земле горе-горькое!

— Конечно, я мог бы избавить тебя, Семен, от, как ты говоришь, неминучей гибели. Поскольку и ты помог мне выбраться из-под огня и вот сам вызвался сопроводить...

Головин говорил, не глядя на Татищева. Трудно говорил, словно стыдясь собственных слов.

— Только думается, это будет услуга... подлая.

— Подлая?.. А разве вся эта смертоубийственная карусель не подлость?! — чуть не истерически выкрикнул Татищев, подшагивая ближе к Егору. И не дожидаясь ответа, сам распаляясь от собственных слов, зачастил взахлеб: — Я человек! Пусть маленький, но все же человек, а никакой не винтик! И жить хочу по-людски: долго хочу жить, детей нарожать и воспитать. А когда подступит конец,— умереть как все нормальные люди умирают. А не за лозунг, каким политруки нас с тобой заманивали, на рожон переть! И вообще... Я все обдумал, Егор Васильевич, и твердое решение принял! И если ты отказываешься помочь мне, своему товарищу...

Вновь со стороны полянки донесся крик, только уже не столь громкий. Плач, вернее.

— Твердо, говоришь, обдумал? — Егор пристально взглянул в лицо Семена.

— Да!.. Да!.. Да!..

И снова Татищев ничего не увидел в лице Головина: ни сочувствия, ни осуждения. Глаза Егора, еще глубже запавшие за последние — не дни даже, а часы,— смотрели безучастно. Может быть, потому, что все сильнее разбаливалась нога. И заговорил Егор как-то неподходяще равнодушно:

— Дело это, Семен Порфирьевич, конечно, твое личное, поскольку каждый солдат допрежь всего перед своей совестью в ответе, но... да ведь у нас с тобой даже патрона нестреляного не осталось.

— Есть! Есть у меня еще один патрон. Вот, специально сберег для такого случая! — обрадованно воскликнул Татищев.— И перевязочный пакет я припас. То есть, как говорится, комар носу не подточит!

— Да и стрелять мне, колченогому, несподобно,— еще раз, но уже вяло и, как показалось Татищеву, уступчиво попытался уклониться Егор.— Гляди, промажу. А патрон, сам говоришь, один.

— Смеешься! Сам ведь говорил, что белку сшибал одной дробинкой в голову.

— То белка.

Даже когда совсем близко прозвучал выстрел и сынок испуганно метнулся к нему под бок, сохатый не шелохнулся. Только на лопатках, где из-под свалявшейся за зиму шерсти проступил весенний глянцевито-бархатистый подшерсток, прокатились тугие желваки.

Егор долго сидел, низко пригнув лобастую голову, оглаживая рукой глянцевитый приклад винтовки и, казалось, напряженно прислушиваясь к беззаботному попискиванию какой-то пичуги, чирикавшей за его спиной. Потом достал носовой платок, заботливо обернул конец ствола винтовки Татищева и, опершись на нее, с усилием поднялся.

Долго стоял, не поднимая головы.

Потом, видимо, пересилил себя, взглянул на Семена Татищева, уткнувшегося лицом в землю, с протянутыми к Егору руками.

И слова Семена вспомнил: «Ведь я у нее один-единственный!»

Вспомнив, вздрогнул, как от неожиданного укола или удара. Заговорил негромко, словно оправдываясь:

— Нет, Семен Порфирьевич, тебя я не жалею, поскольку... ты все обдумал твердо. Значит, сам себя подвел под трибунал. Ну, а Наталью Семеновну... Пусть уж лучше мать оплакивает солдата, павшего в бою, а не предателя!

По израненному немецкой артиллерией русскому лесу медленно, с великим трудом передвигался раненый солдат Егор Головин.

Так как теперь поддерживать его было некому, а наступать на перебитую ногу Егор не мог, он передвигался, приспособив вместо костылей две винтовки — свою и Татищева, концы стволов которых были обмотаны тряпками.

Беречь оружие — одна из первейших заповедей солдата.

А по лесу шел солдат!

Николай ПОЛИВИН

РОДНЫЕ ГОЛОСА

НЕ ВЫБИРАЕМ МЫ ДРУЗЕЙ

Давно земле известно всей,
что дуб коряв
и стройны сосны...
Не выбираем мы друзей,
они приходят к нам,
как весны.
Законопачено окно,
и дверь балконная —
в наклейке...
Рывок —
и воздуха полно,
и сбрасываем кацавейки.
И та угрюмость,
что жила
в души каморке
затаенной,
смолой сосновой потекла
навстречу выдумке зеленой,
что развернула под горой
хмельная
брагой солнца
роща.
Такой вот
колдовской порой
и откровенней мы
и проще...
Кто зяб,
веревочкой завей
все огорченья и утраты!..
Не выбираем мы друзей,
они, как высшие награды,
тому даются,
кто был смел,
сражаясь
с подлостью несносной...
Мне соловей вчера пропел:
«Друзья приходят к нам,
как весны!»

* * *

В уютном номере живу:
есть ванна,
телефон...
«Алло!..
Алло!» —
дают Москву.
«Алло!..
Алло!..» —
Херсон.
...Снега растаяли в степи...
...Над морем — облака...
Я ж,
как галерник на цепи,
жду твоего звонка.
То
в кресло бухнусь,
то к окну
прильну —
«Давно б пора!..»
Грачи тревожат тишину
своим:
«Урра!..
Урра!..»
Вот подключают Ленинград:
«У нас вовсю весна!..»
Что толку — многие звонят,
а мне —
лишь ты нужна!

* * *

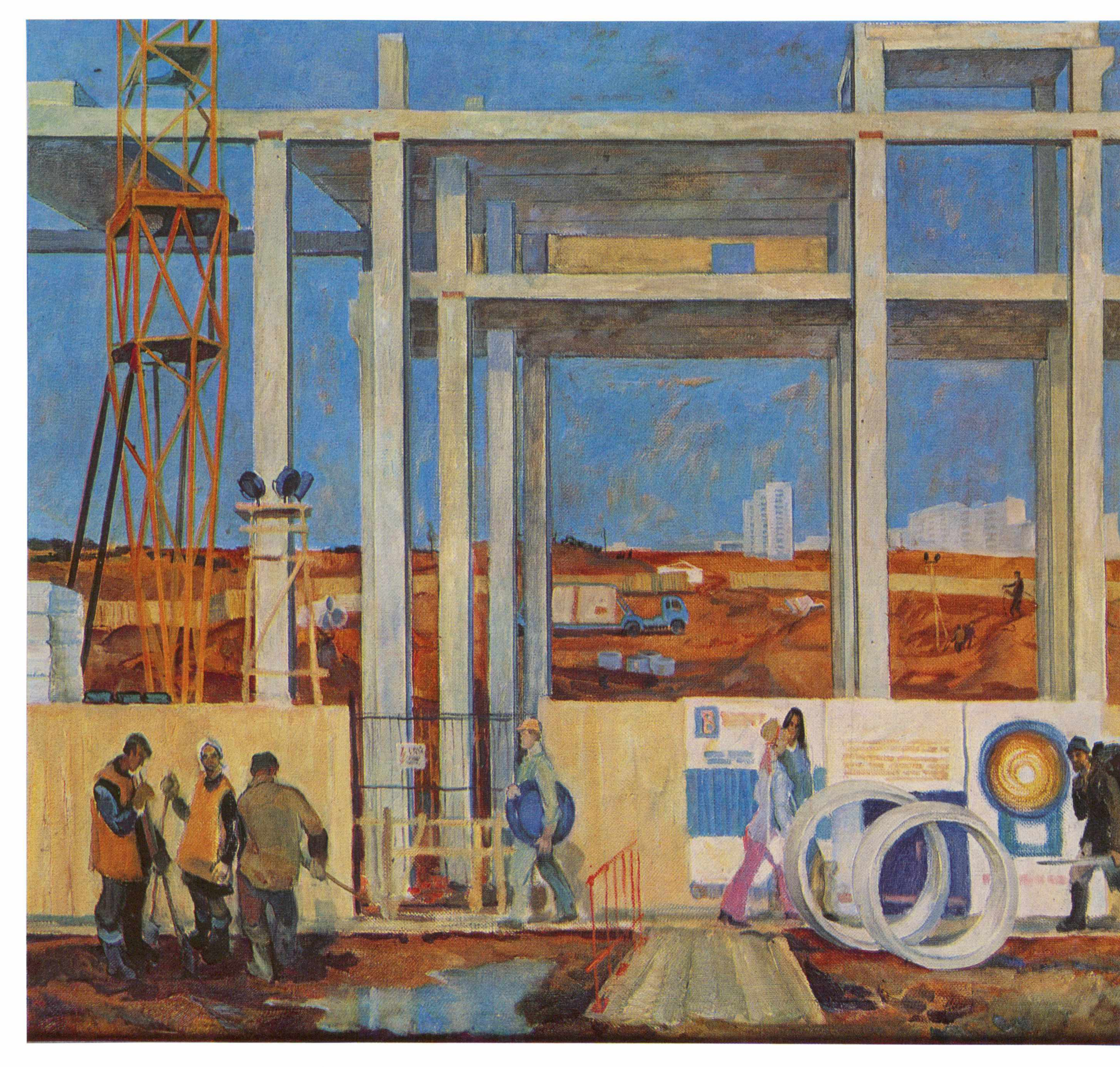
Нет-нет, да накатит такое,
что, сбросив броню пиджака,
за сыном в раздолье степное
рванешься — аж колет в боках!
На речке, под ивой зеленой,
где иволга стонет в дупле,
в траву упадешь, запаленный,
и крикнешь любимой земле:
«Моя дорогая планета,
люблю твой безбрежный простор!»
Охапку подсушенных веток
подбросишь в трескучий костер.
В золу закопаешь картофель
и пир на весь мир заведешь.
Луны отчеканенный профиль
на блузу приколешь, как брошь.
«Варяга» споешь и «Катюшу»,
все дали приблизишь к глазам...
Очистишь и выверишь душу
по отчим
родным голосам!

СЕЛЬСКАЯ НОВЬ

Рассерженный, сутулый, бородатый,
день кутался в сиреневую мглу...
Ветелки, как лукавые девчата,
задрав к груди зеленые халаты,
шагали по озерному стеклу.
У ветряков
над безымянной речкой
грузовики катают будний гром.
Седой старик, расставшись с теплой печкой,
растерянный, уселся на крылечке:
«Нет, не узнать знакомого местечка!
Где бренькал конь еще вчера уздечкой,
растет кирпичный двухэтажный дом...»

ТАМ, ГДЕ БЫЛИ БАРАКИ

Там, где были бараки,
где камыш длиннокосый
в лихорадке качался
у желтых болот,
башни новых цехов
прямо к тучам белесым
вынес милый ровесник мой —
отчий завод.
Очень робко вбивается первая веха —
мой отец свою лепту в зачин этот внес...
Начинали с литейки,
с токарного цеха
мастерские
по штопке
котлов и колес...
Три десятка людей,
трудным делом копченных,
а начальник один —
вся и всем голова!
Первый шаткий причал.
На положистых склонах
под ромашковым ливнем
звенела трава...
Кочегарка парила,
и солнце над паром,
словно кочет веселый,
махало крылом.
Сорок лет с той поры
отгудели недаром —
вырос мост через Волгу,
где бегал паром.
А завод...
Погляди на литые ручищи:
ловко строят они корабли для морей.
И рабочих сегодня — не сотни,
а тыщи,
инженеров — и тех,
как у дуба ветвей!
Груз большой и тяжелый
кран послушный,
портальный
из кузнечного цеха
на стапель несет...
Солнце ястребом кружит
над стенкой причальной,
где басят танкера
с океанских широт.
Вяжут сталь корабелы затейливей кружев,
отражает их вольная Волга-река...
Удивленное солнце над пирсами кружит,
где у каждого сварщика — солнце в руках!
Цех на Воложке,
зданья и слева и справа,
вагонеток-коней электрический бег...
Над болотной тоской
заводскую державу
породил новый век
и вознес человек!

Т. Семко (Краснодар). НОВЫЙ КВАРТАЛ.

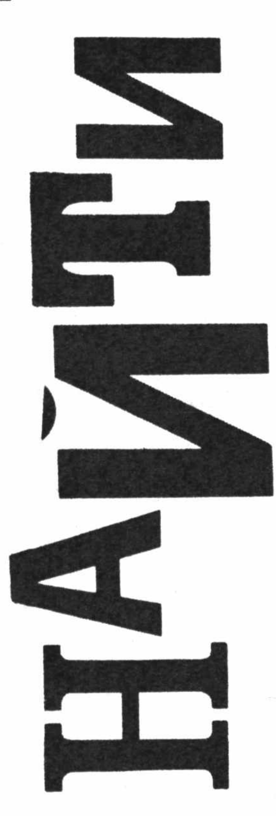

В. Плотнов (Москва). ЛИКБЕЗ.

Ф. ШАХМАГОНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки И. БЛИОХА.

НАЙТИ ВОСКРЕСШЕГО

минуту он держался настороженно. Его удивил наш визит, даже в какой-то степени обеспокоил. Какая вдруг обнаружилась в нем нужда у контрразведчиков?

Чтобы развеять все его недоумения, Сергей Константинович попросил меня рассказать о Раскольцеве. Услышав эту фамилию, Брунов переспросил:

— О ком? О ком вы собираетесь мне рассказать? О Раскольцеве?

— О Раскольцеве!— подтвердил я.—Об Алексее Алексеевиче Раскольцеве...

— Это отличный врач!— воскликнул он.— Я у него лечусь... Он мне очень помог! Я его хотел пригласить на работу в нашу систему...

— На секретную работу?— спросил я.

— А почему бы и нет?

— Нет, нет! Вы ничего не могли знать... Мой вопрос — это естественное удивление, как во, многом успел этот человек... Петр Михайлович Раскольцев, по нашим данным, работает на иностранную разведку.

— Данные... Какие данные?— спросил он в упор.— Проверенные это данные?

— Принимаю ваши лекарства, Алексей Алексеевич!— ответил я ему.— Собираюсь к вам, да вот никак все не выберусь...

— У меня тоже возникла нужда посоветоваться!— откликнулся Раскольцев.— Помните наш разговор касательно истории? Хотелось бы обратиться к вам за помощью...

— Всегда рад помочь!— ответил я, ожидая, что последует далее, сколь настойчив будет Раскольцев.

— Если вы не очень заняты, я хотел бы к вам заглянуть.

— Пожалуйста! Я закажу вам пропуск!

— ...Неужели, Никита Алексеевич, вы всерьез полагаете, что он идет к вам с признаниями?— проговорил Василий, когда я ему рассказал о звонке Раскольцева.

Я промолчал, хотя в глубине души действительно надеялся на такой вариант. Неужели в этом человеке все мертво?

К той минуте Нейхольд уже улетел. Сальге возвращался в Москву с аэродрома.

Раскольцев вошел ко мне в кабинет твердым шагом, хотя и заметна в нем усталость уже немолодого человека. Держался он в меру самоуверенно, скорее самоутверждающе. Он поздоровался и тут же осведомился:

— Курить вы не бросили?

Он слегка потянул в себя воздух. В кабинете, вероятно, пахло трубочным табаком. Курильщик обычно не чувствует запаха трубки.

Он был, конечно же, прав, что мне надо было бросать курить. Я виновато пожал плечами.

— Бросать! Бросать!— наступал он.— Ничего не знаю! Бросайте курить!

Он протянул руку и взял меня за запястье— послушать пульс. Может быть, именно так ему было легче начинать разговор, ради которого он напросился сюда, в это здание.

Но я не стал развивать разговора о болезни, я не считал нужным помогать ему. Он сам должен был переступить тот психологический барьер, который, мне виделось, встал перед ним. Но я ошибся на этот раз. Он пришел к нам не с повинной!

— Решил я,— начал он несколько патетически,— вспомнить былое... Все нынче мемуарами увлеклись... У меня какие же мемуары! Но рассказать как врач, как человек гуманной профессии о страшном прошлом, о том, что такое фашизм, как изничтожал он личность, мне думается, я сумел бы небезынтересно для нашей молодежи...

— Тема актуальная!— ответил я как бы в раздумье.

Я сказал это, не поднимая глаз... Опасался, что выдам себя! Лицемерие его меня не сразило, я знал, что это противник из сильных. Я боялся, что выдам свое торжество... Игра пошла. И он пришел меня проверить, проверить, почему я у него оказался на приеме, проверить, конечно, чем я занимаюсь здесь, может быть, даже и наметить контакты для будущего и, главное, удостовериться, что мы знаем о Шкаликове. Я ждал этого вопроса с минуты на минуту. Я даже ускорил его.

— Чем мы можем быть вам полезны, доктор? Все, что в моих силах, я готов сделать...

— Времени прошло много,— неторопливо продолжал Раскольцев.— Память — инструмент не всегда надежный... Кое-что надо мне перепроверить... Трудно найти тех, с кем пришлось сталкиваться там, в лагерях... Иные умерли, иных не могу найти...

В знак согласия я кивнул головой.

— Трудновато... Согласен! Война раскидала людей! И после войны прошло столько времени... Но, может быть, поищем вместе с вами... Кого вам хотелось бы найти?

— Был у меня товарищ... Вместе с ним бежали... Он был организатором побега. Его находчивости обязан жизнью! Простой человек, рядовой солдат...

— А вы разве не были рядовым?— спросил я негромко и как бы даже удивившись. Вопрос этот может только поначалу показаться простым. Я зацепился за его слова «рядовой солдат». А ведь мы знали, что он окончил краткосрочные командирские курсы и в июле 1941 года был уже лейтенантом. Однако главным сейчас было то, что в карательном легионе фашистов он значился по нашим материалам офицером: унтершарфюрером.

Я не спросил его сейчас: «Вы были или не были рядовым?» — нет, я как бы удивился, что он зачисляет себя не в рядовые...

Боюсь, что Раскольцев не уловил столь сложного подтекста, это, конечно, хорошо, что не уловил, это была еще одна проверка его настороженности, а также и настороженности его

15

...В 18 часов 10 минут Казанский вышел из такси у Никитских ворот, около Кинотеатра повторного фильма. Огляделся. Посмотрел на часы. Перейдя улицу, купил в цветочном киоске букетик цветов. Затем не торопясь направился к Большой Бронной.

Наблюдение за операцией было организовано с привлечением всех технических средств. Мы не имели права рисковать безопасностью Казанского. Мы предполагали, что они тоже установили с этой минуты наблюдение за каждым его шагом.

Ждали Сальге. С Казанским условились, что, заметив Сальге, он войдет в первый же подъезд. Переждать. Для Сальге это будет признаком того, что Казанский вышел на свидание остерегаясь.

Так Сальге его и понял. Когда Казанский пропустил его и зашел в подъезд, Сальге прошествовал к киоску с мороженым. Купил эскимо и повернул обратно.

В 18 часов 20 минут, когда Казанский шел уже по Большой Бронной, от площади Пушкина навстречу ему двинулся Нейхольд. Круг не расширялся. Я снял трубку и соединился по телефону с Сергеем Константиновичем. Доложил, что операция проходит точно по плану, без всяких отклонений, что все в сборе и на линии. За ним оставалось решение производить арест с поличным или входить в большую игру.

— Не трогать!— коротко ответил Сергей Константинович.

Настала минута, когда Сальге снова должен был пройти мимо Казанского.

Казанский остановился возле театральной афиши. Мимо прошел Сальге. Казанский двинулся вперед.

Разминулись Нейхольд и Сальге. Сальге остановился завязать шнурок на ботинке.

Стережет!

Нейхольд и Казанский сближались. На лице у Нейхольда расплылась широкая улыбка.

— Здравствуйте, Евгений!—воскликнул он.— Давно с вами не виделись!

— Что не заходите?— спросил в ответ Казанский и вынул правую руку из кармана — в ней была коробочка. Они поздоровались, коробочка оказалась в руке Нейхольда.

— Недосуг все, недосуг... Забегу как-нибудь...

Тихо спросил:

— Почему у вас с утра в мастерской не отвечал телефон?

— Так лучше!— полушепотом ответил Казанский.

Они раскланялись, каждый продолжал свой путь. Сальге двинулся за Казанским.

Казанский вышел к памятнику Пушкину и сел на скамейку, как бы кого-то поджидая. Сальге сел на скамейку в сторонке.

Посидев минут десять, Казанский направился к стоянке такси. Уехал. Сальге встал и пошел своим путем.

16

На другой день мы с Сергеем Константиновичем отправились к генералу Брунову.

Он оказался человеком приветливым, очень интересным собеседником. Конечно, в первую

— Он работающий агент. Вчера он отправил разведывательную информацию. Она еще не ушла за рубеж...

— Как вас понять?..

— Раскольцев получил задание... разрабатывать вас, Петр Михайлович! На первый случай он записал вашу беседу с ним у себя на даче во время партии в шахматы...

Брунов рассмеялся.

— Недорого же стоит эта информация... Это же глупость! Что он от меня мог бы получить? Я с юных лет служу в армии... Знаю, что и где говорить...

Я объяснил Брунову, что никто и не надеялся вот так сразу от него что-то узнать... Прежде всего Раскольцев закрепит знакомство, будет записывать на магнитную ленту все разговоры, высказывания; по отдельным словам, по намекам там будут составлять общую картину... И скорее всего будут подыскивать возможность скомпрометировать объект их внимания или через Брунова установить связь с человеком, менее стойким... Словом, началась работа...

— Так что же вы не арестуете этого господина? — спросил с чувством брезгливости генерал.

Мы переглянулись с Сергеем Константиновичем.

— А надо ли торопиться с его арестом?— спросил Сергей Константинович.

Брунов сразу все понял.

— Товар у нас найдется для таких покупателей...

— Вот, вот,— подхватил Сергей Константинович,— мы и приехали посмотреть на товар... Вернее, из чего можно сделать товар...

— А поверят они?— спросил Брунов.

— Вопрос философский!— ответил тоже с улыбкой Сергей Константинович.— Вступая в игру с противником, любая разведка ставит перед собой вопрос: а поверят ли? Иногда вдруг такая возьмет заумь контрразведчиков, что и настоящая информация оценивается как дезинформация, иногда удается дезинформацию выдать за истину... Я заметил: чем труднее получить информацию, тем больше в нее верят... Мы создадим специальные трудности... Да и самый выход на Раскольцева для них уже был сопряжен с большими затратами и трудностями... Что мы им дадим? Вот вопрос.

— То, что они ищут...

Брунов обрисовал нам, что они могли искать. Немедленно последовало указание не трогать ни Сальге, ни Нейхольда, ни Раскольцева. Игра началась...

Нейхольд взял билет на самолет до Парижа. Сальге приехал на аэродром в час его отлета. Опять проверял.

И тут неожиданность...

17

Наши службы вели наблюдение за Сальге и Нейхольдом, не выпуская из поля зрения и Раскольцева.

Примерно в то время, когда Нейхольд собрался на аэродром, Раскольцев выехал с дачи в Москву. А через час после его отъезда раздался у меня в кабинете телефонный звонок.

— Никита Алексеевич!— начал он.— С вами говорит доктор Раскольцев... Вы принимаете мои лекарства?

Я ждал этого звонка. Рецепт лежал у меня на столе под стеклом на случай, если Раскольцев спросит меня, какие я принимаю лекарства.

Дрогнула, стало быть, у него душонка... Так я подумал в ту минуту.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 30—33.

хозяев. Мне было важно теперь использовать этот его визит с наибольшей для нас пользой. Я не обольщался... Если мы вступали в игру и игра принималась, то с Раскольцевым вот этак, с глазу на глаз мне беседовать придется теперь нескоро. Он ответил:

— Я войну начинал лейтенантом, а Шкаликов начинал, мне кажется, не очень-то грамотным деревенским пареньком... И оба мы попали в плен. По каким лагерям и где он скитался все годы, я не знаю... Мы встретились с ним буквально в последние дни войны. В лагере под Познанью, на польской земле... Шкаликов его фамилия. Сергей Николаевич... И все! Больше я о нем ничего не знаю! В адресном бюро не справишься. Год его рождения мне неизвестен. Место рождения неизвестно...

— И лагерь немецкий, вы говорите, был для него транзитным?

— Привезли его откуда-то...

— Маловато, Алексей Алексеевич! Посудите сами! Никакой пока зацепки вы мне не дали, чтобы его можно было найти...

— Было нас четверо... Одного я встречал после войны... некто Голубев... На улице его как-то встретил. Потом я справлялся... Он умер.

Не надо мне молчать. Надо было включаться в его поиск.

— Кто же четвертый? — спросил я.

— Имя и фамилию четвертого запамятовал. А может быть, даже и не знал... В последние дни все в лагерях смешалось...

Не нарочно ли так ограничил круг своих сведений Раскольцев, чтобы выведать, не раскроюсь ли я, развивая его поиски? Все могло быть...

— Маловато, Алексей Алексеевич! — заключил я.— Могу дать вам совет. Вам известен адрес этого... Голубева, вы назвали?

— Был адрес... Когда мы встретились на улице в сорок седьмом году, он мне дал его. Несколько лет спустя я попробовал найти Голубева. Не только дома, но и улицы не оказалось на месте. Старое все снесли, новое построили... Тогда мне в райисполкоме и в милиции помогли. Сообщили, что Голубев умер... Семьи у него не было. Может, кто-то и был близкий, где же теперь найдешь?

Я развел руками, открыл стол и достал из ящика трубку.

— Стоп! — воскликнул Раскольцев.— Трубку долой! Нельзя!

— Трудно сразу, доктор!

— Потом будет легче!

— Мало вы мне дали для поисков... Не знаю, что вам и посоветовать!

— Нас, когда пришли части Красной Армии, допрашивали в особом отделе!

Я встрепенулся, изобразил живейший интерес на лице.

— Какое подразделение, часть, дивизия или полк вас освободили? Что-нибудь запомнили?

— Из истории знаю, что Познань освобождала Восьмая гвардейская армия... Запомнил я и дивизию... Допрашивал нас офицер из особого отдела Тридцать девятой гвардейской дивизии... Фамилии его не знаю... Не назвался...

Я записал на листке номер армии и дивизии... Фамилию Шкаликова.

— Это уже кое-что, Алексей Алексеевич! Но поручиться вам, что остались протоколы допроса, не могу... Могли и не остаться... Много тогда людей возвращалось из плена... Еще что-нибудь есть?

— Больше ничего...

Я обещал поискать протоколы допроса, мы расстались.

Зашел Василий.

— Ну и как? — спросил он.

Я вздохнул.

— Ошибки, Василий Михайлович, надо уметь признавать! Ошибся я! Он и не думал повиниться... Ищет Шкаликова... Для своих воспоминаний...

— Дерзок! — заметил Василий.— Может быть, он еще что-нибудь ищет? Сам он додумался к нам идти или ему посоветовал Сальге?

— Зачем это советовать Сальге?

— Со всех сторон интересно... Если он рассказал Сальге, что у него появился пациент из КГБ, Сальге мог насторожиться... Да еще в тот же день, когда у них был такой разговор... А?

— Предположим, насторожился...

— Нейхольд увозит с собой передачу. В тот же час, когда Нейхольд выезжает на аэродром, к нам является Раскольцев. Проверка! Где вы, что вы делаете? Это первое. Второе! Сальге может исходить из версии, что вы никакого отношения к их деятельности не имеете, через вас пытаются выяснить, что нам здесь известно о Шкаликове... Не связали ли мы его имя с Притыковым после железнодорожного происшествия? И это Сальге необходимо знать! И последнее. Не Сальге проверяет, а Раскольцев проверяет, чисто ли сработал Сальге... Для него это вопрос жизни и смерти...

Я должен был признаться, что Василий нащупал зерно истины.

Мы решили помочь им. Правда, это было не просто. Из-за Шкаликовой. Следуя принятой версии и не разрушая логики своих действий, Раскольцев должен будет нанести два визита. Визит к Шкаликовой, а потом к Власьеву. Власьева предупредить нетрудно. Он не из пугливых. Не испугается ли Шкаликова?

Узелок с ней вообще был из сложных... Мы не могли пока сообщить ей, что ее муж погиб, однако переводы от него она уже не получала. Конечно, ради дела мы организовали бы посылку этих переводов из любых районов страны, но Сальге мог узнать, что переводы приходят по-прежнему, и обо всем догадаться... У Шкаликовой должно было сложиться мнение — переводы ее муж перестал посылать потому, что почувствовал: его ищет милиция.

Теперь нам было ясно: Раскольцев обязательно явится к Шкаликовой. Если мы ее не предупредим, что же последует? Не расставит ли он какими-либо вопросами ловушку? Не выведает ли, что Шкаликова пошла после визита Сальге в милицию? Может быть, именно перед визитом к Шкаликовой и сделал свой сложный заход ко мне Раскольцев?

Шкаликова произвела на меня впечатление женщины серьезной и выдержанной. Если ее предупредить, она смогла бы переиграть Раскольцева, она хитра, умна, а Раскольцев пришел бы к ней, считая ее противником и слабым и неподготовленным.

Вопрос! А пойдет ли к ней Раскольцев, не получив от нас ее адреса или по крайней мере подсказки, где ее искать? Раскольцев не пойдет! Но все равно кто-то обязательно к ней явится. И не Сальге... Лучше знать, кто к ней явится, это менее опасно для нее.

Примешивалось ко всем этим вопросам и множество других тонкостей.

Взять хотя бы такую деталь.

Я уже рассказывал о старшем лейтенанте Колобкове. А вдруг он тогда на допросе обронил, что протоколы он отправляет в архив на вечное хранение? Стало быть, если мы теперь скажем, что протоколы уничтожены, это может вызвать подозрение у Раскольцева. Это сейчас совсем ни к чему. Не исключено, что и ранее, времени прошло много, Раскольцев каким-то образом мог проверить, что протоколы сохранены.

Все, словом, сходилось на том, чтобы его допустить к Шкаликовой.

Можно было потянуть с ответом, посмотреть, связывает ли отъезд Сальге с окончанием проверки, которую начал Раскольцев.

Однако после раздумий мы решили с этим делом не тянуть...

Я разыграл из себя очень обязательного пациента. Через два дня я позвонил Раскольцеву и сообщил ему по телефону, что протоколы я видел, что в них побег группы, в которую он входил, выглядит героическим, что Шкаликов родился и вырос в городе Верея, что в Верее он и женился, что жива его жена, а сам Шкаликов лет пятнадцать тому назад умер...

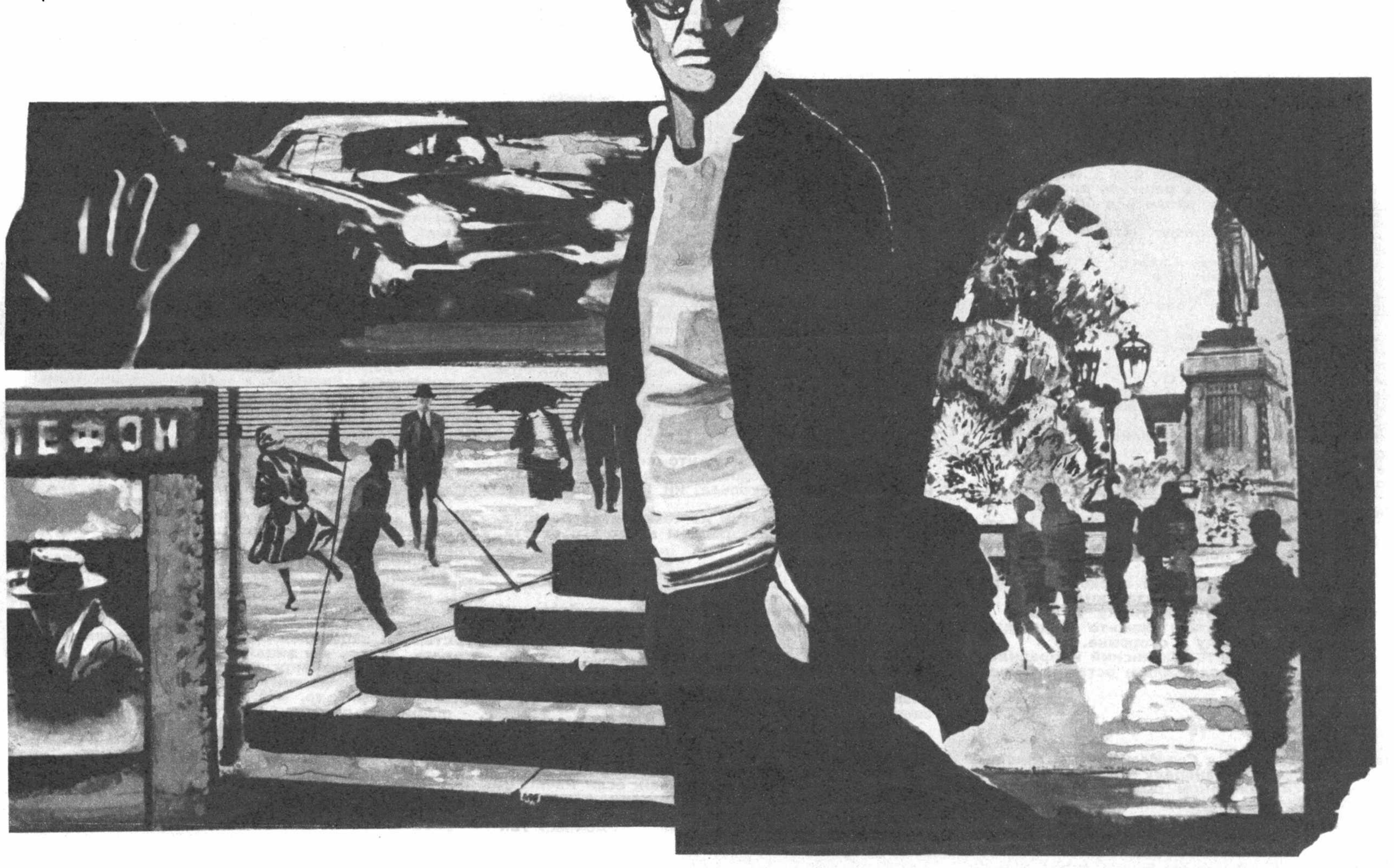
Прошло еще два дня, и Раскольцев появился в Верее. И не один... Он приехал на своей машине, на автобусе приехал Сальге. Аккуратно подчищал за ним следы...

Но и Шкаликова была нами подготовлена к этому визиту. Дочь она отправила к родственникам в Москву, Раскольцева встретила поначалу настороженно. Очень неохотно, с заметным для него сопротивлением втягивалась в разговор. Он назвался. Объяснил, что ее муж помог ему бежать из плена. Теперь вот, дескать, решил он о нем вспомнить и написать книгу. Она могла бы о нем рассказать. Он же герой, самый настоящий герой!

— Какой же он герой? — остановила его Шкаликова.— Всю войну в плену просидел...

— И в плену себя люди по-разному держали,— пояснил Раскольцев.— Он не только о себе думал, но и о других...

Он рассказал, как они убежали, какой это был риск, как убили немецкого автоматчика.

— Рассказывал он мне это...— отвечала Шкаликова.— И вас вспоминал... Говорил, что доктором стали. Все собирался к вам ехать лечиться... Не собрался... Сгорел. А героем не был... Работал по счетной части да ночным сторожем. Жалела я его... Так и не выбился из нужды. Жизнь ему плен поломал. А может быть, и родился неумехой... Я его откуда же знала? Только поженились, а вот и война!

Выдержала испытание. Провела все так, как нам было нужно. Раскольцев распрощался с ней, оставив ей в подарок шерстяной платок.

Пока шел в доме Шкаликовой этот разговор, Сальге дважды прошел мимо дома и сел на автобус. Сошел на остановке на полпути к Москве. Раскольцев ехал на машине. Сальге поднял руку, «проголосовал». Раскольцев посадил его к себе в машину.

Их разговор известен нам с протокольной точностью. Это была их последняя встреча.

Сальге спросил:

— Есть какие-нибудь признаки, что она что-то знает?

— Никаких!— твердо ответил Раскольцев.— Похоже, что он от нее надежно скрылся...

— Не врал! Не знает она о нем... Хорошо! Не испугалась?

— Такую гражданочку не испугаешь! Вам это не понять! Русская баба! С юмором она смотрела на своего супруга... Терпела, и все...

— Пятнадцать лет прошло... Может быть, уже и забыла его?

— В герои его не зачисляет... И забыть, конечно, забыла... Похоже, что и вспоминать ей все это неприятно...

— Каков Дубровин, ваш пациент? Контакты с ним возможны?

— Как видите, возможны... Но я не хотел бы их продолжать. Это люди осторожные, тренированные...

— Пока не продолжайте... Я попытаюсь узнать там, у нас, что о нем известно... Если он был в Германии в годы войны, то следы его могли остаться... Тогда будет ясно, как с ним себя держать... Больше к нему не напрашивайтесь...

— Надо бы проверить, как прошла версия с Притыковым!

— Ни в коем случае... Это элементарная ошибка. Не счесть, сколько преступлений раскрыто именно на том, когда начинали вот так проверять... Притыков со Шкаликовым не совместились. Для меня это очевидно... А для вас это главное... Гарантирую вам, доктор, что личность его установить могли только по документам... Все было точно рассчитано. Казанского я проводил... Он трусил... Но все прошло чисто. Если бы за ним было наблюдение, я заметил бы... И его связной не мальчик...

— Кто он? — спросил Раскольцев.

— Профессионал!— ответил Сальге. Они помолчали.

— Теперь с генералом...— продолжал Сальге.— Не торопитесь! Беседа на веранде просмотрена нашими. Вопросы поставлены слишком прямо... Чем дольше вы не будете задавать вопросов, тем лучше... Всячески его привяжите к себе. Записывайте все ваши с ним разговоры. События сами что-нибудь подскажут... Мы подсказку не проглядим... Вы вошли в когорту очень ценных для нас лиц... Сегодня я могу с вами уточнить наши расчеты... Что вас устроит? Вся сумма на руки или часть в заграничном банке?

— Все в заграничном банке и в валюте.

— Расходы на организацию дела в русских рублях здесь! Нас интересуют прежде всего средства связи его службы. Это большая тайна, и ее оберегают. Если вы что-то получите из этой области, конечно, не сейчас, а когда выдастся случай...

— Мы можем сейчас определить сумму?

— Я закончу свою мысль... Не я это определяю, и сразу никто не определит, что вы добудете... Если информация будет отнесена к первой категории, вы станете очень богатым человеком.

— Как я смогу выбраться за границу?

— Туристское путешествие... Просьба предоставить политическое убежище...

— Если я почувствую, что они мной заинтересовались, что делать?

— Лучше вам этого не почувствовать... Мой совет — не ждать встречи со следователем! Вы врач!.. Я думаю, что вы не нуждаетесь в наших средствах...

— Не нуждаюсь...

— Что вас тревожит?

— Художник... Я его едва привел в сознание, так он испугался...

— Это хорошо, что испугался... Пугливый не пойдет на себя доносить... Он предупрежден, что в случае провала мы его на дне морском разыщем... Цепочка выстроена отличная, поверьте, вам ничего не грозит, если только вы сами будете осторожны!

Прощание было не сентиментальным. Сальге вышел из машины, не доезжая до Москвы...

Приближались последние часы его пребывания у нас в стране. Василий даже погрустнел.

— Жалко отпускать!— объяснил он мне.— Красиво можно было бы допрос построить!

— Мы еще с ним встретимся!— заверил я, хотя, по правде сказать, не очень-то рассчитывал на встречу.

...В одном из южных портов Сальге поднимался по трапу на туристский теплоход. Василий стоял на посту в форме пограничника рядом с сотрудником таможни. Он проверил документы у Сальге и не удержался от шутки. Возвращая документы, он сказал:

— В добрый путь! До скорой встречи!

— Мне ошень, ошень нравилось в вашей стране...— ответил Сальге, коверкая русские слова.

Теплоход отчалил...

Окончание следует.

БЫТ, ТОРГОВЛЯ, ЭКОНОМИКА

К. БАРЫКИН

БАР ОТДЫХАЕТ В ВОСКРЕСЕНЬЕ...

В последние дни в торговле пивом наметилось существенное изменение. Теперь на редком киоске увидишь обычную табличку: «Пива нет». Чаще прочтешь оптимистическое: «Ожидается завоз пива».

И вот в рассуждении, где бы выпить кружку пива (или того лучше, купить несколько бутылок «Жигулевского»), я вышел из дома. Суббота, жара, рассуждал я, город почти опустел. Во всяком случае, в центре-то народу немного. Туристы, приезжие. Москвичи ринулись в лесную прохладу. Значит, в любом кафе или баре мест хоть отбавляй. В пору ставить зазывалу у дверей. Но в баре «Жигули» обходились без его помощи: на улице, почти слившись со стеной, стараясь захватить побольше тени, стояли любители пива.

— Давно ждете? — поинтересовался я у тех, кто уже был рядом с дверью.

— Час с небольшим...

В удовольствие ли пиво после часа ожидания?

Прежде чем отправиться в следующий пивной бар, решил заглянуть в только что изданный телефонный справочник: позвоню, поинтересуюсь, есть ли свободные места, заодно и адрес уточню. В алфавитном указателе нашел бани, а сразу после них — бассейны и библиотеки. Бары стыдливо упрятали в конец справочника...

На Пушкинской улице дверь в бар была закрыта наглухо. На скорую руку написанное объявление поясняло: «Санитарный день». Кому же это пришло в голову субботу, да еще жаркую, делать санитарным днем, ума не приложу! Попытался было выяснить у администрации бара... Дверь чуть приоткрылась, и оттуда, не дожидаясь моего вопроса, «вежливо» осведомились: «Объявлению не веришь?» И дверь захлопнулась. Да, в таком баре не посидишь за кружкой пива... И не только потому, что он закрыт.

На следующий день, в воскресенье, снова поехал на Пушкинскую — уже не за пивом, а посмотреть, кто заходит в сие заведение. На этот раз на двери красовалось более основательно выведенное: «Санитарный день». Длинный, в двое суток, получился санитарный день в пивном баре на Пушкинской...

Но не только ведь в барах можно найти пиво? Можно купить его и в магазинах, винные отделы которых на воскресенье освобождены от водки. Теоретически — да. Практически — очень сложно. Два-три ящика пива — максимум, который летом получают на день магазины.

— Да, бутылочного пива недостаточно,— подтвердили в управлении торговли продтоварами московского Главторга. — Наши заявки выполняются едва на треть.

Почему? В общем-то все просто: летом выпивают гораздо больше половины всего производимого за год пива. Но беда в том, что заводы работают... ритмично. Зимой, когда от пива ломятся магазинные полки, его производят почти столько же, сколько и летом.

Казалось, можно как-то сбалансировать разрыв, выпуская этот напиток впрок. Но обычное пиво не выдерживает долгого хранения: оно не пастеризовано. А пастеризованного производится крайне мало. Торговля просит 20 миллионов декалитров, промышленность же дает 0,5 миллиона декалитров. Нужны ли тут комментарии? Пока нет линий пастеризации, видимо, надо так вести работу, чтобы на лето приходилась основная часть выпуска.

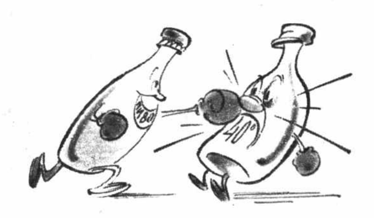
Большинство пивных заводов располагает старым оборудованием. Возможно ли на нем резко увеличить выпуск продукции?

— А где строятся цехи пастеризации пива? — поинтересовался я в управлении Росглавпиво.

— Пока нигде...

Пока? Но ведь проблема такова, что она не может ждать. Пора уже строить заводы с линиями пастеризации. Надо поторопиться и с выпуском консервированного, упакованного в банки пива — оно очень удобно в дороге. Да и дома его можно хранить долго.

Известно: пиво — союзник в борьбе с водкой. Это напиток добрый, приятный, а в жару отлично утоляющий жажду. Но, чтобы пиво помогало в баталии против алкогольного дурмана, ему, как и легкому виноградному вину, надо создать режим повышенного внимания. В Москве

же всего один именной бар, те же «Жигули», несколько безымянных — номерных; и лишь шесть пивных залов — случайных, плохо приспособленных для торговли пивом помещений.

Как торговать пивом? В те дни, когда бар на Пушкинской улице якобы по причине наведения там санитарного блеска был закрыт, неподалеку, на Петровском бульваре, возле киоска с надписью «Пиво», терпеливо выстаивала очередь. Даже тем, кто подходил к прилавочку, приходилось ждать: кружек не хватало. Обычных стеклянных кружек, которые существуют не первый десяток лет.

Однако, если переводить торговлю пивом на качественно иной уровень, надо подумать не только об открытии новых киосков и баров, но и о том, как их устроить. Известный всему миру под названием «У чаши» — «Швейковский» пивной бар в Праге славится не только отменным пивом, но и засиженным мухами портретом Франца Иосифа (тем самым), особой, в общем-то простой мебелью и высокими кружками с небольшими картонными разрисованными подставками. Почти каждый посетитель уносит с собой такую подставку — сувенир.

Могли бы ведь и в наших пивных барах завести еще и керамические кружки, и деревянные, с крышкой и без оной, кружечки, и кружки-гиганты — на литр-полтора...

Словом, многое можно бы придумать, будь желание, размышлял я, возвращаясь домой с двумя бутылками минеральной.

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

«ГДЕ МНЕ НАЙТИ ТАКУЮ БАНЮ?»

Редакция получила ответ на корреспонденцию под таким заголовком, опубликованную в «Огоньке» № 6 в феврале 1972 года. Директор банно-прачечного объединения Управления предприятий коммунального обслуживания Мингорисполкома М. Царьков сообщил, что поднятые в корреспонденции вопросы обсуждали и принимаются меры к тому, чтобы бани Минска улучшили обслуживание населения. Ведутся работы по реконструкции бани № 2, здесь будет четыре купальных бассейна, фотарий, кабинет гидропатии, парикмахерская, кафетерий. Баня должна войти в строй в 1972 году. Намечен капитальный ремонт бани № 3, реконструкция бани № 7. Разрабатывается проект банно-купального комплекса, который будет построен в районе радиаторного завода.

Совместно с управлением общественного питания Мингорисполкома изыскиваются возможности улучшения работы буфетов в банях, расширения ассортимента прохладительных напитков. Реконструируются старые и устанавливаются новые аппараты газированной воды.

* * *

Письмо тов. Царькова говорит о том, что меры намечаются действенные. Однако нельзя не сказать, что некоторые из отмеченных нами недостатков остаются и по сей день. В бане по улице В. Хоружей никак не могут обеспечить любителей доброкачественным паром, по-прежнему неудобно для посетителей расписание работы бани № 4. Что же касается буфетов, в них, как и прежде, редко появляется квас, никак не приживется чай, не всегда есть пиво. И по-прежнему здесь все так же неуютно.

А. ЩЕРБАКОВ,
собкор «Огонька»

Поля Ореховского торфопредприятия будут спасены.

ЛЮДИ ПРОТИВ

Б. СОПЕЛЬНЯК

Фото Э. ЭТТИНГЕРА.

На прошлой неделе в газетах было опубликовано сообщение о том, что в ряде мест Московской области загорелись торфяники и леса. Партийные, советские, хозяйственные органы делают все возможное, чтобы ликвидировать пожары, спасти народное добро.

Сегодня «Огонек» рассказывает о том, как ведется борьба с пожарами в Орехово-Зуевском районе, где побывали наши корреспонденты.

Дым ест глаза. В десяти метрах ничего не видно. Натужно урчат бульдозеры, стрекочут электропилы, чавкают лопаты... И вдруг крик: «Верховой пошел!!!» И в ответ: «Спокойно! Всем отходить назад!»

Люди вгрызаются в землю, спешат. Вскоре двухсотметровая канава готова. В нее укладывают мешки со взрывчаткой, заваливают дерном. Взрыв, и образовавшаяся широкая траншея тут же наполняется водой.

— Порядок! — говорит взрывник Ефим Мозжухин.— Здесь мы огонь заперли... Помечется малость и сам себя съест...

Радист принимает сообщение: на Мисцевском торфопредприятии пожар подобрался к поселку. Мчимся туда. В чаду мелькают люди — сбивают огонь, копают заградительную канаву. По торфяному полю петляет пожарная машина, пытаясь вырваться из кольца пламени. У самых колес вымахивает огненный смерч! Юрий Назаров резко вывертывает баранку. Машина проскакивает по самому краю большой воронки и только чудом не валится в пекло.

— Малость сдрейфил, — рассказывал позже Юрий.— Вокруг уже не торф тлел, а полыхал сплошной вал огня. Врубил я четвертую скорость, дал полный газ и прямо в огонь! Сколько через него гнал, не знаю. Наконец вырвались на чистое, отдышались.

А рация снова сообщает:

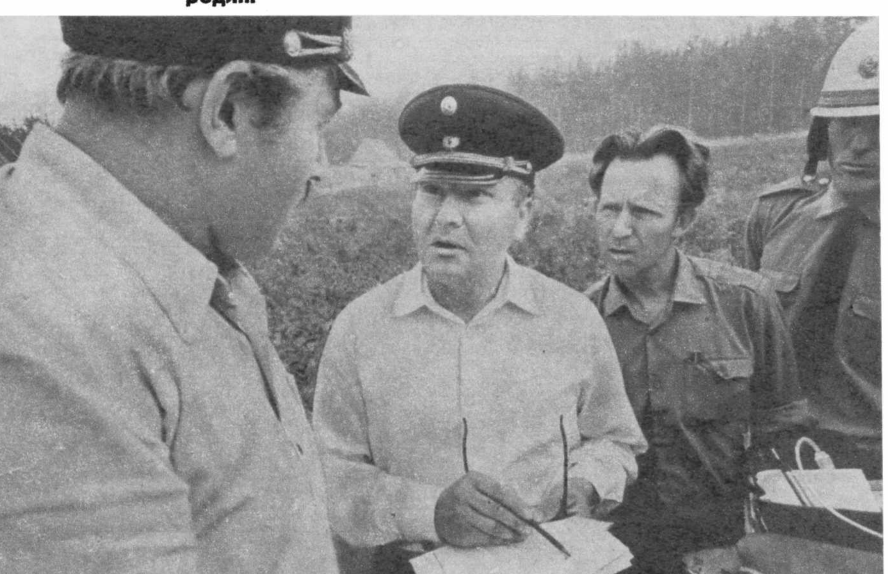
— Под угрозой Куровская нефтебаза и поселок Озерецкий.

Садимся в обгоревший «газик» и несемся в сторону нефтебазы.

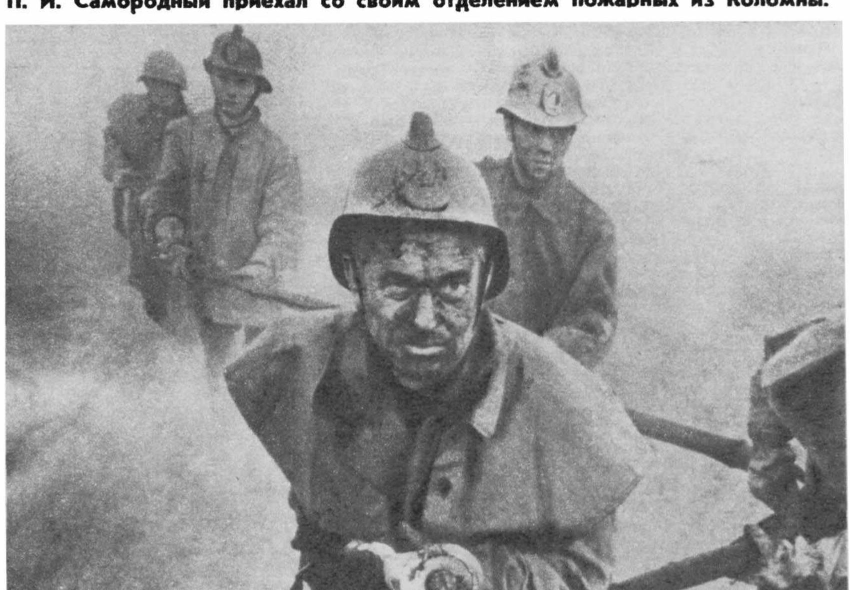
— Как же все это могло случиться? — спрашиваю у начальника Орехово-Зуевского отделения пожарной охраны майора В. К. Беляцкого.

— Небольшие очаги появились еще раньше, но мы их быстро локализовали. Один хороший дождь — и от огня не осталось бы следа. Но лето, сами знаете, какое, торфяники пересохли, леса как порох. И вот искра, сильный ветер — и все запылало. Сейчас уже знаем: одна из причин — непогашенные костры рыбаков и туристов. Много бед натворили и неисправные двигатели машин, тракторов: искрит выхлоп — пожара не миновать. Торф коварен. Залил костер и думаешь — все. А может, именно здесь притаился «запал». Если под коркой золы прячется тлеющий торф, то часа через два-три он уже даст пламя. Это еще хорошо, коли наружу сразу вырвется. Бывает так: ходишь по полю, нигде ни огонька, а на самом деле под тобой все полыхает. Потом вдруг вырывается стометровый смерч, вроде того, в который едва не угодила машина Назарова.

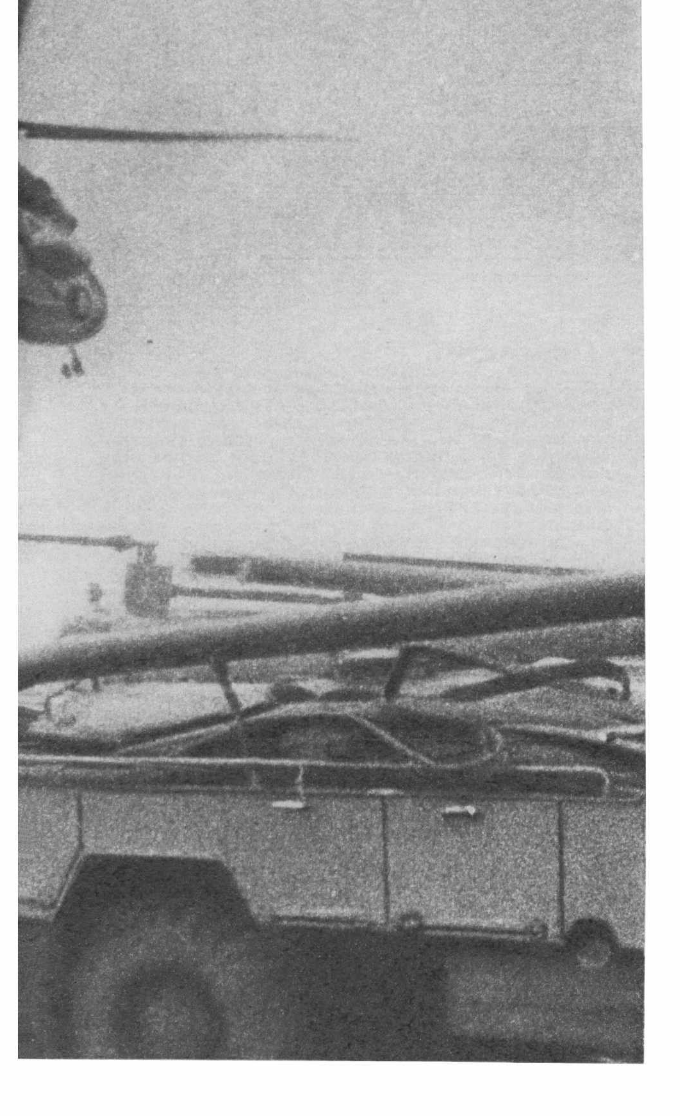
Нефтебазу отстояли. Поселок Озерецкий тоже — окружили его широким рвом. Пока мы добирались до Куровского мехсемлесхоза, радио

...Идет обсуждение оперативного плана действия. В центре — начальник областного управления лесного хозяйства А. М. Бородин.

П. И. Самородный приехал со своим отделением пожарных из Коломны.

ОГНЯ

в машине молчало. Но в кабинете директора Н. Т. Тюкина, похожем на фронтовой КП, рация не смолкает ни на минуту. Сообщения тревожные.

— Положение серьезное,— говорит Николай Терентьевич.— Посмотрите карту: от Губинского торфопредприятия движется огонь. До леса его допустить нельзя. Сейчас по кромке массива копаем канавы, делаем взрывами траншеи... Помощников у нас немало: солдаты, рабочие совхозов «Титовский» и «Память Ильича», дружины строительно-монтажного управления.

Последние слова тонут в реве вертолета. Завтра Тюкину подбросят подкрепление — еще восемь команд взрывников. На подходе и техника — траншеекопатели, бульдозеры, роторные экскаваторы и пожарные машины.

...Полтора часа летаем над полями и лесами. И везде по дорогам и тропинкам, а то и прямо по мелколесью спешат к очагам пожара различные машины, идут цепочки добровольцев. Люди перешли в наступление, но огонь все еще не сдается, и бои предстоят тут трудные.

Перерыв на обед, и снова в огонь.

Леонид ШЕМШЕЛЕВИЧ

ВСТРЕЧИ В ПУТИ

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

Улица мчалась,
Крича и звеня.

С застывшей болью
Во взоре,
Палкой стуча,
Мимо меня
Прошло
Неизбывное горе.

Переступив
Тротуарный торец
Так,
Словно глаза его видели,
Идет перекрестком
Сутулый слепец
С орденской планкой
На кителе.

Прошел он
Мимо меня
И других.
И стало мне
Стыдно и душно.

Как часто
Бываем мы
В буднях своих
Жестки и равнодушны.
Я к человеку
Спеша подхожу.
(Рычит грузовик
Где-то рядом.)
— Позвольте, товарищ,
Я вас провожу...
Он тихо ответил:
— Не надо.
— Не надо,—
Сказал он мне
На ходу
И палкой
Асфальт потрогал.
— Не беспокойтесь,
Я сам дойду.
Я чувствую слухом дорогу...

...Вокруг расцветала
Сиренью весна
С неукротимой силой.
Глаза человеку
Выжгла война,
Но душу его
Не сломила.
Он шел, не боясь
Непроглядной беды.
Шаги его были
Тверды
И верны.
Он шел,
Побеждая недужество.
Солдат
(Будем верить —
Последней войны)
Шел
В крепком содружестве
С мужеством!

«ЗДРАВСТВУЙ!»

Среди кипарисов,
Пляжей
И гостиниц
Бродит, улыбаясь,
Смуглый аргентинец.

Быстрый,
Горбоносый,
В пиджаке цветастом,
Ходит он по Ялте,
Говорит всем:
«Здравствуй!»

Больше он по-русски
Ничего не знает,
Но его нисколько
Это не смущает.
Пред памятником Ленину
Шляпу он снимает,
И без слов прохожие
Гостя понимают.

И навстречу слышит он,
Проходя по скверу:
«Добрый день, товарищ!
Здравствуй, кабальеро!..»

Все ему в новинку,
Все тут незнакомо,
И, однако, чувствует
Он себя, как дома.
Сняв пиджак,
По-своему тараторя бойко,
По мосткам поднялся он
К санаторной стройке.

Мастерок схватил он
И с большой охотой,
Весело присвистнув,
Взялся за работу.

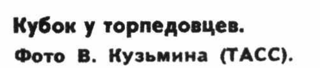
Кирпичи кладет он
По веревке ловко.
Аргентинец этот —
Парень со сноровкой.

Крепок, и задорист,
И к труду охочий...
По ухватке виден
Человек рабочий.

Поработал с толком,
Песню спел горласто,
И, прощаясь,
Снова
Он сказал нам:
«Здравствуй!..»

И забрал в дорогу
Вместо сувенира
Мастерок хороший —
Подарок бригадира.

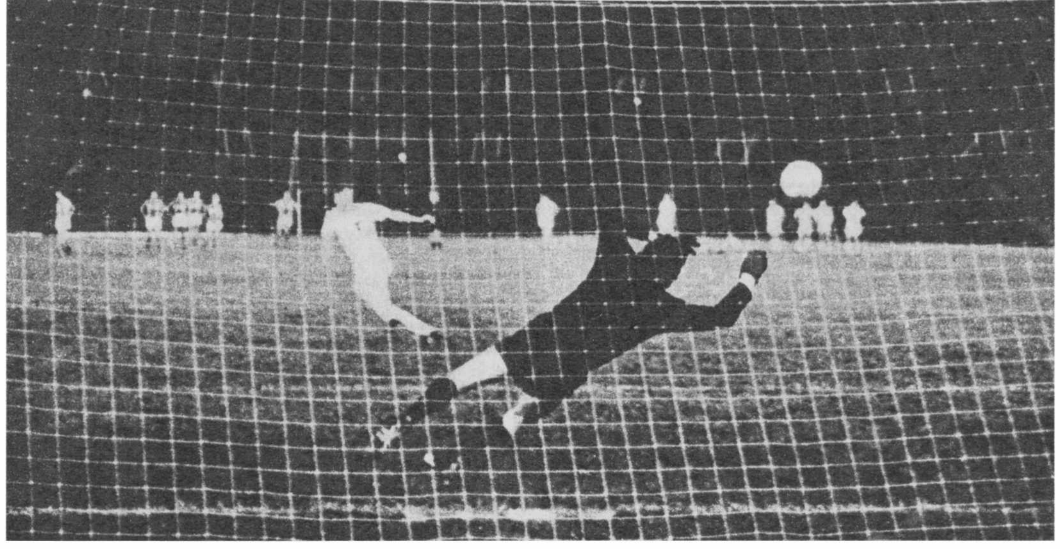

Кубок у торпедовцев.

Фото В. Кузьмина (ТАСС).

ПО ЗАКОНАМ КУБКА

Один из пяти победных пенальти. Фото Н. Сафонова.

Разбег был коротким, но удар получился хлестким, а главное — точным: в самый угол. И он подпрыгнул от радости, увидев, как затрепетал мяч в сетке, и побежал по полю, счастливый, и к нему бросились товарищи по команде поздравлять его. Не потому, что он, 19-летний Анатолий Соловьев, дебютант «Торпедо», впервые появившийся в основном составе в день финального кубкового матча, совершил какой-то спортивный подвиг,— мяч он забил с пенальти, точно так же, как минутой раньше это сделали Вадим Никонов, Владимир Юрин и Владимир Краснов. А потому, что его гол оказался решающим, потому что только после него стало ясно, что хрустальный Кубок, стоявший два дня на столике перед Западной трибуной, будет вручен им, московским торпедовцам.

Говорят, у Кубка свои законы. Верно. Кубковые матчи всегда бескомпромиссны, драматичны, остры. Но главный закон: Кубок ничьих не признает. И, наверное, зрители сожалели об том, ибо в минувшем, 31-м по счету, финале хрустальный приз заслужили оба соперника. Заслужили отличной игрой, неукротимостью духа, мужеством и самоотверженностью.

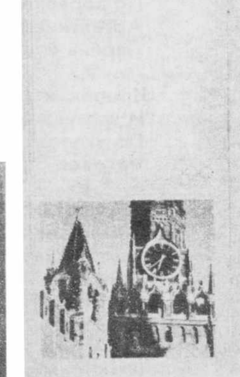
После матча я зашел в раздевалку торпедовцев. Атмосфера у них была приподнятая, праздничная. В. Маслов подходил к каждому, по-отцовски обнимал. Футболисты смеялись, шутили, по очереди благоговейно трогали Кубок — ведь большинство из них впервые держало его в руках.

Два дня подряд, восемь таймов, в общей сложности 240 минут, провели «Торпедо» и «Спартак» на поле Лужников. И полные трибуны стадиона увидели в эти минуты все, чем богат и славен Кубок,— лихие атаки, драматические ситуации у ворот, мощные удары, отчаянные броски вратарей. Сейчас даже трудно сказать, какой поединок получился интересней — первый или второй, хотя всем казалось, что уставшие футболисты в повторном матче уже не смогут показать содержательной игры. Но Кубок есть Кубок, и, видимо, одно это волшебное слово сняло усталость, придало игрокам новые силы, открыло «второе дыхание». Однако счет остался ничейным, и, когда истекла последняя, 240-я минута матча, впервые в истории финальных поединков командам было предоставлено право пробить по пять пенальти. Последняя проверка не только точности удара, но и нервов и уравновешенности.

Эти качества оказались выше у торпедовцев. Никонов сразу же забил гол и вдохновил своих товарищей. А Папаев пробил мимо, его печальному примеру последовал Егорович, и вот после удара Соловьева стало ясно, что Кубок меняет свой адрес. С Красносельской улицы, где он хранился в городском совете «Спартака», Кубок переехал на Восточную улицу, в спортклуб «Торпедо». И в пятый раз на его серебряной крышке гравер вырезал название команды автозавода.

Сергей КРУЖКОВ

ОЛИМПИАДА НА ЛАДОНИ

Издательство «Физкультура и спорт» уже не раз радовало нас своими справочными изданиями, которые вполне можно назвать путеводителями по спорту. Вот и теперь издательство позаботилось о том, чтобы мы не заблудились на XX Олимпийских играх. Выпущены два нарядно оформленных справочника — «Олимпийские игры. День за днем. 1972» и «Команда СССР на XX Олимпийских играх».

Мы получили возможность не только познакомиться с программой игр, но и узнать много интересного из истории спорта, вспомнить самых выдающихся победителей прошлых встреч. «Олимпийские игры» — это поистине маленькая спортивная энциклопедия, и, когда листаешь ее страницы, тебе кажется, что ты держишь Олимпиаду на своей ладони.

Не менее интересно познакомиться и со справочником «Команда СССР на XX Олимпийских играх» (составитель А. Колодный). В справочнике приведены не только биографии всех участников мюнхенской Олимпиады, но и дается оценка их возможностей в борьбе с сильнейшими спортсменами мира. С прогнозами выступают известные тренеры и участники предыдущих Олимпиад. Так, о боксерах рассказывает двукратный олимпийский чемпион Б. Лагутин, о гребцах — обладатель двух золотых олимпийских медалей Ю. Тюкалов, о велогонщиках — чемпион римской Олимпиады В. Капитонов и т. д.

Но вот в предвкушении предстоящего мы закрываем эти любовно, со вкусом оформленные книги и на задней обложке одной из них читаем: «Москва приглашает Олимпийские игры 1980 года». И сегодняшний олимпийский день начинает перекликаться с завтрашним. Да, Москва готова стать хозяйкой XXII Олимпиады, и об этом убедительно рассказывается в специальном фотобуклете, выпущенном тем же физкультурным издательством.

В создании этого подарочного буклета (составитель Б. Базунов) приняли участие лучшие фотомастера, и с их помощью наши будущие гости имеют возможность познакомиться с Москвой и ее великолепными спортивными сооружениями. Спортивные руководители многих стран, писатели, журналисты, общественные, государственные деятели высказывают на страницах буклета свои восторженные впечатления, связанные с посещением советской столицы. С ее прошлым, сегодняшним и будущим днем знакомят читателей председатель Моссовета В. Промыслов, министр культуры СССР Е. Фурцева, министр связи СССР Н. Псурцев, директор Исторического музея В. Вержбицкий, главный архитектор Москвы М. Посохин, председатель Олимпийского комитета СССР К. Андрианов и многие другие.

Москва приглашает, и ее призыв скоро прозвучит в олимпийском Мюнхене.

Тамара ПРЕСС,
чемпионка XVII и XVIII Олимпийских игр

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Курорт в Ставропольском крае. 7. Ода А. С. Пушкина. 8. Легкая двухколесная повозка. 12. Морская рыба. 13. Орнаментальный мотив в виде стилизованного цветка. 14. Химический элемент. 15. Поверхность шара. 17. Река во Франции. 18. Автор картины «Последний день Помпеи». 22. Опера В. Беллини. 25. День недели. 26. Тригонометрическая функция. 27. Щипковый инструмент. 29. Ягода. 30. Небольшая железнодорожная станция, полустанок. 31. Областной центр в Казахстане.

По вертикали: 1. Раздел механики. 2. Ежегодный торг. 3. Лабораторная посуда. 4. Архитектор, построивший Смольный институт. 5. Советский писатель. 6. Государство в Южной Америке. 9. Огородное растение. 10. Драгоценный камень. 11. Изучение пещер. 15. Персонаж повести И. С. Тургенева «Вешние воды». 16. Главная артерия. 19. Актер МХАТа, народный артист СССР. 20. Устройство для пуска двигателя внутреннего сгорания. 21. Дикая роза. 23. Полуостров в СССР. 24. Рассказ А. И. Куприна. 27. Соревнование. 28. Млекопитающее отряда китообразных.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 33

По горизонтали: 7. Бабочкин. 8. Саврасов. 9. Поти. 10. Лермонтов. 12. Иней. 13. Макака. 17. Свайка. 19. Перекат. 20. Понедельник. 23. «Перекоп». 24. Байкал. 26. Паркет. 30. Гимн. 31. Прожектор. 32. Клещ. 33. Гиперион. 34. Байдарка.

По вертикали: 1. Флорида. 2. Станица. 3. Панорама. 4. Жилет. 5. «Манон». 6. Коленкор. 11. Определение. 14. Крапива. 15. Перепел. 16. Дальтон. 18. Вискоза. 21. Бразилия. 22. Креветка. 25. Концерт. 27. Реклама. 28. Орион. 29. Посад.

На первой странице обложки: Все выше и выше.
Фото Г. Макарова и Г. Товстухи.

На последней странице обложки: Гидротехническое и навигационное сооружение «Железные Ворота» на Дунае — детище братства народов Румынии, Югославии и Советского Союза. Советский Союз поставил уникальное оборудование для ГЭС.

Этот комбайн вышел из ворот бухарестского завода сельскохозяйственного машиностроения «Семэнэтоаря». Продукция предприятия идет в страны — члены СЭВ.
Фото И. Думитру (журнал «Флакара»).

Популярный в Трансильвании народный промысел.
Фото Г. Винцилэ (журнал «Румыния»).

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 31/VII-72 г. А 00727. Подп. к печ. 15/VIII-72 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1626. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 3300.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

И ФУТ ПОД КИЛЕМ!

С. КАЛИНИЧЕВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

— Рубить паруса! Эй, на шлюпке! Рубить паруса и на веслах — в залив!

Пятьсот пятнадцатый погасил скорость, подойдя, насколько это возможно, к шлюпке, и сразу запрыгал на волнах под порывами ветра. Чтобы не свалиться за борт, мы хватаемся за металлические леера, наваренные на фальшборт теплохода. А наш теплоход, зарываясь носом в волну, спешит к следующей шлюпке.

— К берегу! — кричит в мегафон Александр Федорович Карпусенко, директор флотилии.

Наш теплоход мечется по кипящей поверхности озера, догоняя разбросанные ветром шлюпки. Их четырнадцать.

— Это настоящие морские шлюпки. Если без паруса — никакая волна не опрокинет,— кричит мне в ухо Карпусенко.— Да и с парусом. Но тут особая статья — дети!

Я вижу, как в одной из шлюпок шестеро мальчишек — все, кроме рулевого,— навалились на борт, пытаясь выровнять ее ход. А с другого борта парус чиркает по гребешкам волн. Услыхав команду «Рубить паруса!», мальчишки сникли. Парус — поэзия, весла — проза. Через полчаса большинство шлюпок уже вошли в залив. Только два экипажа, дальше всех отнесенные ветром, вынуждены были принять с теплохода буксирный конец.

А. С. Макаренко говорил, что нельзя воспитать мужественного человека, если не поставить его в условия, в которых он мог бы проявить мужество. Это хорошо понимают наставники Запорожской флотилии юных моряков и речников — самой старой на Украине детской флотилии. За тринадцать лет в ней прошли обучение тысячи мальчишек и девчонок. Принимают сюда школьников 12—14 лет. Всю зиму они дважды в неделю занимаются в классах, изучают судовождение, судовые двигатели, лоцию Днепра и его притоков, радиодело, а летом идут в походы на кораблях, учатся плавать, ходить на шлюпках под парусами и на веслах.

На плавучую базу «Валентин Котик» — это в бухте возле села Вольная Андреевка — нас доставил теплоходик, переделанный из старого торпедного катера (подарок шефов). Теплоход, за штурвалом которого стоял пятнадцатилетний Коля Сидоренко, лихо развернулся в небольшой бухточке и с шиком ошвартовался у высокого борта базы. Вся команда тут одногодки. Нынешней весной они окончили восьмой класс, а здесь, во флотилии, занимаются третий год. Осенью должны получить удостоверения рулевых-мотористов, что дает им право работать на судах пароходства. Капитан-наставник Михаил Ефимович Гунько на протяжении всего рейса — а это около двух десятков километров по сложному фарватеру озера имени Ленина — зорко следил за действиями команды, однако почти не вмешиваясь в работу ребят.

...Мы поднимаемся на борт базы, а палубная команда под руководством старшины бросается разгружать прибывшее судно. Старшине не более шестнадцати. И что-то у него не клеится дело. То лебедка «заедает», то стропальщик не понимает его команд. А груза немало. Из Запорожья доставили питьевую воду, продукты, детали оборудования для камбуза, запчасти к дизелям. Ребята мечутся, а толку мало. Тогда к ним подошел сухощавый мальчишка с волевым, обветренным лицом и стал отдавать какие-то распоряжения. Сразу дело пошло. Я спросил, как фамилия этого мальчика. Мне сказали, Валера Хитайлов.

Через два дня, разговаривая с директором флотилии, я снова услышал эту фамилию. Но всему свой черед. Сначала о директоре флотилии. Александр Федорович Карпусенко — капитан первого ранга в отставке. Тридцать лет отслужил на флоте, в основном на Севере, командовал боевыми кораблями и соединением кораблей. Вся грудь в орденах. Для мальчишек и девчонок Александр Федорович — авторитет непререкаемый. Прохаживаясь по палубе, он рассказывает о делах флотилии.

— После года занятий ребята сдают экзамен на значок «Юный моряк», еще через год — на старшину шлюпки, а «по третьему году службы» становятся нашими помощниками. Они командиры шлюпок, старшины в кубриках, дизелисты, радисты. Из них же комплектуются команды трех теплоходов флотилии. Каждый овладевает одной из флотских профессий: судоводителя, судомеханика, радиста-монтажника...

...Динамики разносят по базе хрипловатый голос боцмана:

— Отряду «синих» занять места в шлюпках!

По трапам из кубриков горохом сыплются юные моряки. В шлюпки погружаются палатки, котелки, сухой паек, ребята помогают девчонкам-радисткам погрузить рации. И через двадцать минут теплоход «Восток» да несколько шлюпок покидают бухту. Отряд «синих» отбывает в неизвестном направлении. Им предстоит вскрыть в пути конверт с приказом, разбить лагерь в указанном месте и выставить посты. Оставшиеся же — отряд «красных» — будут подняты по тревоге перед рассветом. Им назовут квадрат «синих» и дадут жесткий срок для высадки десанта. Если уложатся в указанное время, разведают, высадятся незамеченными и атакуют — значит, победят. А коли не успеют, тогда «синие» по радио получат разрешение на свободу действий и смогут «атаковать» опустевшую базу или дать встречный бой «противнику».

— Из каждых десяти наших выпускников,— продолжает директор,— четверо потом работают по специально-

Сигнальщик Оля Комарова.

стям, приобретенным здесь: на судоремонтном заводе, в порту, на кораблях и базах других пароходств. А каждый десятый уже окончил или еще учится в одном из высших мореходных училищ.

— Александр Федорович,— говорю я,— согласитесь, что трудно представить себе мальчишку-девятиклассника полноценным командиром на теплоходе, пусть даже речном. Ну как ему доверить судовой дизель-генератор!

— Кто имел дело с нашими выпускниками, тот доверяет. И сам я доверяю. У нас на плавбазе два мощных дизель-генератора. По штату положено держать тут двух штатных мотористов. Но я со стороны не пригласил ни одного. Вместо них днем и ночью несут вахту шестеро ребят. И, как видите, на борту работают телевизоры, на камбузе все оборудование и плиты электрические, освещение отличное, лебедки и помпы на ходу. А зайдите в машинное отделение: каждая медяшка улыбается — такой там порядок.

— И все-таки,— не унимался я,— это машины. Требуется мелкий ремонт, наладка... Кто-нибудь старший там есть!

— Есть. Валера Хитайлов.

И сразу вспомнился мальчишка, который командовал разгрузкой теплохода. Встретиться с ним мне удалось лишь на следующий день. Ему шестнадцать лет. Окончил девятый класс и месяц назад успешно сдал экзамен на рулевого-моториста. Отец его работает в мартеновском цехе «Запорожстали». Там же и старший брат Коля, который в прошлом году окончил десятилетку и «служил» на флотилии. Осенью он пойдет служить на флот. Младший брат, Саша, тоже пришел на флотилию. Одну зиму уже отзанимался и в поход уйдет со второй сменой.

— Вы лучше,— говорит мне Валера,— про наших наставников напишите. У нас их не так много, зато какие! А нас самих, кто заслужил, конечно, завтра Нептун хвалить будет.

...Мы покидали плавбазу после праздника Нептуна. Мальчишки и девчонки, выстроившись на спардеке, желали нам доброго пути. Мы им в ответ — счастливого плавания и фут под килем!

Праздник Нептуна.

На буксире.

Главное — поддержка болельщиков.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663